

МАРИЯ КАМЕНКОВИЧ

ИЗБРАННОЕ

**Составитель
Валерий Каменкович**

Санкт-Петербург
2008

УДК 82-14
ББК 84-5
К 18

Каменкович Мария.

К 18 Избранное — СПб.: Издательство ДЕАН, 2008. — 320 с.
ISBN 978-5-93630-696-9

Мария Каменкович человек редкостный, талантливый. Разносторонность — от избытка: лингвистика, редактирование самиздатского журнала, авторские передачи на Би-би-си. Замечательные переводы: учёные комментарии и — сохранённая, как старинная ваза, — чудесная переводная проза.

Короткая, яркая, сгорающая — сгоревшая — жизнь: «Огонь поядущий»; в самом центре, как жар, — несгораемый Дар. Та самая неопалимая купина, из которой, кажется, — строчки её лучших стихов.

Она была прежде всего — поэт. Поэт — в химически чистом виде. Обладатель удивительного поэтического голоса. Хрупкого и, одновременно, — очень цельного. Устремлённого вертикально ввысь — и захватившего на борт (для пикника — отнюдь не для балласта) целую английскую корзинку аппетитного юмора. Имя в петербургской поэзии — не забытое.

УДК 82-14
ББК 84-5

ISBN 978-5-93630-696-9

© М. Каменкович, 2008
© В. Каменкович, составление, обложка, 2008
© Издательство ДЕАН, 2008

Слово, пылающее в Бытии

*Я — слово (с маленькой буквы), пылающее в Бытии.
Я — одна (а теперь — с большой) из несметных Его слуг.
Я зажигаю свою свечу на литии. И обращаюсь в слух.*

Из книги «Дом тишины»

Она вынашивала свой дар, как та, другая Мария, — свой. После Благой Вести. «Когда узнала я, что я — поэт» (переименовав её любимую Цветаеву). Она переживала — в разработке своих образов, в своём пластическом и поэтическом взрослении — «онтогенез — как филогенез». Она проходила стадию классики, стадию Золотого века — с пушкинским ямбом и всяческими фебами — в семнадцать лет. (Нет, не всяческими, а — своими фебами, «полумёртвыми».)

Надиктовывает щедро
Полумёртвый Феб...

1979

Футуристский маяковский шаг и наведение резкости на предмет — в восемнадцать:

Я — очевидец своих восемнадцати лет.
Это — почти очевидец своих лопаток...

Дунешь на мысль — сполох на потолке:
Словно качнулось гигантское блюдо с чаем.

Мост из-под губы сплевывает слова.
Те, выплывая льдом, становятся зрими.
Как вода в ледостав, болит голова,
Пробуя угол рифмы.

1980

«Серебряный» В. Иванов со свитой появляется несколько позже. Да так и остаётся, со свитой, — навсегда. Разве что

потом их отодвинет, чуть в сторону, более универсальное тяготение — к псалму. Что уже не есть лишь только — поэтика. Но — мироощущение. Всё чаще будут потом проплывать миражи времени и места — времена и места древние, притчевые. Изначальные. Колыбельные. Ханаан. Вавилон. Ур. Но, пока:

Куполами из туманов,
Кормчими по хлябям мрака:
Рильке, Хлебников, Иванов —
Солнце мёртвых...

1982

Её звали Мария Каменкович. Маша. Её прекрасное знание топографии русской и мировой словесности в юном возрасте, выучка, природный дар... Опасные вещи. Слава богу — ничего из этого подарочного набора не станет, как у очень многих начитанных молодых людей со способностями, душистым сыром из ловушки — из мышеловки пожизненного ученичества. Маша Трофимчик (урождённая), утёнок из сосноринского лито, превращается, очень быстро, очень уверенно, суверенно, — в того самого прекрасного лебедя. Поэт Мария Каменкович начинает своё — непоправимо недолгое, яркое, «незаконное», согласно страшному диагнозу, — Хождение За Три Моря. Существование в слове. Мощными аккордами начинает. Большими удачами.

Вот верлибр — «фирменный», имени М. К. «Сад в Александроневской Лавре»: просто потрясающе хороший верлибр. И не чувствуется стыков, стих «ведёт». Заводит. Отсутствие, при всём при том, гладкописи. Это там, где: «Ничего, когда-нибудь мы умрём и обо всём узнаем».

Вот — рифма. Иногда — совсем неожиданная. Заставляющая по-новому сверкнуть — и ведущее, и ведомое — слово. Поворачивающая, порой, саму их семантику непредсказуемой гранью. Рифма, подчас, вовсе уж — «криминальная». Неправильная. За гранью фола. Но, тем не менее, — дивная, особым образом работающая: Машин (зрелой М. К.) — брэнд, «конёк». Поэтому

немного обидно, что в самом начале этой книги, в отличных вещах — семнадцатилетней школьницы! — есть несколько мест с хромающей рифмой. Но. Изъяты их означало бы — отойти от концепта. Поскольку задача книги (одна из задач): показать становление души. Юной. Незаурядной. Включая тот короткий период, где техника, пока ещё, — не суть важна. Где «жизнь — тёплый суп вещей...». Где хождение за три моря, как в йоге, в первой её стадии, являет собой — географическое, телесное перемещение: к чёрту на кулички, в тайгу, за романтическими туманами и запахами:

Я благодарна. Я богата.
Я в три звезды горю над Обью.
1982

Салехард, Хараматалоу

Марии Каменкович двадцать лет. Начинает преобладать духовное «хождение за моря». Проецируются друг на друга, взаимовлиянием, — поиски. Поиск самого себя, своей самости. Поиск небесного Иерусалима. Поиск слова...

И некому перепирать нам Бога,
Как в ино время Гнедичу — Гомера...
Напой нам, нацеди густого слова,
Отеческого сула, зинзивера...

Вот — раздёрганный, мучимый своей невоплощённостью образ незаурядной молодой женщины. Чувствуешь его — уже в этих, вроде бы к другому относящихся, строчках: «И поэтому сам шестикрыл дикоглаз безрассуден, предпочетший животного Ангела вязам и людям. И поэтому сам истончается тонкою схемой, самовольно облекшийся гордою, хладною схимой. И поэтому сам он бестрепетен, тих, аккуратен...» От текста к тексту нарастает экзистенциальная тревога: чувство начала:

...Приложите ухо к снам:
Гул от приближенья бед.

Сон ломается, как наст.
Время ускоряет бег.»

Накапливаются, параллельно, качества. Пора Великого Перелома. Возникает волшебный «массивный перстень». Его сердцевина — твёрдой, драгоценной огранки христианская вера — начинает теперь определять угол преломления поэтического взгляда.

...Барахтаясь в судьбе,
Массивный перстень Византии
Со дна добыла я себе.

«Перстень Византии», найденный ещё в Ленинграде. «Со дна», с самых ранних, заветных, запретных советских времён. В дальнейшем, от перемены мест географических — ничто, в этом смысле (в Этом Смысле), уже не менялось. Измениться не могло. Да и братцы, Кирилл да Мефодий, там, в Регенсбурге, на новом её месте, уже допреж побывали. Осмотрелись. Мёд-пиво пили. Хорошая компания. Случалось, правда, по молодости лет (что — нормально, вполне нормально), нагромождать аффективные, смысловые перехлёсты. А ля Маша Каменкович. Та же самая вера, вдруг, на двадцать первом году, начинает, помимо желаний, помимо воли, превращать бывших «моих» — в «чужих моих».

Вера — Камень. Не только драгоценный камень перстня. Петрус. Камень Кааба. «среди чужих моих стою: ужели этот камень вечный расколет голову мою?» Не расколет. Точно. Но лишь — укрепит силы: для будущей семилетней схватки — со смертельной болезнью.

К стихам Марии Каменкович, связанным с переживаниями веры, насыщенным раскалённой семантикой христианства (да так, что кажется: вот-вот, сейчас, в какой-то колбе, начнётся кристаллизация смыслов — в откровение), вовлекающих в себя, гармонически, никак не повседневные термины литургии, церковного обихода (всё это без оглядки на секулярного читателя, пусть и очарованного — происходящей на его глазах, разворачивающейся бесконечно внутри — драмой метафизического

опыта), — к таким стихам было бы справедливо составить интересные, объёмные примечания. Разъяснения, со ссылками, историко-культурные экскурсы — учёная качественная алгебра. Не занудно-школьная, но — скромно, достойно обрамляющая «уголь пылающий»: историю страстей Марии. Всё её — реальное, видимое, ритмическое счастье — индивидуального Восхождения — обрамляющая. И если это не сделано составителем, то, думается, не сделано — умышленно.

Кроме высокой драмы идей, эйдосов, существует ещё, как уверяли древние, простая, изначальная музыка сфер. Вселенский камертон поэтического голоса. Пусть ничто не отвлекает. Потому что только это важно. Ничего не надо понимать. И разъяснять. Но лишь, поскольку сделан из предназначенного материала, — слушать и принимать.

Чувствуя, как, поневоле, неудержимо, на каком-то другом, не этическом, не умственном, уровне, между горлом и продолговатым мозгом, начинает, с жалким, басовым и визгливым, подвывом, о многом забыв, но только не о том, что нарастает — там, вверху, — откровенно уже идя на поводу у этого, нарастающего, — запрокидывает безумную морду пёс-Резонанс... У особых, у избранных, присутствует другой, какой-то более тонкий, инструмент. Дудочка? Скрипка? Виолончель?.. Один из таких резонаторов сейчас — перед вами. Уникальной, редкой работы.

Демьян Фаншель

ИЗ КНИГИ «ГРАФИКА»

*Таков горе духов блаженных свет:
Лишь в небесах сияет он, небесный.
В ночи греха, на дне ужасной бездны
Сей чистый огонь, как пламень адский, жжёт.*

Ф. И. Тютчев

Графика

Не из детства цветной карандаш —
Для своих поспешных листов
Ты любила свою гуашь,
Пресный запах её пластов.

Ты любила звуки земли
И несмешиваемость цветов...
Ныне злые контуры лиц
На листах — исказили тон.

На полях очертила тушь
Остроскулых абрисы душ —
В белом небе голых лесов
Только капнуто красным солнц!

Воспалённый, заплывший взгляд
Сумасшедшего с высоты...
В чёрно-белой фольге озёр
Полузалитые кусты,

Городская графика луж —
Чёрным псам чернила лакать! —
В небе мертвенном пятна лун,
Растекаясь по облакам...

И когда, головой смяв
На подушке прессу луны, —
Полосат потолок сна,
Как решётка моей тюрьмы.

Негативы зарниц. Грядет
Не гроза — я знаю одно:
Расплывётся, как чёрный бред,
Всё затопит одно пятно,

И — провал: летаргия? Миг?
О волоса подъятые лип!
...Пробудиться бы в первый мир,
В бурый дождь, прибитую пыль,

Без очерченных красных солнц,
Нераскрашенных резких душ...
И да минет меня тушь,
Чёрно-белый дурной сон!

1981

* * *

Надиктовывает щедро
Полумёртвый Феб
Маленькие превращенья
От строфы к строфе.

Так, чем шире круг любимых —
Уже сфера слов:
Два предмета, три обиды,
Полдесятка слов.

Неоплачен, день вчерашний
Бьётся о стекло.
Солнце за окном у башни
Взмает тяжело.

Тёплый плед, пустая мудрость
Строчки неживой.
Трепыханье зимней мухи
В духоте жилой.

Новый день дугу опишет,
Грузно ступит вниз...
Утром двое — он и бывший —
Сядут на карниз.

Так пройдут солнца в оконце
И за тенью тень.
Час настанет — скроют солнце
Тучи чёрных тел.

Час врасплох — куда укрыться
И кому — жалеть?
Небо в промежутках крылий
Крови тяжелей.

Слушай, слушай карк бредовый,
Грай своих птенцов,
Заслонясь от них ладонью,
Отвратив лицо!

...А покуда бьётся глухо,
Тычась в своды сфер,
Слово мёртвое, как муха, —
От строфы к строфе.

1979

* * *

Сюда неузнанною прихожу
И ни за кем глазами не слежу.

Там, на дворе, — ноябрь, и путь огня
Фонарь кладёт на землю для меня,

И однозначен смысл фонаря...
О Гоголе со сцены говорят,

О Пастернаке — мне же блик стены
Куда понятней: ждут, отчуждены,

Столпившиеся вещи — и намёк
Читаю я в сыром огне дорог,

И ухожу неузнанной — и в ночь —
Одна на весь ноябрь! — Шагаю прочь,

В бездонный шорох ливня ноября,
В живой и жуткий отблеск фонаря,

И мне одной — сквозь белый строй — идти —
Неузнанной — по белому пути.

Весна — осень 1979

Из Уистана Хью Одена

В глазах темнеет, когда, немой,
Смеётся в ответ, темня.
Но Те, Кого учусь понимать,
Не хотят его для меня.

Вот он минует — и вниз: пора.
Взгляд украден: укор.
И я молчу у верхних перил,
Схватившись чёрной рукой.

20 октября 1980

Из Уистана Хью Одена

«Куда ты? — так страннику молвил сторонник. —
Досадна долина: там горны горят,
Дурманом дымится дерьмо. Осторожно:
Могила. Мёртвым придёшь назад».

«Не думай, — промолвил прислужник — ослушнику, —
Что в час, когда застит закатом тропу,
Твой вперенный взор угадает ловушку
И шаткость шажка со скалы на траву!»

Так всаднику: «Что там за птица?» — садовник:
«Чей призрак прячет скрюченный лес?
С затылка — и долго ль — подкрасться удобно;
А в гнилостных зарослях бродит болезнь».

«Безлюбые души!» — стороннику — странник,
Ослушник — прислужнику: «Мимо — и дальше!»
«ТЕБЯ они ищут», — садовнику — всадник:
Когда покидал их, когда покидал их.

Октябрь 1980

* * *

Как неуследимо
Твоё тепло
Из жизни песчаной моей ушло.

Как неразлично — легко пока —
Наполнились вечером облака.

Меж БЫЛО и ЕСТЬ невелик зазор:
Исчезла рябь на воде озёр.

Двойник облаков покрывает дно:
Они — различны, двойник — одно.

И в памяти — так же! —
Твой общий лик
Из тысяч разрозненных лиц — возник.

Два пальца солнца сквозь гладь и свод
Зажали край непомерных вод.

Не дунь! Рассохлась любая связь:
За теми — космос,
За этим — грязь.

И сколько — за образ — не рвись туда,
Обратно вытолкает вода.

1979

*Дал мне шёлковую рубашку —
Сносила в работе тяжкой.
Дал мне туфли с серебряной пряжкой —
Сносила в работе тяжкой.
Арфу из золота дал про запас,
Чтоб позвала в нелёгкий час.*

Мой тролль подарил мне платье,
Платье — из паутины,
Из пыли.

Мой тролль подарил мне туфли
Сорок шестого размера
Без пряжки.

— Что не носишь подарки?
— Изношено твоё платье,
Несносны туфли.

И так я тебя не знаю —
Кузнечик ли ты с глазами,
Сверчок ли с гривой,

А тут ещё эти вещи
Не напоминают
О твоём стрекотанье...

Мой тролль подарил мне арфу
С одною струною.
На руке уместилась.

— Если захочешь — дёрни!
И — воплощусь дымом
Зимних заводов.

Деревом выгнусь навстречу,
Муравьиным яичком
Фо-нарного тельца...

Выдвинула ящик
И положила — арфу.
Пусть по ночам стрекочет

И, как ребёнок, ловит
Пальцы ножек руками
С любопытством.

Осень 1979

* * *

Враг мой — время.
Бич мой — мера.
Мне не сбыться в этом мире.
Мне не сбыться в этом рёве.
Втуне теневая вера:
Кокон правь, личинка-лира!
Вера — твари
В мире рытвин?
Смысл времени отравлен,
И не сбыться в этом мире.

Посылка:
Герцог, смысл времён отравлен.
И не сбыться в этом мире.

* * *

Взгляд через дождики стекла:
Эта ночь ещё не светла.
Лишь за картонным домом листа
Брезжит первая пустота.

Взгляд в себя: по чужим стопам.
Угол уклона медлен.
На что уповать? — Взойдёт пустота
И озарит предметы.

1980

* * *

Голубые облупленные стены,
Теневые одинакие люди,
Эти месяцы холода тоже тени.
Мой покой не солон, но абсолютен.

Обессонен: ночь ножом по эмали.
Обескровлен: силюсь, не понимаю,
Над пустым побережьем небо рябое,
Но глухой не услышит шума прибора.

Словно парус Голландца в нездешнем крене,
Опахнув безвоздушьем головокруженья,
Мимо жизни в безвременье тени, тени —
Голубые лица без продолженья.

1980

* * *

...И в этот скорбный миг свиданья
Двух душ, рождённых друг для друга,
Мир закрывает очи дланью,
И ветер тормозит упруго,

И грех за мириадам плёнок
Развертывается как знамя,
И, словно брошенный ребёнок,
С вопросом тычется сознание.

* * *

Как бы, Господи, не любовь!
Слышу — ритм
Задыхается,
Сердце — в каждое счастье
Прыгает вниз головой,
Скорбный мир
Оставляя у входа — скарбом,

16

И жизнь на части
Больше не рвётся,
Но — не подьемаю век:
Пусть само уничтожится до восхода.
Не колдуй надо мной,
Отойди, человек!
Я — уже отошла:
Я — выжигаю всходы.

1980

* * *

И какой же трёхтомный, осенний труд!
Он обрезом жёлт, и обложкой палев,
И Судьба, наконец, замыкает круг
От запястий до кончиков пальцев.
В эпилоге — схождение всех концов,
Крах загадок.
Последние облетели...
Так искусно судьба за-мыкает кольцо
От запястий зноя до
Пальцев метели!
Все узлы развязала, новых — не заплела.
Что ж герой шедевра?
— Дешёвое любопытство!
Вне ладоней судьбы —
Суконные два крыла
Развернёт по привычке — и ждать.
Но случая не случится,
Ибо не для молитвы замкнулся круг
От запястий «если» до пальцев «вдруг».

1981

17

Ноябрь

1

Как я ковала в себе ноябрь!
Вязкий и гулкий,
Был он сначала не мысль, но явь
Краткой прогулки

Красной аллеей,
Лепетом книг
Был — возвращённым.
Над горизонтом явью возник:
Дымный и чёрный.

Как я ковала в себе ноябрь!
Честно и трудно.
Сердце лопочет ещё, но яр
Голос рассудка.

Был мой ноябрь честный, святой
И одинокий.
Дни пришли, ушли чередой —
Единороги:

Лёгкая поступь странных зверей
Через кустарник!
Из сентябрей и октябрей —
Месяц-напарник,

Месяц-учитель.
Медленно — я
Овладевала
Высшим искусством: выжить ноябрь!
...С кровью — ковала.

И — над органным пустым двором
Тёмного ливня —
Вырос ноябрь лесом хором,
Страшный и дивный:

Новый ноембрий, срок без светил,
Клык или коготь,
Путы разрезавший! Как отходил,
Двигаясь, локоть!

Реки встают: календарный срок.
Зря ли ковала?
В снег ли зарыться, как малый щенок?
— Как не — бывало...

Прежние? Звон ноября истребя,
Встану ли — с ними?
Скорбь моя! Аще забуду тебя,
Иерусалиме!

1980

2

*Для беглеца
Мне сад пошли...
Марина Цветаева*

Мне с весен — яблоч не трясоти.
Прошу: в ноябрь меня впусти.
Все отбери: звеня, знобя, —
Как хочешь, но: впусти в себя!

Так я у собственных дверей
Нелепа!
Ну — нагрень: не грей,

Не гладь, не дай вздохнуть ни дня,
Но пожалей: впусти в меня!

Земля, все кроны разоря,
Вдыхает благо ноября

Без лишних листьев и любвей —
Одними бронхами ветвей.

И мне — туда: в твой непростор,
Ноябрь.
В твои сигналы «стоп» —

До стягивания в одном:
К земле без хода, небу — с дном...

И мне — к себе (не ошибись!) —
В свою отброшенную мысль.

О, сколько, фартук теребя,
Стоять под окнами себя?

В ноябрь мой томов и драм,
Где город треснул пополам

На каждом дереве,
Где нет
Ни утешений и ни бед,

В ноябрь убеленных крыш,
Не знаю кто, пусти!
Услышь.

Берег

Назначим веру на час вперёд.
До лунных вод — полоса болот.
Перед глазами сломала явь
Межлунный лес — на два бытия.

Как грань нарощую разорвать?
Как, вырвавшись, взбаламутить гладь?

До лунных лиц — терпение вод.
Назначим веру на блик вперёд...

27 июля 1980

* * *

Нет в нашей речи правды, любый, ибо
Нет — музыки. Мы партии свои
Играем в разном ритме.
В наших душах
Разлучены две половинки храма
Разобранного.
Ни рукопожатьем,
Ни поцелуем их не восстановишь
До целого — поможет только Слово,
Лавина слов и ливень!
В наших силах
Смотреть в такие закоулки речи,
Что были скрыты от людей, от века!
Но никогда не разразится рифма
Над осиянным озером догадки:
Ты — на четыре четверти, я — на три
Ведём мелодии...

* * *

О судьба, нестрашных людей
Или нескучных мест!..
...Надежда, ты — невежество детств,
Упрямства замес.

Что ты тянешь меня не в такт,
Куришь дурман?
Отдай.
Я же знаю, что всё не так,
Ныне и навсегда.

Освободи дневной окоём,
Вечных неправд не славь.
Дай мне плыть в несчастье моём,
Круг у горла расслабь!

Или сама рвану, не дождусь, —
Лишняя, поспеши!
Ты же видишь, как блекнет Дух
У истерик Души.

Отпусти, надежда!
В ночи
Правы ли, осудя
Нищий мрак да его лучи
В двублеске дождя?

Это ли истина или страх,
Это ли не подвох? —
Как спокойно мнётся в руках
Тёплый забытый вздох!

10 ноября 1980

* * *

Одной ногой оставшись на земле,
Где холод, ночь и капли на стекле,
Где лёд подмёрз, и переварок густ,
И где собор не в воскресенье пуст, —

Одним лицом оборотившись вспять,
Обеты я не торопилась снять.
И, если мы сошлись ладонь в ладонь,
Чтоб выкрасать в ночи один огонь, —

Отложен путь мой, но не отменён,
И ждут меня на рубеже времён
Мой старый конь, и мой привычный друг,
Свобода рук, и ясенеый лук.

Мой конь копытом бьёт, копытом бьёт.
Узнай мой тайный жар, и свет, и гнёт,
И мир, стоящий на одном крыле,
И тёмный лес, пирующий во мгле!

Беги от них, творись, как сотворён!
Но не давай мне не моих имён,
Мой прежний путь во тьме не извращай
И шантажом меня не укрощай!

Не строй себе — в моей свободе — ков,
Не требуй в корм — детей и стариков,
Не унимай, не береги любя.
Вдруг — Бог меня отнимет от тебя?

Не я уйду. Но идолам вовек
Не поднимала я спокойных век
И если припадала, охромев,
Пред ними, — поднимал меня не Дэв,

Но Бог; не я уйду, — но в тигли лет
На переплавку я не дам монет,
Хоть ты, хоть царь мне это прикажи;
Я лгу, но я не присягаю лжи.

Ты — чайные моё, и горный блик,
И та вода, к которой ты приник,
И человеческий голос в темноте,
И, наконец, опора в пустоте,

Давай же слушать замысел о нас.

* * *

(Отрывок)

...От пламени — копоты на аршин.
Черны отпечатки губ.
В вязком водоёме души
Недолго бегут круги!

* * *

По окончанье драповой зимы
Остался жить широкоплечий голубь —
Незавитая раковинка тьмы.
Пусть мы не выжили — остался голос,

Как голубь — голоден и деловит,
Он шаркает и корчит ревизора
Полузамёрзших зёрен и обид,
А сам горе не поднимает взора.

И сложный образ, воплотивший мысль,
Вдаётся мысом в общее тупенье...
И вот по окончании зимы
Остался круглый мостик у Капеллы,

Расчёсываемый метелью, да
Тот голубь, преумноженный без меры,
Чужие, нехорошие размеры
Стихов — и чёрный снег, и горы льда.

1980

* * *

Полгода уже без стихов — идёшь,
И руки связаны за спиною,
И жизнь уже увлекает... — Врешь,
Тебе поспорить ещё со мною!

Я оглянусь, отплююсь, и вот —
Не дам себя утащить под лёд.
Я врою ноги в болото дна.
И видит Бог, что я не одна.

* * *

Приложите ухо к снам:
Гул от приближенья бед.
Сон ломается, как наст.
Время ускоряет бег.

Прислонясь — щекой — к груди:
Топот высланных погонь!
Хрип от стянутых удил!
...Настигает чёрный год.

Каждым жарким утром: «Жив!
Новый день отсрочки — дан!»
...Плавится китовый жир:
Распрямляется беда.

1980

Предчувствие

Протёрлась копать — сквозь запрет
Грядущее слепит:
Двоится плач, струится плеск,
Смерть створкою скрипит,

Сон возвещает до утра
Возобновленье бед.
Разителен в глазах утрат
Дождливый белый свет.

Но дважды ли оплакать срок,
Назначенный в ночи?
Как завязь, в яви зелен сон,
И хрусткий день горчит,

Но в двоевремя тисков —
Ни дым, ни стон, ни сад, —
Я распрямляюсь, как росток,
К разрытым небесам:

В зазор времён! — В просвет удач,
Наощупь и на злость...
И СБУДЕТСЯ В СТАЛЬНУЮ ОСЬ
ЗАЦВЕТШАЯ ВОДА.

1980

* * *

Марине Цветаевой

Такому горю не помочь.
Не Бог: мир заново — не станет.
Несчастья кухонная ночь,
Большие облака на страже

Недосягаемых времён
Моей Любви неспасённой,
Вернуть трёхмерность неспособной
Застывшим росчеркам имён

На том стекле иновремени,
Что лепит хронос-стеклодув
По круглой арке на мгновенье,
И по бессилью на звезду:

Пластайся, вейся, поднимаясь
И бесконечно преломляясь
В стекле, — припав к нему лицом, —
Сам — для грядущих мертвецом!

Мы — в разных уровнях, Любовь.
Что — элегичность? Что — загробность?
О, затворённая юдоль!
О, узаконенная розность!

Я, руки не продля за жизнь,
Для заблужденья — не забуду,
Что в ТОЙ земле, где ТЫ лежишь,
Я никогда лежать не буду.

И мне — под бурый этот пласт,
Но в мире, где тебе — нет дома...
В твоих, не знавших — ни тепла,
В моих, опущенных, — ни долга.

Молитву разве что — в обход
Твоих неверий и незнаний...
...И собственных? — Который год,
Который человек, терзаясь,

На кухне, ночью, «ради той —
Костей!», долбит глухие своды
Преграды — и, в тоске пустой,
У тайны принимает роды?..

1980

* * *

Час истёк. Заволокло закат карниза.
Кто-то медлит.
Дождь постукивает пальцем по карнизу
Незаметно.

В нетерпении напомнит о железе
Ожиданья,
Постоит — и отойдёт без сожаленья
От желанья.

12 декабря 1980

* * *

Я не жду тебя, о Весна,
Не посети год.
Узкое, жёсткое ложе сна,
Только начат поход.

28

Только назван чёрный обет,
Вызубрены азы...
Разгораясь, дышит в судьбе
Длинный алый язык.

Радостно, тёмно и далеко.
Воля моя горька.
Угрюмой послушницей — легко
Исчислять зардевший закат,

А там, а там, за дымками Зла,
Ала безлика ширь, —
И на левом плече тяжела рука,
Знамение завершив.

1980

* * *

Иератическое имя,
Достаточное для стиха...
Что под ресницами твоими?
Провал гордыни и греха,

И оскорблённая невинность,
И петербургская тоска,
И в гроб мой — милая взаимность —
Последней вбитая доска.

* * *

Сколько горевала о вас,
Разбирая шифр судьбы!
Спите с миром: рано вставать,
О друзья, которым не быть.

29

Между явью и скучным сном
Есть мгновенье небытия,
Проблеск трезвости: в этот дом
Не по воле явилась я,

Не по воле ведаю здесь
Горечь гордынь и сладость просьб,
Небо сна и чёрную весь,
Накренившуюся прочь,

Эту скользкую землю склок...
Миг, когда над горбами спин
Многоярусный небосвод
Раскрылся — и ослепил!

*Август 1980
Кубенское озеро*

ИЗ КНИГИ «ДЕРЕВЬЯ»

* * *

Гул от времён как от пустого
Кувшина нивочтоневерья.
Нам велики доспехи слова —
Мы в них и спим, и чистим перья.

А под наклонным небосводом,
Ни мест не ведая, ни века,
Деревья верят мимоходом
В существование человека.

1983

* * *

Очарованный ангелом помнит как приступ ИНОГО...

Страшны людские чернецы,
Но этот светится покойно.

Светостремительны гонцы,
И громом говорят их тучи,
Венцом очерчивая солнце.
Их послушание достойно,
И увещания могучи,
И предстоят во все концы.

Их рисуют как нас, умолчав имена,
Но стоят в стороне — окаймлять времена.

И поэтому сам шестокрыл дикоглаз безрассуден,
Предпочетший животного Ангела вязам и людям.

И поэтому сам истончается тонкою схемой,
Самовольно облекшийся гордою, холодной схимой.

И поэтому сам он бестрепетен, тих, аккуратен,
И на муку далёк, и на страх за него непонятен.

Очарованный Ангелом помнит как приступ иного,
Без борьбы отстоящего от углубленья земного.

Светом, что не зовёт и проклятия не искушает,
Лишь над детской землёй, отвернувшись, утешно витает.

Что ж, и ты из опутанных Ангелом, —
Ты возлюбил удаленье
От людей, тополей и времён, — о душа, улетай, холодей!

...Только Ангелы выше дерев, — а Господь надзирает деревья.
Только Ангелы лучше людей, — но Господь не оставит людей.

* * *

Словно чёрной воды наглоталась
Или паром дышу кухонным...
О усталость моя, усталость!
Даже так — даже ты греховна.

В полгреха я живу, в полдуха,
Сухо в горле, — а плеск далече.
О как влажен Твой мир для слуха!
Озари меня каплей речи!

Я не жалуясь, но строго,
Просто судишь меня, срамницу.
Обезвоженные строки
Осыпаются на страницу.

Полусердце налипло в ребра,
Полудружбы кричат и кружат...
О как целен Твой плеск для слуха!
Нацеди мне хоть четверть кружки

Ключевья, млечные браги...

Время коротких поездок

1

Это — время коротких печальных поездок,
Где ни флирта, ни друга, ни горя, ни пыла.

Отчего бестревожна душа? Отчего бесполезна?
И не знает она ничего, да и то позабыла.

Отчего ей покорно, покойно, легко и постыло?
Вроде с умыслом резала руки, — а нету пореза!

...Это — умное время коротких пустынных поездок,
Где — ни флирта, ни друга, ни гнева. Ни горя, ни пыла.

Где песчаные льды и дороги засохли от зноя.
И вступаем на них, и стерильны они и не злые.

Где идём, забывая попутчика, словно чужого,
По умышленным углям дороги — и нету ожога!

Где идём через холод огня, через отблеск зловещий.
Словно дети в печи — мы идём, любопытствуя вещи.

И выходим на скат косогора, на волю, на слово,
И догадка без имени в нас начинается снова:

Это кутают взрослые душу мою, как на полюс.
Это пышут простуды, в которые мы не попались.

И до времени тлеют снега умолчаний постылых...
Это — время коротких поездок...

2

Это — время коротких поездок, пирушек пустынных,
Где до времени тлеют снега умолчаний постылых,

Где предложено пламя, — но долго не будет ответа:
Кем? Какою ценой? — И кому я поведаю это,

И кому я поведаю ужас чужого, чужого, —
Как он смеет со мною идти и не чують ожога,

И кому закричу я, случайных прохожих пугая:
«Ты мой сын, ты мой брат, ты надежда моя дорогая?»

О понять бы, какую ценой миновалась простуда!
И как должное взяли, и не удостоились чуда,

И прощенья не дали, и сахару не попросили,
И не плакали в номере тёплом на войлоке синем.

Бухнусь Господу в ноги — неумной моей головою
Искуплю я покорных поездок безбожье кривое!

Может, — трое вздохнут и очнутся, не зная: о чём бы?
И на скат косогора, на волю уйдут облегчённо.

* * *

Зовём, — но не спешим принять.
И на перронах воскресений

Как вкопанные встали и стоим.
А рядом Жизнь — и ковыряет лёд
Носком ботинка,
И ей пора ещё чего-то ждать, —
И дёргает она за поводок, идёт, ревёт и силу набирает.
Зачем зовёшь, а принимать не хочешь?

*

Бывает, мир, внутри себя размыслив,
Стреляет в нас на пробу человеком,
Резинку на рогатке отпустив;
А то подаст его, как волейбольный мяч, —
И он, вращаясь, вылетит навстречу.

А мы уже стоим, ладони растопырив.

Вот, сетку натянув под небом,
Голодные играют хлебом.
Вот кротко, тяжело, с толку сбиты,
Солнца летят над полем битвы.
Вот, задохнувшись от испуга,
И я лечу от пальцев друга,
А вот, понаторев немного,
За сетку возвращаю — Бога:
Не дрогнет у меня рука!

И оцепляют нас по кругу
Сторожевые облака:

Живое заграждение,
Костры сигналов жгут,
И смотрят с отчуждением,
И только часа ждут.

И чуть не плача душу я трясу как ветошь —
Душа, проснись, ты очень плохо шутишь,
Вставай, пойдём отсюда...

1982–1983

* * *

Моя ли то была затея, —
Но вот, барахтаясь в судьбе,
Массивный перстень Византии
Со dna добыла я себе.

Он посулил среди волненья
В мою зауженную ночь
Живую тайну исцеленья,
Огня нетронутую мощь.

И я его вложила в сердце
И обсушилась на огне...
Но, видно, в нём умято солнце,
Но, видно, тяжесть не по мне.

И мысли горькое движенье
Меня захлестывает вновь:
Что — эти тлен и униженье,
Скажи, великая Любовь!

И я в печали бессердечной
Среди чужих моих стою:
Ужели этот камень вечный
Расколет голову мою?

1983

* * *

Где город дрябнет и сорит?
Храбрясь в пылу необоримом,
Где по церквам трава горит
Кудрявым пламенем незримым?

Так как же быть нам, если врозь,
И если мы настолько скудны,
С полслова сразу безрассудны
Судить друг друга на авось,
И если между нами путь,
И неизбежно искаженье?

Мы попытались как-нибудь
И потерпели поражение.

Но через жизнь мою горят
Прощенный День,
Короткий взгляд,
Когда скрестя я шла от Чаши,
Но через жизнь мою горят
Немые расставанья наши.

И чаю встречи насовсем
Там — там за тиглями с травой,
Там.

* * *

Не соблазись на эту милость,
Душа, несмысленная дочь!
Пирьы осенние продлились,
А праздновать уже невмочь.

Не станет времени на сборы!
О эти божьи коридоры,
О эти вешалки судьбы!
Все вдоль пути многоочиты,
Все как деревья нарочиты,
Все зелены и голубы.

1982

* * *

Неблагородные восторги
И неуместную печаль
Сожги на медленном востоке
И божества не удручай.

Ты оплывёшь и онемеешь,
Ты рук и губ не обожжёшь,
Простого дела не сумеешь,
Простой любви не сбережёшь.

Но как же я смирюсь без гнева
В своей темнице небольшой,
Когда встаёт нагое небо
Над изукрашенной душой?

Но как достанет мне отваги
Не обратиться в перегнутой
И без друзей, и без бумаги,
И без дороги предо мной?

...Я жизнь свою перечеркнула —
Возьми в наёмники меня,
Предвечный полдень над перроном
И воли грозное вино...

1983

* * *

О человек, ты сужен,
Ты судорожно сжат,
И суженый не нужен,
И поприща лежат.

Душа себя не чаёт,
Скучает вся в крови
И Духа не встречает
Отчаяньем Любви.

Ирония и ругань,
Угар или напев...
Споткнувшись у порога,
Вхожу оторопев

И слышу: «Ногу в стремя!»
И смело — в мусор дел;
Звана — по это время,
Звана — по СИХ людей...

* * *

Откуда ты, желание свобод?
Ты разрываешь перепонки жизни
ты бесприютно свищешь по отчизне
твои слова асфальт Азвяк аборт

Зачем откуда ты во мне
я так хотела быть премудрой
и никого не убивать

прощай прощай избранничество детства
прощай прощай тобою я жила

* * *

— Отложи благодаренье.
Что ты видишь наяву?
— Вижу: люди, как деревья,
Проплывают в острову.

Околдована навеки, —
Как, обычная, вмещу?
Раздвигаю их, как ветки,
Тени в засуху ищу.

С ними тихо окружаю,
С ними славу воздаю,
Говорю и возражаю,
Возрастаю и стою.

Но не сделать бы огреха,
Отгрестись бы от греха:
Весь глагол глаголет — эхо,
Чаща кроткая — тиха,

Безответна...
Отражают —
Не приемлют нас леса!
Сами что-то окружают —
Так, что дыбом волоса...

И, расставив ударенья(!),
То, что жизнью зову, —
Как умолкшие деревья,
Проплывает в острову.

И, разгадку водружая(!),
Бросив тени на кругу,
Дни и вещи окружают
То, что видеть не могу.

Мне — ни ведома, ни воли.
Никого... Но — никого ли?
Лишь озноб идёт прекрасный
От души единогласной!

Лишь невнятного раденья
Дуновение у щёк!

— Позабудь свои виденья:
Зренья не было ещё.

1984

* * *

Подумай, чему наступает конец.
Под сердцем моим не дитя, а свинец.

О тьма, приступавшая раньше Суда!
Чем жить просто так, лучше плакать всегда.

Я с пальцев моих киноварь отскоблю.
Уеду к деревьям, которых люблю.

Я часто спокойна. И мы не навек.
Буреет в ногах несминаемый снег.

1983

Ангелу-хранителю

Проснулась в холодном поту —
Я жила как зверь, как зверь.
Ты учил меня солью огня —
Я ушла, равнодушно взглянув.
Ты царским потчевал меня вином —
Я лакаю тяжёлый ром, позабыв о нём.
Ты одевал меня крещальным льном —
Я в горностае небрегу о нём.

Я так богата, что холодный пот,
Я так сыта, что дыбом волоса,
И в ужасе я жду последних пут.
Незримые нависли небеса,

Невидимые выросли валы,
И храп грозы доносится из мглы.

Пасха 1983
Академия

* * *

Уже не рисунок, а штрих рисунка —
Душа не может любить рассудка,

Но лезет в ушко его, настырна...
Тесниться в НЫНЧЕ душе постыдно,

Но — вышиванья урок на пальцах...
В мгновение можно просунуть пальцы —

И только. Прочий же путь неблизок.
И в жизнь мы смотрим, как в телевизор.

*

Душа взлетает, но, ибо низко, —
Не знает ответа на речи Диска,

И, возвращаясь от Солнц великих,
Спешит, как старь, развлекать безликих.

И, вся истратясь, подмоги чаёт.
Но что, коль Солнце — глагол скончает?

Зайдёт во гнев? — Со стула встану.
Сама мгновенно мгновеньем стану.

И все мне сразу же станут наши.
И я прильну к охлаждённой чаше.

И мир, как в ушко, в себя просуну.
И вспять свернётся былой рисунок.

*

Душа, цепляясь под облаками,
Всё норовит помахать руками,

Косит кругом убеждённым оком...
О мастерская в раю высоком!

О вышиванье небес всевышних!
Зачем тебе рукодельниц лишних,

Нерях безруких? Портних преступных?
Душа мертва, — но порой проступит,

Ещё проступит...

1983—1984

ДЕРЕВЬЯ

* * *

(Понедельник)

Я устала за чаем за лютым.
Многолюдьем
Все мы встали и дышим и любим
Мелководьем.

Преет, сыплется сажа не сажа —
Тленье серы.
Это дамба и смерть — это стража
В самом сердце.

В затхлой заводи тёплой беседы
Мгла покоя...
И — по щиколотку — сердцу
Сытной крови! —

Так, чтоб лечь и хлебать...

А в заливе
Одиноко,
Там деревья кружатся — счастливо
И далёко.

Шесть играют, и прячут, и плещут —
С небом семь их...

Я кричу им, — а голос расплющен,
Тли в нём семя.

А деревья не кличут, не клянчат —
Кружат душу.
Шесть — играют, и ходят, и нянчат,
Бьют в ладоши.

Шесть их — клонятся — плещут потоки
И пылают —
И копьём огневидным и тонким
Закаляют...

Что же? Карком расхлопаться, карком,
Криком мозгом...

Я кричу вам — а голос обкарнан —
В сытный воздух —
Что же? Снова отчаяться? Снова —
Смехом, видом...

Я кричу вам, — но тайного слова
Я не выдам:

Вы насущны, любимы, бескостны,
А деревья одни кровеносны.
Согревая лодыжки зарею,
Чем знакуют они и царюют?

Се деревья они — и не те же ль,
Се деревья они — и вникайте,
Отчего не слипаются в стержень,
Отчего не ютятся в закате

Сытной крови...

Гора божия фавор горы тучная гора усыренная

(Вторник)

...По разумеющему небу
Всплывает выросшее солнце.
Деревья совершают требу
В остепенённости высокоцей.

Деревья окружают клиром
В преустремлённости пленённой,
Гора вздымается над миром,
Над океаном накрёпённым.

В окаменённости крылатой
Тварь содрогается незримо.
Вдали, за тучей ноздреватой,
Остуденились Херувимы —

И мир внизу как бы на лжице!
И круче головокруженье!
Деревья падают на лица
В преустрашённости блаженной —

*

И туча сходит на алтарь.

*

И дерева роняют плечи.

*

И Царь-Надежда издалече
К веселью призывает тварь.

Доныне землю русскую покрываеши

(Среда)

Деревья, царские врата.
Меж ними остров и алтарь.
Туда нельзя пройти путём:
Там кто-то нянчится с дитём.

Но это солнце, это бег
Холодных струй незримых рек.

Нет, это мокрые кусты —
Иль Сил незримые посты,

Иль прошлогодняя трава, —
Меж ними церковь Покрова.

С воздетых — или я жива? —
Рук — упадают рукава.

К Тебе пойду туда: ты ждёшь,
Пока накрапывает дождь.

Милость мира жертва хваления

(Четверг)

Ты близко. Ты высокий лепет,
Недвижный вихрь.

Меж нами Дух уступы лепит
От моря вверх.

Прибой грохочет, плещут строки,
Бьют бивни строф.

...Но каплет красненькая струйка
Среди столпов,

Меж пышных ступеней природы,
Колонн олив...

И всё исчезло. Только воды.
Разлив. Разлив.

Тебе поем

(Пятница)

Земля и небо. Туч кочевья.
Душа пуста.

Тебя заклавшие деревья
Возьмут с креста.

От сильных и чужих искупят,
Взойдут, черны, на солею,
Закроют от людей, заступят,
Поддержат голову твою...

Падут их волосы на рану.
Плеча застынут.
И будет церковь спозаранок
Среди постылых.

Даждь ми сего странного.

*

(Пятница, полдень)

И больше разума не будет,
И правды на день не осталось.
Я завтра, завтра позабуду,
Я завтра, завтра отлечу.

— Кто без Меня тебя разбудит,
Кто смоев пешую усталость,
Кто обратится к небосводу,
Кто припадёт лицом к ключу?

*

(Пятница, вечер)

Деревья голову закроют,
Всё прекратится, припадёт.
Дождь, размывая капли крови,
Неупрекающий пойдёт.

Скажи, что нет! Скажи — надейся!
Я не отдам тебя!

...По-детски
Кривятся в плаче губы вод.
Не упрекая, дождь идёт.

* * *

(Суббота)

Тебя положили в цветущем гроте.
Тебя положили в разверстом небе.
И все облака прошли во гневе,
И зубы стали стучать у плоти.

Ты мёртв, Ты мёртв, о сказавший время!
О как Ты Сына на нас покинул?!

И свет басовый со дна Творенья
Взошёл и встал по трубе прокимна.

Предвариша ко утру ищущие яко дне

(Суббота, полдень)

У двери сторожа не видно.
И в углублении земном
Лежит пустая мешковина
И пахнет грязью и зерном.

И мир живёт неуничтожен,
Утраты нету и примет.
Всю жизнь мы шли сюда — и что же?
Здесь даже мёртвой птицы нет!

И было в мире много, много, —
И больше нет у нас врагов.
И этот поворот к порогу,
И эти несколько шагов —

О них молчать.
И утро блещет.
И на душе не тяжело.
И спит Живот.
И Ад трепещет.
И мелководье зацвело.

О пресвятей пречистой и преблагословенней

(Суббота, вечер)

Живодющей печали
Плачь, душа, в своём начале:
Время отплывать седмице
В день, что блещет и дымится.

Вечный день стоит на стогнах.
Свобождается пленённый.
Воскресения Христова
Гололёд воспламенённый!

...Живомыслящей тревоге
Помни, сердце, на пороге
Гроба — на пороге речи, —
Помни, идучи далече,

День Исхода! Гром простора,
Сад — и оклик! — и слепящий
Воскресения Христова
Океан живокипящий!

...Живомедлящим движением
Вскинься, ум, над отраженьем:
Полдня час, и вот пред нами —
Вскинься, ум, над деревьями!

В БЕЛЫХ РИЗАХ У ПРЕСТОЛА
НЕВМЕСТИМА ЕСИ, ЖЕНО, —
Снегопад Присноблаженный
Воскресения Христова,

Зимний гром, Отроковице!
Жизне тайного веселья!

*

...Время отплывать седмице
В день дыханья и спасенья.

СО СТРАХОМ БОЖИИМ И ВЕРОЮ ПРИСТУПИТЕ —
АМИНЬ.

1983

ИЗ КНИГИ «ЛЕТО ОТСТУПНИЧЕСТВ»

Не то спасением пахнуло,
Не то великою бедой.
Три дня вода к себе тянула
И Дух носился над водой.

И небо гулкое светило,
И волны низились, длинны...
Навек дыханье захватило
У обернувшейся Луны, —

И знала я, что безымянна
Синь, где ладья моя плывёт,
И Мирового Океана
Шуршал вздымающийся лёд...

Но льдин гигантское скольжение,
Но безымянная вода, —
Не изнывай в ладье: движенья
Ты не ускоришь никогда,

И тёмно-синих струй Эвной
До Леты — нет у бытия...
Как притяжение земное
Недооценивала я!

Как легко знала, что нелёгкий
Нам ляжет путь в Твоё жильё!
О, отозвавшийся Далёкий,
Чем сердце спутано моё?

1984

* * *

*...Тысячерукой аллеей месс
Как докричатся до Божества?..*

1981

Аллеей лип, аллеей месс
Я к небу не могла поспеть.
Как я зависела от мест!
Как я побаивалась петь!

И вот в провинции времён,
На складе вырождённых век
Как ворон голубь воронён
И плохо смотрит человек.

Алеей мест, аллеей пор
Я мнила душу уберечь! —
На *здесь* и *страшно* и *теперь*
Я белый поднимаю меч.

1984

Лето отступничеств

*И если январь тесны,
И если не дали ответа...*

1981

Сирень пресна. И дрёма борет.
И спутала все нити — я.
Кругом — глухие переборки
Забвенья и небытия.

Пиши, покуда в недрах мая,
Дощатое исследуй дно,
Пиши, глухая и немая,
Покуда с маем заодно,

Покуда вровень с немотою,
Что к прошлым дням вражду таит, —
И всё, что за её чертою,
Как бы оболгано стоит.

Кто — ты — в цепи из «я»? — Ответствуй!
Тебя как ужас вспомню я,
Когда вернётся верный, веский,
Солёный голос бытия.

Так кто же ты? Твой план неведом,
Упорен взгляд, невнятен стих.
Кто — я, явившаяся следом
В чертоги Январей моих?

Черны тюльпаны. Травы сорны.
И, страшен, пристаен и толст,
Луч обращается дозорный —
Из тяжких туч, за много верст:

То — я ишу тебя отсюда,
Где я покаялась в *твоём*, —
Но луч воззрится мимо сада,
А ты в траве — как водоём:

Лишь отражаешь! — Но навстречу —
Навстречу — нет тебя — из мглы...
То — я гряду — судом и речью
В твои враждебные углы,

Где ты, колени обнимая,
В дощатой дрёме без дверей,
Нема в плену Глухого Мая
На землях Мёртвых Январей.

1984

* * *

...Подбородком о клеёнку —
Слушаю под статью ребёнка.

Не последнее ли вместе?
Слушаю под статью невесте.

Что меж нами учинится?
Слушаю под статью чернице.

*

...Одно скажи:
Взойдя на эти рубежи,

Ты — не заплачешь обо мне?
Ты — не пойдёшь меня искать?
Ты — не пойдёшь меня искать?
Ты — не заплачешь обо мне?

Ты в небе — не начнёшь тужить?
Так как ты смеешь рядом жить?!

*

Я поняла, что этим жила,
Что Воскресенья для нас ждала.

Ладонью рану должна зажать:
Живу — и не оставляю ждать.

Не знаю знаков! Не смею знать.
Мне путь — любить, а тебе — звать.

Твой путь — прямиться, клониться — мой...

*

Слова из света: вернись домой.

Весна 1984

* * *

Слово, ветер, в лицо скажи мне,
Ночной, внятный.
У деревьев есть — Недостижимый,
У рек — Ненаглядный.

Ветер, родиною повеи мне,
Тайну выдай:
У души есть — Незабвенный,
У нас — Позабытый.
А и ты, душа, позабудешь, —
Тому, Кто судит,
Рцы: «Невемый!
Как Ты рассудишь,
Так — да будет».

Так — да будет и здесь — в непроглядной
Ночи туманной —
По ту сторону Незакатной,
Обетованной...

* * *

Слово, ветер, в лицо реки мне,
Ночной, внятный.
Родиною — из-за реки ли,
В луче закатном —

Все города — это Грады, реки —
К Океану.
Есть в закате Огонь далёкий,
Потаённый.

И не годы, — а дни состарят,
Обступят всюду...
Пусть тогда и меня оставят,
Если я забуду,

Если не вспомню, всходя к весёлым
Или на ложе брака...

Вот я, ветер от стран восхода,
Где чернее мрака!

Осень 1984

* * *

Нет ни воли в руках, ни в очах — огня.
Я в беде — в одиночестве и в беде.
Поплыви со мною
В длинной ладье дня
По холодной, синей воде.

Дни!

Возьми их, смолчи в них — и сократи.
«Что Тебе и нам!» — да завопят, кляня.
Научи меня молча, стоя насупротив,
Как бы я поступила теперь — на месте меня?

Поплыви со мною, волнам запретив.
Научи меня молча — стоя во всём, везде...

30 августа 1984

* * *

Удержись, удержишь,
Не сдавайся без боя.
Бессловесная жизнь
Овладеет тобою.

Не протянешь руки,
Не решишься жестоко —
Станешь частью реки,
Станешь гребнем потока.

Выдав страшный секрет,
Не почувствуешь боли...
Или солнце в стекле
Всуге бдит над тобою?..

1984

* * *

Я не хочу дожидаться, покуда
Во мне поднимет голову Иуда.
Мне бы чуток продержаться, — пока
Миром владеют Твои облака.

*

Я то глупею, то опять мудрею,
То салом заплыву, то — в океан.
Осмелюсь ли принять к себе Марию
Я — хвощ, и зверь, и редко — Иоанн?

И если даже ставни растворили,
А всё во мне не наступило дня...

*

Со мною очень много говорили,
И тени слов ложились на меня.

1984

* * *

Ты и умер, и жив — душа
Чувствует лучше тела.
Я записываю, спеша:
Это ещё полдела.

Это, право же, полпути —
Дальше светлеют лица.
Дай мне знать это за тебя
И за тебя молиться.

* * *

Я человек травы да туч.
Вращает солнце толстый луч.
Душа огромна. Путь далёк.
На бугорке — монастырёк.

Любимых я пережила.
Запел закат, дохнула мгла,
Где деревья — гореть кострам.
Вернулся струг из чуждых стран.

Белы, как под землёй снега,
Цветов посхимленных луга.
Вернулся брат лицом иной:
«Сестрица, будь моей женой!»

И размыкает свой ларец,
И воздвигается дворец, —
Как цепи баснословных гор,
Как чей-то неподвижный взор.

Я обернусь — при синь-луне
Моя сестра плывёт в челне.
Иное на её лице.
Что, госпожа, в твоём ларце?

Святынька? Баночка румян?
...На поле — войско басурман.

Вот край предсказанных времён!
Вот бой! — А мне не по плечу
Ни сестрин белый бранный лён,
Ни тяжесть братниных кольчуг.

Я — человек травы да туч.
Весь мир открыт с уступа круч,
Все небеса... — Свисти, стрела!
Любимых я пережила.

1983

ИЗ КНИГИ «ПОДСТРОЧНИК»

* * *

И не только жизнь одна, но и мир — один,
И вот уже сколько прошло в нём — что мы родились! — годин,

И вверх по судьбе ползём — висим
на пыльном её канате...

А всё леденеет ковчег дощатый на Арарате,
Всё та же звезда-залог — над ним и в окошке пыльном...

*

И страшно проснуться на шаре земном могильном.

1983

* * *

Чистое Солнце древнего Праздника
В чистом небе:
В буре короткой и сбившейся с толку жизни —
Глаз Урагана,
В котором легко прочитать:
Есть над бурей нечто ВЫШЕ
Тех, кто сеет её семена, —
Тот, Кто её боренье и злобу, —
Изменяя их окончательный смысл, —
Обращает в благословенный путь,
На который и капли дождя
Не упадёт случайно...

1985

* * *

Отечество, Родина, град зубчатый,
Белые зубчатые стены на берегу океана!

Я плыла к нему, —
Но на том берегу видны были только горы,
Я усумнилась и возвратилась —
Глядь, из марева выступают
Белая башня, озарённая солнцем,
Изумрудный конус,
Орихалковая колонна...
Или вдруг среди вод что-то меня обступало,
И в пустыне моря мне становилось тесно...
Плаванье моё освещали луна и солнце —
Несколько лун и солнц, говоря точнее.
Каждое из них всю пятерню вонзает
В лунки услужливо подставившегося дня.

В каждом дне помещается только одно солнце,
Стало быть, приходится им поневоле чередоваться:

Солнце У,
Солнце Дэ,
Солнце Ирзы

И другие солнца, а также луны.

Только и в кутерьме различного подданства дней

Снова усиливается неизменяемый зов —

Время! Пора! Скорей, пока не стемнело

И не погасли все луны и все солнца! Поскорее в лодку!

Буду грести, не поднимая взгляда,

И оглянусь не ранее, чем взойду на зубчатую стену.

А оглянувшись, увижу среди зыбей вехи пройденных дней,

Освещённые одним и тем же сегодняшним солнцем,

У которого только одно имя.

И мелькают среди валов океана

Башня,
Конус,
Колонна...

1986—2004

Бюллетень

Окно моё, горящее до горизонта, —

А там уже лазурь прорвалась между туч...

Господь даёт болезнь как исцеленье —

Так болен мир здоровых в наши дни.

Благодарю Тебя за слабость тела,

Которой мир смогу я обмануть.

Благодарю Тебя за врачеванье, —

Здоровых телом, Боже, пожалей!..

Окно, горящее до горизонта,

И вольный лёгкий ветерок

От каждой старой одинокой вещи,
И сердце — на скрещении лучей:
То — взгляды всех родных моих и близких,
Из Тех-Кто-Раньше-Населял-Сей-Край,
Когда душа ещё хранилась в мире,
When fairies still inhabited the world...
(Теперь Душа лежит, обнажена,
И вервием затянута железным,
И сетка отпечаталась на ней
Квадратами...)

1986

* * *

Не пойду я в сад —

Поднимусь-ка лучше на кручу,

Где деревья не застыт мира,

Где вид на семь сторон света,

А восьмая — небо.

Исполины туч

Уходят за горизонты.

Я — оставленная ими капля

На чугунных перильцах мира.

Только пусть во мне отразится

Не увядший сад, готовый меня выпить,

Не увядший сад — через голову сада

Перекликаются духи судеб,

Сообщая, куда перевести стрелку.

Сад беззащитен в скрещении их лучей,

А они не обращают вниманья

На колючие, кислые, мокрые басни сада.

Пусть во мне отразится

Гиндукуш белоснежной тучи,

А за ним — полоска лазури:

Это Отчие Тучи уходят в миры иные
И несут им дождь.
И я благодарна.

Благодарен и сад, который меня выпьет,
Даже если я не оглянусь на него ни разу.

1983

* * *

Этим вечером у Коломяг

А. Иконников-Галицкий

Колыбель и могила моя, колыбель и мятель,
Колосок моей смерти (молочной спелости...) и — трудных
И не сдержанных чистых обетов. Там — паданцев полон,
Полон паданцев пруд...

*

На высоком обрыве,
Между деревьями и котловиной заката, —
Полной бесщёчных, безлесных, тыщеоконных...
Сколько ещё нам принять воскресений
Крестопоклонных?
Надо плотников звать — вишь, ступенька прогнила...

Колыбель и могила моя
к о л ы б е л ь
и м о г и л а

64

Вот святые сидят на лавочке — молча, клюку отставив,
С белой булкой пьют молоко между постами,
Белые розы цветут на аналое...

*

С нами просто молчали, а мы — обманули...

*

Колыбель и могила моя, слепое прозреньё,
Небосвод накрепённых деревьев, разъятых лазурью,
Едкий месяц над сном обрыва, заря тумана,
Города на дне у высохшего океана,
Острый взор звезды, пустынная весть дороги
И холодный на ощупь снег на пустом пороге —
Колыбель и могила моя, колыбель и просёлок,
Сердце в свете и голос-бродяга, теперь осёдлый,
Колыбель и могила...

1985

Диалог

Говорит она:

— Истина явлена этой зимою.
О чём теперь говорить?
Всё имеет конец:
Слова и паузы между ними,
Ближние — и дороги,
А о неделях нечего и говорить —
Это всего лишь фигурки, которыми нам осталось
Искусно и кропотливо заставить пустую доску.
Правда всегда является, стоит зиме простереться немного
Дальше, —
Ибо она всего лишь стоящий вокруг, повсюду
Видный при свете свечи незажжённой
Просто конец:

65

Пустота в клетке у сердца,
Будущих верных друзей утрата...
На глубоко сером фоне Ничто
Мы — свет предвечерний:
Ибо вещи стоят каждая со своим обрывом,
С Часом, когда они прекратятся.
Так мне виден близкий конец Деревьев.
Тьму и холод встречаю — прямо
На пути Твоём, Друг!
Шум ли слышу и гомон — приглушены
Наступающим за ними молчаньем;
У плодов — картонный привкус небытия,
И зима, прекращая гомон детской игры,
Предваряет свое будущее господство...
Посмотри на это страшное Солнце,
Обрывающееся впереди,
И на мир этот — яркий, анатомический мир,
Закругляющийся там, впереди, тупиком в пространстве...

Говорит он:

— Солнце держит его, как огромный крест,
Удалившись от него в бесконечность, —
И, однако, мы его созерцаем —
Крестоносное Солнце...

Говорит она:

— У него свой — водопаду золотому подобный,
И стене золотого нагорья подобный,
Свой обрыв.
И уже вечерет...

Говорит он:

— Поперёк дряхлеющего мира
Веет ветер будущего из потира,

И не тьму, не обрыв возвещает он,
Раздувая ткань, взметая песок, взметая.
Ты не знаешь, куда уходит, откуда приходит он,
Как ложится мгновенной радугою на склон
Пирамиды, на грани тайны
Бытия...

Говорит она:

— Я давно не слышу голоса дальних бурь —
Я рассказываю о нём затверженные правды.
Кто бы знал, что это за мука:
Очевидное в ткани жизни,
Чем живём и существуем,
Много лет несущее нас —
Защищать, возвещать, возвращать в разговорах,
Будто это не хлеб во рту,
Не скелет в готовой обрушиться мягкой плоти,
И не в жилах кровь, а — идея среди идей...

Говорит он:

— Тот, Кто стал человеком среди людей,
Может стать и идеей среди идей.

Говорит она:

— ...А Ты ведь хлеб во рту,
И Ты корабль в порту,
И первый вздох в ноздрях,
И мурава на здех —

Ты — в ребра вечный стук,
Немногословный Друг...

1986

Холм субботний

Жизнь — тёплый суп вещей, оболочка одинокой планеты,
Только в нём вместо жира — то, что идёт НЕ ОТ ВЕЩИ.

Трижды ещё одиночей
Тот, кто пытается безответное солнце,
Тот, кто пытается безответное море, —
Честней уж качаться под ветром
На песках пляжей,
Куда мигрируют в жаркий сезон мясные виды растений...

А в самом центре Земли —
Окружённый жёлтой полоской
И кудряшкой прибора —
Холм субботний,
Отовсюду видный,
Важный и грозный.

Как волнуется свадебное сердце
Здесь, перед выходом в Место Иное,
Перед целью пути, отовсюду видной, —
Так, что солнце, и море, и всё-что-отсюда,
Освещённые мокрым светом разлуки,
Смотрят на нас, оглянувшись разом, —
Так провожают крестьяне
Подкинутого ребёнка,
За которым явились послы королевы —
Объявить его наследником царства...

Вот и вся земля.
Ничего на ней больше нету.
Солнце и ветер чувствуют тень и неловкость,
Пересекая торчащие кверху лучи городов,
Почерневших в сгущённом полдне двадцатого века.

(Или, может быть, попросту —
Так переполнены мехи умерших,
Что, чернея лицом, непосильную ношу
Мир живущих нести уже не умеет
И теряет свой человеческий облик
От невидимой и неосязаемой гири на шее
Недоступной сознания?..)
В каждом городе есть Холм, — но он обнесён фанерой.
Лишь на Самой Священной вершине
В позе
Ненатурально бравурной
Потрясает оружием бетонный боец —
Памятник не герою, а густому Обману,
Льющемуся из боковых миров
Вместе с образами и формами —
На пустынную Землю,
На которой солнце, да море, да Холм.
И ничего больше нету.
(Вот уже только древние крепости высятся над волнами,
Вот уже Арагац запрокидывает подбородок.
Скоро последний Холм останется над прибором —
За границей страны, куда нам оставлен доступ, —
Скоро последний Холм останется над прибором,
Окружённый кудрявым бережком пены,
Созерцающий море и солнце заката
В мокром свете разлуки.)

1984

* * *

Во сне судьбу мою решили,
Как мне мечталось, океанной.
Приснилось и тебе: с вершины —
Все купола да океаны.

Но считал глаза у ветра?
Наречено ли ветру — имя?
Дивясь, свой сон он мне поведал,
А я — лукавя — утаила.

Вчekanен час в annалы неба
И Памяти о Человеках, —
Прорвавшийся в отсрочку гнева,
В отсрочку пятаков на веках.

Глаза упрятав, отступаю
По кровельной, гремучей жести.
За спину — руки... — Вместо пая
В твоей судьбе — Преображенный

Собор — меня да примет в долю,
Да вздует в тайных горнах пламя, —
И я с холмов увижу волю
И океаны с куполами.

1985

* * *

Дело голоса — снять печать,
И так было — и будь.
А мне хочется — замолчать
И сказанное — вернуть.

Растревоженный страшный сон
Сбросить с понурых плеч...
И будет снег, и покойный сон,
И человечья речь.

1985

РОЖДЕСТВО

НАВИС БАГРОВЫЙ ПОЛУМЕСЯЦ
В ПРИТИНАХ ОМРАЧЁННОЙ НОЧИ.
КОГДА ПРИКИДЫВАТЬСЯ — ПРАЗДНО,
МЫ ВСЕ — ОДНО ЗА ГРАНЬЮ ДНЯ.

* * *

В притинах озарённой ночи
Багровый низкий полумесяц.
То день возводит перископы
Над удалившейся землей.

День-самозванец, день-ревнивец,
День-ирод — потчует волхвов он,
О том расспрашивает сладко,
Что — на обратной стороне.

А там — звезда, простор, барханы,
Да — Иродовым любопытством,
Багровым теменем далёким
Луна на краешке видна.

* * *

Над угловатым чернолесьем
Нарос багровый полумесяц.
В далёких землях наша участь,
Во временах, где нет огня.
Нам — обречённый город — в очи
Глядит, — что мы простим — не веря.

*

Холодный пот прозревшей ночи —
Лишь гул на горизонте дня.

* * *

Когда, огромный и далёкий,
Глаз Иродова истукана
Обшаривает полог неба,
Глядит в ослабшие углы, —

Одна звезда стоит высоко,
Недостижима, недвижима,
Одна звезда стоит высоко
Над горизонтом полумглы.

И мир — многосемейный мытарь —
Подходит к окнам, узнавая
Свой позабытый закоулок,
Отросток беспризорный свой.

Он тьмою озарён размытой,
Он смыслом обделён — и гулок.
Но клетка каждая живая
Святыни сохраняет слой.

И над туманом — осью суток —
Ковчегом реет Исаакий.
И над молитвою словесной
Кубический корпеет человек.

Бог воплощается в рисунок
Убийцы со щекой казённой.
Град колыхается небесный
По берегам минувших рек.

Но всходит за барханным горбом,
Над башней, над страной кочевий,

Занощный Гость, — и мир разъятый
О тайне обречён молчать.

И низко тонет герб багровый
Забитых наглухо ячеек,
Творенья отсеков подлунных
Сургучно-красная печать.

* * *

Вкруг городов, сомкнувших створки,
И городов, скрестивших руки,
Круги очерчены жестоки.
Никто не плачет о разлуке.

Вокруг сердец круги врастают
И городов, сомкнувших веки.
Те льды вовеки не растают,
Круги не вскроются — вовеки.

Так обруча растут на гробы,
Смыкают створки зеркала.
Над ними полушар багровый —
Тир и Сидон его крыла.

Но есть — о Ладе многострунный! —
Мир не подлунный, но — надлунный,
Луч, безошибочной стрелою
Пронизывающий туман...

В тебе, о Граде обречённый,
Как семя в сердце заключённый, —
Забыв, забвен, обетован.

* * *

То полусферою багровой
Царь перископ воздвиг недобрый
Над зиккуратами квартала.
Мы все — одно за гранью дня,

Когда прикидываться — глупо.
И лишь звезда стоит устало,
Одна звезда стоит устало.

Зачем же ищешь ты меня?

* * *

Бредут барханами верблюды.
На башне бодрствует бойница.
Рубин разрубленного блюда
Над башней полночи кренится.

Мы лишь навыворот радивы,
А то и проще — слепы, слепы.
В багровый город неродимый,
В песках сколоченный нелепо, —

Ей, Господи, гряди! — Во область
Ороговенья, — горстью бренья
О, вороти нам гнев и доблесть,
Как воротил слепому зренья:

Над мира стороною тыльной
Бдит слепорожденное око...

*

Рдей, оскорблённая святыня!

*

...Вей, Тайна Грозная, глубоко.

* * *

Другим путём бредут верблюды.
Копыт раздвоенные ямки
На полувывсохшую землю
Ложатся. Копится вода.

А путники спешат обратно —
За круг, за город.
В круг и в город
Глядится перископ багровый —
Долин неподлинное «я»:

То исподлобья царь подлога
Владеет полостью подлунной
И в ночь выпрастывает око,
Где власть полудня неполна.

*

Плоды времён сосуществуют.

*

И память помнит, — но поддонно.

*

И правда — лишь предмет в ладони
Души, растесанной полма.

* * *

День долго заводил ладони,
Но нет в руках его добычи.
День долго заводил ладони,
Но уловил одну меня.

Безвекый перископ недобрый
На бдящих в сердце полуночи.
Беги за круг, во круг ведомый!..

*

Мы все — одно за гранью дня.

1987

ИЗ КНИГИ «ОГЛАШЕНИЕ»

* * *

Очнулась у страшных владений Бога:
Ни дерева в поле мне до рассвета,
И после заморозка дорога
Крепка, и холоден воздух ветра.

Холодный запах остывшей гари,
Ледок на гиблых болотах Мокши.
Никто не кличет, — одна, шагая,
Ни конвоира и ни таможни.

Одна как боялась, одна как грелась,
Одна — как терла судьбу в щепотке,
И голос настраивала на резкость,
И робко присаживалась подле,

И всё откладывала на мудрость,
И отводила дружество веток...
Смотри! Над низким туманом утра
Ни оправданья мне до рассвета,

76

Ни слова — между. Одна: решая —
По глине смятой, ботве промёрзлой —
Передвижением тени рослой,
Чугунным вздохом и хрустом шага...

Сентябрь 1980

* * *

Старый лад больше не нужен,
Вспоминать выйдет во вред.
Мир почти перевернулся
И покоится на ребре.

Ты земля ещё неживая,
Ты любовь уже налегке
Перед заново называньем
На присущем мне языке.

1982

Страх

Который месяц летаргий:
Ткни пальцем — кто из них убийца?
От бездыханных литургий
Моя земля во мне клубится,

И каждый в нас немногосерд, —
А нам бы этого отнюдь бы...
И полуверы зычный свет
Бьёт в запрокинутые судьбы,

И словно мёд её моря
Над горизонтом деревьев...
«О ближний, маета моя,
Зачем я над тобой не властна?»

77

Ткни пальцем — кто из них беда?
Где узаконится заушь?
Когда ослабнем без следа,
Заулыбавшись от удушья?

Бегом! Куда и как — не вем,
Но увещаний убегаю,
И меда пряного не ем,
И тихий страх перемогаю:

Бегом! Не верю я речам
И не смотрю несатым оком,
И душу, как бродильный чан,
Несу в смятении глубоком.

Не пить бы страх, как пью, — а в путь бы!
Не заедать бы страх, — а жить!
О дом мой, где чеканят судьбы,
И мне такую откажи!

* * *

Чем оттепель нехороша?
И что за привкус неминучий?
Один вопрос хранит душа,
Но привыкает жить иначе.

Лишь оттепель её томит,
Кругом обсевшая предметы...
Один вопрос душа хранит,
Но не скупится на ответы.

На небо не глядит народ:
Знай, выпускает голенища.

Отныне полтебя уйдёт
На то, чтоб не пугаться вещи,

С которой слов не наскрести:
Вещь бродит стёжками иными...
Полсилы, — чтоб себя вести,
Как это делали доньше.

И, сдёрнув небо, как брезент,
Закат оповестит гортанно:
«Ковчег у нас, авенезер!
И сила вдвинута в кварталы, —

Но битвы не произойдёт,
И будет гибель несуральной,
И солнце тихое зайдёт,
Вскипая пеной безобразной».

В такую ночь да не заснуть бы,
Зла не свершить бы над собой!
О дом мой, где чеканят судьбы,
Не обнеси меня судьбой!

Над ближним не возобладать бы,
Не задремать бы в терему!
О дом мой, где вершатся свадьбы,
Наставь мя страху Твоёму!

1983

* * *

Есть такие ещё леса:
Помнят поступь степенной Евы...

— О лукавые деревья,
Днём вы алы, а ночью где вы?

(Враг язык, словес не попорть.
Ты и добр душой, а долог!)
В НОЧЬ КОГДА ПОМЯНЕТ ГОСПОДЬ
МЫ НЕ БЬЕМСЯ В ЕГО ЛАДОНЯХ.

— Я не знал, что внутри гнилой.
О как жжет меня иод! Как щиплет!

ПОД РАБОЧЕЙ ЕГО ИГЛОЙ
МЫ ЗАСНУВШИЕ БЕЗЗАЩИТНЫ.

День, и ты, душа, — на засов.
Или, может, вину — скостили?
Алы блики в листве лесов,
Где горды мы и самостийны!

Зреют медленные плоды,
Набухают в коре, кровавы...
Солоны же в лесу пруды,
И багровы же их провалы!

Испытай мя — я плох, я пас.
Вижу зреньем слепым и едим:
Изо рта моего и глаз
Вырастают, алея, ветки.

Отсеки! Искорчуй! — Но сон
Не приходит, — а там, далёко,
Блещет белым стерильный стол,
И хирург возжигает око, —

И не скроет сырая плоть
Трупных пятен своих медовых...
— В НОЧЬ, КОГДА ПОМЯНЕТ ГОСПОДЬ,
МЫ НЕ БЬЕМСЯ В ЕГО ЛАДОНЯХ.

1982–1983

**Сад в Александро-Невской
лавре по дороге в Петербургскую
Духовную академию**

А. Ф. Шутенковой

Дует ветер с градом
На прожитые мною жизни.
Там устанавливается безвременье
И они пересыхают, словно заброшенные каналы,
И уже не бегут по ним замусоренные воды.
Золотые колёса жизни,
Золотые крылатые колесницы
Катятся из одного пространства в другое,
Из одного сада в другой...

*

Сад мой саднящий, залитый талой водою,
С церковью посередине,
Сад, свидетель стольких подлых ошибок,
Стольких встреч устроитель, стольких словес подсказчик!
Сирые неофиты, мы тебя истоптали.
Сколько раз мы бежали тобою в золото храма,
Сумерки страшного мира спеша оставить снаружи!

*

Помню одну старушку —
С чёрными подглазьями, плачущую в голос.
Как она тряслась от тоски: просить не умела,

Стыдно ей было, а никуда не деться.
Умерла, наверное, очень быстро.
Я дала ей рубль, но адреса не записала.

А один раз женщина шла из церкви,
А вместо сапог или бот у неё обмотки.
Тут-то я телефон записала, но так и не позвонила.

А ещё как-то раз на Страстную пристал весёлый пьянчужка,
На костылях и весь аккуратно перебинтован,
И цеплялся ко всем, идущим из церкви, —
Дескать, дай три рубля, а не то какие ж вы христиане?
Я боялась, что это переодетый ангел,
И, вздохнув, отдала ему свою последнюю трёшку,
И больше его никто никогда не видел.

*

Иеромонах Алексей надо мной немного поиздевался,
Намекая на возможное употребление моей трёшки.

*

Но теперь уже и Алексея в лаврском саду не встретишь —
Он расстался с карьерой и перешёл в Зарубежную Церковь,
И бедствует на каком-то мелком приходе.

Кто теперь гуляет по Саду с его затопленной сиренью,
Пробирается к пасхальной заутрене по непроходной тропке?
От моих колесниц следов на льду не осталось.
Не вернётся туда и отец Алексей,
А пространство, ИЗМЕНЩИЦО, делает вид,
Что нас позабыло
(Будто бы я не знаю, что оно ничего не забывает!),
И услужливо расступается перед другими,
И нащёптывает им, что они — первопроходцы,
Как нащёптывало и нам, доверчивым, предавая ушедших —
Мучеников, исповедников, нищих, святых, поэтов,
Прочертивших огненные следы над этой дорогой.

*

А красавица Марья Семёновна лет девяноста?
То ли фрейлина императрицы, то ли звезда
Императорских театров,
То ли принцесса из уничтоженного царского дома.
Не седая — блондинка! Не старая жердь, — а лебедь!
Так и стоит предо мною: умный орлиный профиль,
Ласковая улыбка, танцующая походка.
Марья Семёновна о себе никогда не говорила,
Но справлялась о родственниках (и всё запоминала)
И ко всем напрашивалась на ночь
(Только я её никогда не приглашала).
Марья Семёновна принимала деньги,
Огурцы, бутерброды, поношенную одежду,
Но моего узла не взяла — под ночь воскресенья
Станет она, дескать, с тряпьем возиться!
И никому, никогда, ни одним намёком
Не открыла Марья Семёновна своей тайны.
Вот идёт она, статная, полупрозрачный лебедь,
Радуясь живой земле, по краю дороги,
Вот идёт она, высокая, как берёза,
В ореоле безумия, в нимбе причастия, в свете солнца.
Ничего, когда-нибудь мы умрём и обо всём узнаем.
Не удивлюсь, если это была сама святая княгиня Елизавета.

*

Всё-то мне чудятся в талом Саду замаскированные
Ангелы и святые.
А иногда прорывались и бесы — без них не обходилось,
Только увольте, о них я говорить не буду,
И того довольно, что чудом жива осталась.
Но и людей по той дороге наискось к церкви прошло немало,
И за каждым воспоминаньем стоит нечистая совесть.

*

Так и вышло — не мир, но меч. Сначала меж миром
И целокупным Храмом. Теперь же — и в сердце Храма.

Меч — дорога, наискось разрубившая сердце Сада,
Меч — печаль и гнев, расколовшие наше сердце,
Водораздел, навсегда отделивший нас друг от друга.
Бывшие неофиты, братья, из колыбели Сада
Разлетевшиеся по лесам, полям и пустыням!
Значит, наша вер*а не посрамилась,
И остальное, как ни страшно, сбудется тоже, —
Крестоношенье, голод, земли трясенье,
Выкорчёвыванье садов, души поруганье,
Оскуденье любви, святых избиенье,
И остаётся в силе завет ничего этого не пугаться.

1998

ПОЖАРЫ

I

Георгиев Посад

Из мира, что ничей и разномастен,
Я выбрала — и прочего не жалко —
Густую весь, написанную маслом,
Коричневые сумерки, пожары.

Далече в полный ряд горят берёзы.
Дракон ли сжёт?
Полслова, и начнётся.
До вечера к посаду доберёмся,
Доищемся дощатого ночлега, —

Сотри усталость! Никакого лаза
Отсюда нету, никакого *ПРЕЖДЕ*, —
Лишь эта взвесь монастырей безглазых
Над бездорожьем позднего апреля,

Белеющих потусторонним светом,
Колеблющихся в сумерках над полем, —
Да навьи гнёзда, выросшие сверху
На разветвленьях чёрных колоколен!

...Беспомощные дождевые черви
И маленькие каменные звери;
...В бесповоротной тяжести вечерней
Призыв неразличимый и незванный, —

И мы потеряны. И это снится.
И кто *иной*, обочины листая,
Не отставая, хочет объясниться,
Беззубыми бормочет челюстями?

Кто горло нам руками разжимает?
И кто за оцеплением потёмок,
Невемый, за предельной тишиною
Сужает круг безвестными путями?

И вот уже...

II

Кизи

Теперь пожары не по следу
За нами не следят по свету,
Вороньих гнёзд собачьих тел
Нам на пути не преподносят.

Путь пеш, — в котором не вольны.
ПРЕМУДРОСТЬ выпрямись *ВОНМЕМ*.
...И Книгу разлепляет ттец,
И — *ничего* не произносит.

А свет стремительным пятном
И ускользящим теплом
Уходит по воде недалней.
Левиафанья кожа
Морщиниста и тяжела.
И небо движется отдельно,

Ползёт промоинами света.
Как ектения оглашенных,
Последний слабый голос лета,
Едва зазубрен, заглушенный.

И травы сходят за бесценок,
И куст подавлен нищетой,
Но небывалая щепоть
Из глин вытягивает церкви

О сотне луковок.
И хруст,
И чавкание.
Быль и небыль
Встают по всей земле.
И крест
Всей грудью принимает небо.

III

Покров на Нерли

Что будет с нами? Дай ответ!
Но выслушать его — отнюдь бы...
То полуверы зычный свет
Бьёт в запрокинутые судьбы.

НАС ВОЛНЫ МЁДА ЗАХЛЕСТНУТ,
НАС В ОКЕАНЕ ГЛИН ЗАБУДУТ,
Нам светлы льстивые блеснут
И горизонт кругом обыдут.

— Так!.. — И лишь там, у врат Покрова,
Где половодье и засов,
Разверзты клювы, сняты ковы
И твёрдый свет и тихий зов.

— Нам зык хлыстовский слепит уши!
— Нам глины зрение глумят!
ТАМ ЛЬВЫ КРУШАТСЯ — ТАМ В ГРЕМУШКИ
ПТЕНЯТА ГРИФОНЫ ГРЕМЯТ —

И мнится мне, я мал и глуп.
Пусти — жива вода в колодце.

...И только страшный будет глух,
И только нелюдь посмеётся.

ИЗ КНИГИ «ГИБЕЛЬ КОЛЕСНИЦ»

* * *

...Плебейская кровь! Нелюдимая кость!
Не я ли — в стране зачарованной — гость?
Не я ли учусь узнавать — погляди! —
Жреца по его бирюзе на груди?
До дому — от родины-Хема — пора б!
Не я ли — в тебе заколдованной — раб?

Не ты ли мертвящий питаешь чирей
На шее сынов твоих и дочерей?
Иль ты — только лифт письменам ножевым
К невольному чтению нам, неживым?
Не я ли?.. — Но ты не взыщи, не взыщи.
Я помню: я — камень из ЭТОЙ пращи.
Но ты не взыщи — я предать не ищу.
Ты землю — я сердце асфальтом мощу.
Уйти бы, — но здесь над тобой небеса.

*

И прошлое дует в мои паруса.

1984

РЕКА СМОРОДИНА

(Видение)

I

Мёртвая легла вода
Между мной и милым детством.

Лес, высокие огни,
Чьи-то стойбища худые.
Чудь неведомая. Они.
Чёрная гора. Куды мне?
А за мёртвою водой —
Все, кто первую любовью —
Золотой и молодой,
Все, кто делом, все, кто болью...
Там — уметь быть одной,
Память, небо, море, разум —
За водою ледяной,
Убивающею разом.

88

О Смородина-река,
Я оставил там клинок.
О Смородина-река,
Согрешил я, изнемог.
Я стою на берегу.
Дико мне в краю пустынном,
В чёрном мху, в болоте стылом.
На поклон ли — ко врагу?
Будут мне и там друзья,
Будут мудрые умы.
Только с ними мне нельзя:
Как отречься от сумы?
Иль пуститься налегке,
Или страх переупрямить?
Чёрный Китеж вдалеке
Громоздится, словно пряник!
Не топи меня, река,
ТО ХАРРАН МЕСОПОТАМСКИЙ

Безоружна седока!

ТО ХАРРАН МЕСОПОТАМСКИЙ

Не лишай меня ума, —

ТО ХАРРАН МЕСОПОТАМСКИЙ

Ибо ты Змия Сама!

ТО ХАРРАН МЕСОПОТАМСКИЙ

Ты — ушедших смолкший гам.
Ты — России тайный Ганг.
Ты — мой грех, мои дела:

89

Я творил, — а ты плыла.
Дай мне сплавать за клинком
И не думать ни о ком!

...Мёртвая вода любви
И отчизна за хребтом.
Говорит она: «Плыви.
Я убью тебя потом».

Круты волны. Пены нет.
Чёрный омут. Жёлтый свет.
Ты студёней, горячей
Богородичных ключей.
Сумерки молчат во мне.
Плачи зябнут по спине.
Тишина плотнее волн.
Вышиною сумрак полн.
Чёрных радуг слёзный круг.
Смертных слов бессмертный ток.
Кроткой памяти круги.
Протекают сапоги.
Холст намок и плащ набух.
Обруч лыковый на лбу.
Тихий, тухлый, грозный смрад.
Я не выплыву назад.
Свалка? Гроб? Муравья кровь?
Отжужжавшая любовь?
Мёртвых празднеств ветхий гам?
Лишь полынь по берегам!
Как у боткинских Сестра,
Гниль трясин твоих остра.
Но сама — как чёрный бинт.
Но сама, как горький ключ.
Чище кипячёных бритв!
След за лошадьё горюч.

— АЙ ТЫ МАТУШКА ЧЕРНАЯ РЕКА СМОРОДИНА!

Язва Лазаря кладезь твой.

— АЙ ТЫ МАТУШКА ЧЕРНАЯ РЕКА СМОРОДИНА!

Бурый воздух, солнца удвой.

— АЙ ТЫ МАТУШКА ЧЕРНАЯ РЕКА СМОРОДИНА!

А ну давай — выплывай на Русь!..
Отраженьем в воде троюсь.

— АЙ ТЫ МАТУШКА ЧЕРНАЯ РЕ...

Обернёшься — дым и смрад.
Чёрный (Медный?) Всадник на плато.
Или это — дивный сад?
Соловьёв лихой притон?
Обернёшься — грохот скал.
Лавы алый геркулес.
Или там — моя тоска,
Там поля мои и лес?

О Смородина-река!

(То Харран Месопотамский)

Ты морочишь седока!
Ты черна, и ты давно.
Боле знать мне не дано.
Сгинул запад и восход.

Третий берег встал из вод.
Сзади — детство. Сзади — ад.
Я не выплыву назад.
Сзади память. Сзади бред.
Впереди великий свет.

II

Шли к России целый день, вышли к вечеру.
Тускло луковки горят. Птицы вещице

На часовенках молчат, птицы жирные...
Чай монахи кипятят всей дружиною...

То ли Китеж, то ль Кижы — воротились мы.
На святые рубежи воротились мы.

Только речку переплыть, мать-Сморородину, —
Дай-й повысохла, поди: вброд — на родину!

Там, за шеломянем, эх — только в горле ком!
Книги по небу летят треугольником...

Бурка, но! — Да тпру! — да мы неучёные:
Дай, прищурюсь на Кижы эти чёрные!

— Да ить крест на них! — ан сердце хоронится:
Бают, праздник, — а боюсь оскоромиться!

Да и конь мой на дыбы — хоть в реку не лась...
Не драконша ль, нам на срам, перекинулась?

Омочу-ка я рукав, соскочу с коня.
Провещись ко мне, река, научи меня!

А та скрипит песком наизусть:
— Ступай, ступай на святую Русь!
Я на первом шагу — уздечку беру,
На втором шагу — удала коня,
А на третьем уж как самого добра молодца.
Да разве ты, буйну голову, и так пропустить?

1984–1987

* * *

*Да встанет солнце прямо Гаваона
И луна противу дебри Аиалонския.*

Иисус Навин, 10: 12

В полнолуние вещей
Стережёт меня Кощей.
Гусь на зарево глядит —
Третий Рим спасать рядит.
В полнолуные поля
По волков пошло теля —
Гул по всей земле гудёт!
Ум-то есть, да вон нейдёт.

В полнолуние начал
Рада мне моя печаль:
Похлебай-ка старых шей
В полнолуние вещей,
А судьба повременит...
Мана манит — Бог хранит.

Над озёрами ночью
Полнолуние вещей.
Чья же тяжкая вина
Так объела времена?
А я так рук не прикладывал —
Так, толкнул, да наподдал,
Да подвыл — теля стращал...

Встань, луна, в лицо вещам!
Против дебри встань, луна!
Называют имена.

1983

* * *

— И, люди, вы, которые вовне!
Нелживых слов не говорите мне!
Они невняты как сама природа,
Она безмолвна как покой курганов,
Которые не воют по ночам:
«Кто посягает на мою могилку!» —
Лишь подстилают чёрную пелёнку
Под россыпь духа — в соучастий час.
Досыпьте лжи: хочу расслышать вас!

Но что мои слова? Во лжи ли?
Так что же правда в тех, что живы?
Я мнил — МЫ взмах её меча!

— Монах, часовня или ива
И крен весеннего разлива,
Когда о них молчат, —

МОЛЧАТ.

Прогулка близ Сестрорецка

И почернел песок, и снегом стал.
И города разросшийся кристалл
От побережья щупики отдёнул.
И путь внезапно сделался пройденным,

Раздумьем над собою же. Урок
Стал пройденным, спасённым — день, он — выжил,
Он гниль свою и грязь закатом выжжет
И сам себя запас себе же впрок.

Залив зимой уходит вглубь себя,
Застывшею волной рисуя фразы,
Которых не прочёл никто ни разу,
Живой души сперва не загубя.

Так подсыхают кромки, корки, срезы.
И так же подсыхают щёлки ран.
Но глухо катит волны океан,
Не заживая. Бьётся о Фарезы.

Почти смирясь, вливается в залив.
И — замерзает, до песка дохлынув.
Мель побеждает глубь. Недосолив
Песок и небо в глотку опрокинув.

Здесь, на пороге у полнощных стран,
Где замерла, заледенев, вода
(Мы тщимся жить, — а нет, так кто тогда?), —
Немудрено забыть про океан,

Поверить, что и он заледенел
В двух римах от босфородарданелл
И мечет огонь, как низшие моря,
И что надежды зарождались зря —

Остались мель да чёрный снег с песком...
Их только растоптать да пнуть носком...
И так поступит, кажется, любой...
Но помнит слух, как здесь шумел прибой.

1985–2004

* * *

Я точно помню, когда появились первые низкие мысли
И когда я записала в блокноте:
«Пусть до скончанья будет так —
Не весел свет, не мрачен мрак.
А там — вернётся всё: любовь
Песком и ветром станет вновь».
Помню «медленные танцы», гаданья, универмаги
И любвей бумаги и дневников бумаги;
Помню зелень неба и музыку сфер
И ещё стихи, от которых осталось только название —
«Агасфер».
И в красном галстукe я выходить стеснялась на проспект,
И сладострастный «Анти-Дюринга» конспект,
И дух мой недоговорён...
*
Я недостойна тех времён.

ИЗ КНИГИ «ЗАРЯ АПОКАЛИПСИСА»

*Уж ты Раю мой, Раю пресветлый,
Ты почто еси мне заповедан?
И куда ты от меня затворился,
Невидимой схимой покрылся?
Али мною ты, Раю, погублен?
Али в горняя, Раю, восхищен
И цветёшь в небеси на воздушех,
А сыру землю сиру покинул?*

Вячеслав Иванов. Светомир Царевич

*Се что добро, или что красно, но
еже жити братии вкупе? Яко миро
на главе, сходящее на браду, на
браду Аарону...*

Псалом 132, 1–2

Покаяние

В рёбрах неба над округою
Солнце — высохшею ранкою.
Я была плохой подругою
И отнюдь не христианкою,

А неведомой зверушкою,
Заблудившейся на пастбище...
Лишней — за любой пирушкою,
В деле, в стойбище, на кладбище.

Жизнь моя была — скольжением
Между Пудожем и Будогощью,

Непрерывным отторжением,
Отречением от будущего.

Рву рубаху — это русское,
Это я всегда пожалуйста.
Нужно же расширить узкое
Для волны любви и жалости,

Чтобы прошлое, отзмеиваясь,
Стинуло в свои зияния...
Что ж стоите вы, посмеиваясь
На моё на покаяние?

Что ж расходитесь, болезные,
Странно на меня поглядывая?
...В масле я точила лезвия,
С чукчею играла в нарды я, —

И сижусь, как вран на нырище,
Как чудовище на лежбище,
И прикидываю — в будущем
Есть ли для меня убежище?

Даль сосновая, тополия —
Даст ли мне она пристанище?
Ей навстречу — в чисто поле я,
А во поле — истуканище,

А к нему дороги устланы
Рушниками наикращими...
Что ж ты, идолище гнусное,
Так значительно таращишься?

Я водою окачу его,
Подожгу, — и не поморщится.
Или власть свою почуяло,
Что так пыжится, топорщится?

Над бесплодную равниною
Свищет ветер, тучи рыскают.
Как согреться под равниною?
Рвать рубаху — это русское,

Но зато потом и холодно!
А тулуп надеть — унизиться...
Крадучись минуя идола,
А опушка всё не близится,

Всё облезлоу горжеткою
Горло горизонту кутает...
Как укрыться от прожекторов
И от поднебесных скутеров?

Как не оступиться в рытвину,
Чтобы песня блудной дочери
Не окончилась, оборвана,
Многозначным многоточием?..

Солнце к ночи увлажняется,
Наливается сукровицей.
Братья в нарды упражняются,
Полулёжа под смоковницей, —

Где-то там, в раю вневременном,
Внеимённом, внепространственном,
Вечной ласкою беременном,
Вечной мудростью обласканном...

Я бы к братьям, под смоковницу,
Будь я не должника внешнего —
Поимённого, посконного,
Трижды клятого, кроmeshного:

Пудож, Будогощь — забудешь, что
Доброго, в раю осваиваясь,
Где ни прошлого, ни будущего, —
Про названья, что, отстаиваясь,

Симулируют бессмертие...
Но от Будогощи к Пудожу
Столько свищет несусветия,
Что, наверно, я не выдержу:

Сяду, как стояла, в месиво
И взмолюсь в великой немощи:
«Я сдаюсь, прошусь со спесью я,
Из скорлупки меня вылуци,

Раю, посвети мне в темени,
Вертолёт за мною вышли ты, —
Край без дали и без времени,
Где, за пазухой всевышнего,

Нет ни горести, ни болести, —
Только тихое веселие,
Рвать рубаху нету надобности,
Как и плакать от бессилия;

Предки нянчатся с потомками,
Куст горит средь поля ровного,
И елей течёт потоками
На браду на Ааронову...»

1984–1998

* * *

На путях земного круга,
Где пургой метёт тревога,
Мы хранимся друг у друга
И за пазухой у Бога.

Добрый меч хранится в ножнах,
В нотах: «Выхожу один я...»,
Память — в кладезях подкожных,
Клады — в полостях подземных.

Лестно сохраниться в славе,
Сладко — сохраниться в деле,
Словно льдине в ледоставе,
Словно волосу в кудели,

Выдравшись из террикона
Пузырящегося вздора...
Я хранюсь в ноздрях дракона,
В недрах своего позора,

В зимнем льду, за Сортавалой,
В страшном, недоовощённом...
И, когда аортой алой
Запад бьётся учащённо

И, шурша, уходят льдины
В эту Вечность, в эту алость,
Что сплавляет воедино
Грех и милость, страх и жалость, —

Вот тогда вскипит во всхлипе
Прятавшееся веселье
И хранившееся в склепе
Вылупится в Воскресенье.

Январь 2002

* * *

*Отпусти меня на волю —
Я травы не потопчу!
...Путь горит во чистом поле
Вслед закатному лучу.
Я, «Рафли», 1984*

Всё проходит слишком скоро.
Царь стоит позадь забора,
Голова его до звёзд.

Мы напрасно прячем шило:
Всё судьба давно решила
И подшила делу в хвост.

Шутки, шпильки, оговорки, —
Всё несётся словно с горки,
Только не в тартарары,

А, скорее, в ухо бездны.
Оправданья бесполезны —
Это правила игры.

Снег скрипит, как половица,
В печке прееет чечевица,
Зверь почти настиг ловца, —

И катится вспять волнами
Всуе сболнутое нами
Ради красного словца.

Челядь в поезде томится.
Царь с девицами кумится.
А не чаяли, поди!

Гром гремит, земля дымится.
Слишком быстро всё стремится
К некой точке впереди.

Всё проходит слишком скоро.
В спину дышит пёсья свора,
Подо льдом горит трава.

Всюду уши, всюду очи.
Я шепчу в тростинку ночи
Заповедные слова, —

Шлю гонцов себе навстречу,
Пред собой дорогу мечу,
Стрелы с вервием мечу, —

Вслед за поездом царёвым,
В ночь с лазоревым поддёвом —
Вслед закатному лучу.

2001

В сторону Токсово

На утюгах облаков,
На кораблях облаков
Вплыв, обретает день
Место среди веков —

Нет, не память в веках,
А только место в веках —
И засыпает, как
Синица, у них в руках.

Но, бодрствуя, в дни веков,
За грань, примет лишена,
На плотах облаков
Странствует тишина.

Разом объемлет взор
С неба — её улов:
Это — Арзрум озёр,
Это — Халаф холмов:

Она, как Ашик-Кериб,
Даль эвксинских вуокс
Пронизывает на сгиб,
Пробует на зубок, — с

Тем, что Токсово есть Восток
Запада, словоер
Ингерманландских строк,
Тыл предзакатных шхер,

Гул зароссийских строф,
Облачный архитрав
На вертелах травы,
На рычагах ветров, —

И челны рыбаков
Утлые — вдалеке,
И тонкая нить — в руке
У каждого из облаков.

Как куклу, свою же тень
Влача за собой, они
Прозревают прадревний день
И прабудущие дни,

Безмолвия их полны
И немые их полнотой, —
А между времён — челны
Свой невод влачат пустой,

А в нём — ни манны с небес,
Ни рыбы озёрной, — как
Будто не между бездн
Плывут, а между зеркал.

Ужель обнажилось дно
Времён, водоёмы слов?
Ловцы в волнении, но
Они и сами — улов

В слепых сетях тишины, —
И с берега чей-то взгляд
Вытягивает челны
Строка за строкой назад,

Поскольку в струенье лет
И в коловороте вод
Дна — нету, не двинешь вброд,
Исчерпанности — нет.

И если, думой объят,
Ты странным волненьем полн,
Уж верно — твои стоят
Ноги — на кромке волн

Пустынных, открыт зазор
Меж «было», «есть» и «всегда»,
Чтоб свайные средь озёр
Выстраивать города

И пламя ловить с челнов
И прятать в шар вощаной...
Ибо ещё ничего
Толком не воплощено,

И новые небеса
Теснятся воды испить,
И флот круглит паруса,
Ища себе устья — всплыть

Зазором разжатых век —
В простор пустынных заток,
И там обрести навек
Место себе меж строк,

Ибо пока — ничей
Мир, что скользит в зазор
На веерах лучей,
На разрывах озёр,

Ветру наперерез,
В окоём голубой, —
И флюгера небес
Вертятся вразнобой.

Август — октябрь 1999
Токсово — Регенсбург

* * *

Наш мир — что-то вроде волока,
Окутанного дымами.
О чём возвещает облако,
Плывущее над домами?

О чём — прелюдий, фуг и токкат
Свободный полёт в нигде?
О том ли, куда нам челны толкать,
Чтоб выйти к большой воде?..

Май 2002

Размышления по поводу опасной болезни

Небо вдали фиолетово.
О милосердный Боже,
Не было ещё этого,
Того, и этого тоже!

И тюрьмы, и погоста, да,
Тоже. Но плачу снова:
«Как же уйти, о Господи?
Я ещё не готова.

Я созвездий не выучила,
Не видела океана.
Я никого не выучила,
Не вывела из тумана.

Не отдала награбленного,
Не поднималась в вере
Выше гроба повапленного.
Даже и в малой мере

Не укрепила логова
От чудовья лесного.
И — ещё очень многого
Не уложила в слово.

Ни того, чем порезалась,
Ни — что всласть занимало,
Ни того, что пригрезилось...
А удалось — так мало!

Но под лиловым — рыжее:
Золото отгорело.
Господи, знаю, слышала:
Если завечерело —

Надо грехи замаливать,
С блудным мириться братом...
Но как же рук не заламывать
В страхе перед закатом?

Скрыть луну под одеждою,
Чтобы уже ни зги?
Как расстаться с надеждою?
Господи, помоги!»

...И ровный мне голос чудится,
Который — и смысл, и суть:
«Это и это — сбудется,
А это — не обессудь».

1997–1998

* * *

Тишина. Со скрещёнными руками
Закрываю веки небосводу.
Неурочный сон падает, как камень,
Чёрный камень в жёлтую воду.

Натеканье в колодец яда.
Станет бурой вода — из жёлтой.
Жизнь срывается в гулкую яму
Каплей тёплой и тяжёлой.

Высыпается мерой хлеба...
Просыпается: вот и вечер.
Золотеет пустое небо,
И безмолвно чернеют вещи.

В страхе вскидываюсь спросонок:
Ты ко всенощной не поспела,
О душа, — ты проспала солнце,
«Свете тихий» ему не спела!

Как оно было близко, низко —
Подошло и стояло рядом!
Ты его багровому диску
Не ответила встречным взглядом.

Облака прошли и уплыли,
Отгорели, отполыхали.
Покрываясь слоями пыли,
Проговариваясь стихами,

Вещи зарево погасили,
Затворили в себе окошки.
Если небо явилось в силе, —
Что ему до твоей оплошки,

Кто ты — бездне огня и гнева,
Что, отпиршествовав, погасла?
Ах, душа, немудрая дева,
У тебя не хватило масла!

О моря, о, пески досады,
О, свобода на все четыре!
Закрываю со стуком ставни,
По стемневшей брожу квартире.

Что тебе, душа, остаётся?
Ты рукой пустоту схватила.
Чёрный камень на дне колодца
Перевешивает светила.

О, бессмысленность, о, бескостность.
Не коснетъ бы, — а по следам бы!

*

Ночь накатывает на космос,
Подминая дома и дамбы.

1982—1998

* * *

Ты — мужество, ты — юность, ты — любовь,
И мы сошлись до сотворенья мира;
Вот почему спокойна наша кровь
И не вступают в спор псалтирь и лира.

Необходимо многое свершить, —
Не время рассыпаться мелким бесом.
Нам некогда кроить, нам надо шить.
Нам некогда сужать круги над лесом.

Из батискафа инобытия
Мы смотрим на подводные течения.
Мы нераздельно слиты, ты и я.
Наш общий воздух — мироотреченье.

Мы сами — те заветные слова,
Которыми должны ответить Богу...

*

И нам ни рыба-лампа, ни сова
Не вправе ночью указать дорогу.

1984—2000

* * *

Подстриг мне крылья брадобрей Оккам:
Я не летаю — я пишу по нотам.
Но я причастна этим облакам,
Их войлочным сваявшимся длиннотам.

Не ими ль клавиши приглушены,
Не ими ли плачу свои долги я?
Я вхожу в дома этой тишины.
Сюда меня призвали всеблагие.

В чертогах этих — все, что быть могло
И будет... Но, списав мой труд как шалость,
Железо мира мной пренебрегло.

*

Зато бумага мной не погнушалась.

Февраль 2000

* * *

О изобилие Господне,
Питающее Шехину!
Вдохнувши воздух преисподней,
Мы выдыхаем тишину.

Танжерских антилоп настенных
Недвижный бег неуследим.
На смыслах, как на скирдах сена,
Мы пригорюнившись сидим.

Сыта, и брага, вина Каны
Вотще стекают по усам.
Единороги и полканы
Без дела бродят по лесам.

В часовне служат панихиду,
В чащобе брезжит бересклет.
Вдыхая древнюю обиду,
Мы выдыхаем тихий свет.

И нету тишине границы,
Вершины нет её горе,
И жадно из её криницы
Пьют водопады на заре.

Март 2000

ИЗ КНИГИ «РИТОРИКА»

* * *

...Но как отмерить в языке благом
И как сказать в отточенную синь
Смертельно сжатый, тоненький глагол,
Сосредоточен свьше сил людских?

До или после звука напролом,
До или после слов и синевы
За солнцем, перепончатым крылом
Накрывшим литографию Невы?

1982

* * *

На чёрной пашне, — в час алеющей денницы, —
Я мёртвой красоты узрела колесницу,
Бестенной красоты, по оси в чернозём.
И болью, как соблазном, был пронзён
Мой разум, а вокруг, землёй запачкав складки...
Кумиры меж борозд белели в беспорядке.

1982

* * *

...Но я мотивом небрегу.
И гренадёрские синтагмы
Печатают шаги-затакты,
Грозь коварному врагу.

Гравюрная, сухая точность,
Парад на невских берегах,
И гул глухой, и скрип дотошный
От рифмы в плоских сапогах.

А слово — родственник любимый
И оборотень без лица:
Багровый глаз его глубинный
В стекле вечернего дворца —

В день оный, завалясь за зданья,
О, как ты нежить подожжёшь!

*

...Нет, безуильное сознание,
Ты не мотивом небрежёшь...

1982

* * *

Душа бездействия не стерпит.
Круговращаясь как ошпарен,
Глаз натывается на шпильи,
Душа, отпрянув, жмётся к стенке.

Иного счастья не вкусили.
Лишь к изучению и возле
Пригоден этот ветхий воздух.
Душа не вытерпит усилия

Над благом этих вод — под прессом,
Где всё — обломки декораций,
Откуда музыка и песня
Пахучей ниточкой курятся,

Где праздник никому не лаком,
А пыл любовный безохотен,
И где могучим, вольным валом
Жизнь приступает — и отходит.

1983

* * *

...Вечносухие фонтаны. Сады классицизма.
Небо — петровский флот, паруса из гипса.
Солнце — разрыв тумана.
Лепные кони,
Звери, торсы, гады — и надпись вязью:
«НЕ ПОСТЫДИМСЯ ВОВЕК».

114

Над переулком —

Алая орифламма: «УМРЁМ ДОСРОЧНО».
Кто разгадает чаянья и ученья
Многоярусного Урарту на месте святе? О страх проснуться
Двадцать веков назад! Пусто. Легко. Громоздко.
Завтрашний свет — лишь дыра над болотом...
Слышишь невнятный шум?
Это — толпы, толпы,
Толпы стоят у Краниева места.

1982

* * *

Я — пленник града-ломаки,
Который держу за фалды,
Что крутит куски бумаги
По высохшему асфальту.

Я — данник пустого Мерва,
Домов его безымянных,
Где мир — откровенно мертвый
И щёк своих не румянит,

Где содрана ткань покрыва
С девического жеста,
Где страсть населяет слово,
А мысль не находит места, —

Где плоть не питает гнева,
А дух не довлеет шагу,
Где только вода и небо
Помимо берегов решают, —

115

Се град! И вино, и кравчий,
Хмель верности и отврата,
Привязывающий — крепче,
Чем всякая наша правда...

1983

* * *

Смерть разрушает не спеша,
Но с каждым взглядом, с каждым годом.
Перегорожена душа.
Черна вода под ледоходом.

О, с каждым поиском защит
И с каждым происком желаний
Такой безжизненный расчёт,
Такой обман про выживанье.

Душа, как смеешь ликовать?!
Похорони! Плясать — безстыдно:
У вас была одна кровать,
У вас была одна посуда,

Вы пили кофе — сгусток вакс, —
И смерть, осмелившись, встревала,
И заговаривала вас,
И гуталину подливала.

Вы собирали дом такой.
Зачем войти в него не хочешь?
...О, ледоход, какой покой!
Ты не лукавишь, не хлопчешь,

Ты не колеблешь черноты,
Шурша, желтея, убегая...
Ты где, душа? Ведь ты другая.
Я промолчу. Что скажешь ты?

116

Что скажешь ты? УМРЁМ — ТАК В РОСТ,
И КАПЕЛЬНИЦУ ЛЕТЫ — В ЖИЛУ.
ПЕРЕГОРОДКА СТАНЕТ МОСТ.
МЫ ТОЖЕ ЛЕДОХОД, МЫ ЖИВЫ.

И судорога сих замет
К заливу выйти опоздает,
И льдина места не познает
И льдина места не познает
И ЛЬДИНА МЕСТА НЕ ПОЗНАЕТ
В обрушившейся в Ад зиме.

1982

Риторика

Стёрты вторые сандалии...
Местность, однако, приятна:
Думаю даже в себе — не Аркадии ль мирные холмы?
Вот и родник придорожный, и камень с этрусской вязью.
Путник усталый, стою, опираясь на посох,
И разбираю слова, краткому отдыху рад:
«Путник! Любезных своих помяни домочадцев,
Следом же братьев, которых взалкаешь увидеть
В день, когда смерть подсядет к тебе на одр печальный...
Только сие сотворив, чистой отведай
Влаги источника и хлебы спокойно запей».

*

Был я учён по-этрусски, знаю законы дороги.
Что ж пред недвижимым столбом сам неподвижен стою?

* * *

На ветру глаза слезят —
Ветер встречный, так и режет!
Оглянусь к себе назад:
Лица манят? Горы брезжат?

117

Странный выткется ковёр,
Судя по тому, что было...
Тише! Вспоминай — кого
Ты действительно любила?

Сердцем?..
...Память, это яд —
По ночам, когда придёте...
Три. Четвёртая... Стоят
Костью в горле, медом в дёгте —

Кто их ведаёт-судит?
Кто осудит — за любовью?
Память, суд во мне саднит.
Память лишь поводит бровью.

Что же мне — уйти к чужим?
Или лучше петь простое —
Дай приют у мочажин,
Веток, ветра, сухостоя!

К небу обратясь лицом,
Выпросить себе надзора:
Был бы дом — у месяцев
Просиня и брезозора!

Отчего же мне с лихвой
Жизни?! — Вот они, улики:
Не стелю я ветки хвой
На подтаявшем суглинке,

Не считаю ложь и лесть,
И казна моя несметна...

*

Если справедливость есть,
Нам живот суждён посмертный:

Время слёзы утирать,
Время, что не прекратится
То, где солнышку стоять,
То, где небушку крутиться.

Кашлять кровью в ручейки
Там не явится резона —
Будем петь щека к щеке
И смотреть до горизонта

Свет рукой не заслонив,
Прощены и покаянны, —
Половодья, нивы нив,
Луг, моря и океаны.

— Мести несть и лести несть!
— Дёготь в мёд не просочится!
...Что же — ЗДЕСЬ — ни пить, ни есть
Вместе нам не приключится?

За одним? Хмельна лоза —
Только мы трезвей, чем прежде...

*

...Оглянусь к себе назад:
Лица меркнут — горы брезжат.

Я стою — гортань суха.
Дай нам влаги, да обрящем —
Исподлобья и в стихах
ИЗМЕНИТИСЯ ХОТЯЩИМ!

* * *

О мы не первая трава
В разлив у храма Покрова,
О мы не соль, не тишина,
И нас земля не лишена.

Ты лжешь, душа: тебе легко,
И роешь ты неглубоко,
И, боли втайне не любя,
Играешь заживо в себя.

Оставь, оставь меня, прошу!
Я ничего не напишу,
Я человек, меня в обрез, —
Не прихоть я своих словес!

В провинциальных возрастах
Они — лишь копоть на устах,
Иль, может, временный уют
В углах, что дешево сдают.

Они доньне лишь налёт
На том, что из меня умрёт,
Они поблизости всегда:
Им хлеб потребен и вода.

Ты тлишь, душа, тебе вольно!
Ты чьё крадёшь для них вино?
...И пышной мглой лежат слова
Под свечкой храма Покрова.

1983

Спас на крови в Петербурге на канале Грибоедова

Рысаков:
— *Ещё слава ли Богу?!*

Из полицейского протокола

I

Для мурашей, для нас, маршрут
Готов парадным показаться
Оттуда, где среди машин
Воссел, ослабившись, Казанский, —

Туда, — где Спас ещё в лесах,
Как муравейник необъятен...
Закат над городом засох.
Он жёлт, он прян и неприятен,

Но щедро отражён водой.
Канал опять впадает в церковь,
И воздух, как перед бедой,
Кругом афишами оцеплен...

Но что это — внезапный гром,
Леса на землю опадают,
И все, кто весел и угрюм,
Внутри по билетам попадают!

Царь-мученик внутри сидит,
А правнука снаружи славят,
И медленно за гидом гид
Свой путь кружной по залу правит.

Но тщетно ждёт молитвы царь,
Глагол времён суров и весок, —
И, осквернённый, пуст алтарь,
И рты заклеены у фресок.

II

Мне мнится, мнится: есть напасть —
Вещам с собою не совпасть,
И что-то раздвоилось в мире.
Не терем в Северной Пальмире

И не музей, — куда как люто
Сей храм уставил очеса
В свои, невидимые людям,
Возделанные небеса!

А мы — куда? В края сирен,
В борьбе ли, в поисках тепла ли —
О как торжественно отплыли!
А он остался при своём.

И как легки к нему пути —
Асфальт поёт под каблуками!
Но захоти в него войти —
Шагнёшь и прямо через камень...

III

Дитя глухонемого рока
И диких купчинских трясин,
Ты не прохожий, ты морока,
Ты ставленница что за сил,

Зачем, принарядясь собою,
Цветочек в горло приколов,
Идёшь к ужасному собору
От распахнувшихся колонн?

Зачем, отдавши дань столице,
Ты незаконна на заказ?
Лучи Истории — сторицей
В твоей груди пересеклись!

Прищурясь как нельзя лукавей,
Зачем ты судишь о «пути»?
И, внутрь думая войти,
Ты — тоже! — проницаешь камень,

И камень пронизает кость,
И главка вертится как глобус...

*

И всё — и вот прошла насквозь,
И побежала на автобус.

1984–1999

ИЗ КНИГИ «КРАЙ ОТЦОВ»

* * *

Ибо между явью и сном
Есть мгновенье небытия,
Проблеск трезвости, — в этот дом
Не по воле явилась я.

Может быть, как и всё, что есть:
Разве требует стих: «Пиши?»
Не по воле ведаю здесь
Немощь собственные души,

Эту скользкую землю склок...
Миг, когда над холмами спин
Многоярусный небосвод
Раскрылся — и ослепил!

* * *

Алатырь — это луч и взгляд
В черту дорог: узнай глазами!
Нам не даётся детский взгляд
Над тем, что нам УЖЕ сказали.

Путь верит в пир и в не-сюда.
Дорога верит в ускоренье.
Неудивленье навсегда.
Хула на Замысел Творенья.

Неудивленье на века.
Необмиранье на пороге.
И только княжьи облака
Одни пируют у дороги,

Сдвигая кубки на крылах...
Души-догадки вещей трепет.
Обитель на семи скалах
И церковь на пути в Египет.

Путь и дорога, власть и власть.
За горизонтом жизни много.
И мимоезжая дорога,
И туч сторожевая вязь.

* * *

Я не буду чаю пить,
Буду денежки копить!

Ветер с озера гудёт.
Правнук по полю бредёт.

По долинам мертвецов —
Обветшалый свет отцов.

Что-то, что наоборот,
Мреет в нём и дыры рвёт.

Воздух — тонкий слой сенца.
Что сквозит через сердца?

...Кузнецами лечат здесь
Бреши в ангельскую весь:

Высунутся и скворчат —
Только задика торчат!

...Тварь с Давидова двора!
Поры заткнуты: замри!

Царский хмель твоя игра,
Сонный кляп в уста земли.

Ибо — если время мель,
Ибо — если слух иссох, —

Чинит сердце царский хмель,
Закупоривает вздох.

Тыщесердый, — трень да брень!
Пей, — отдышимся потом!

...Пыль потухших деревень
В небе вечнозолотом!

* * *

*...От дерева ли,
Зверя ли какого
Невидимыми островками
Опасное для разума плывёт.*

Г. Айги

...И всякий один остаётся.
В каморке лоскутной темно.
И вечная бабочка бьётся
В засиженное окно.

Её выгонять бесполезно:
Она остаётся всегда.
И душен мой сон, и болезнен:
За ним и спешила сюда.

И полночь сама, раскошелясь,
Меня принимает в дому.
Я вижу смарагдовый шелест,
Я слышу багровую тьму

И чаю вестей законных...
Но ряской подёрнулся пруд,
И в красных — сверчки — балахонах
В заброшенном поле растут.

* * *

Теперь мне яснее,
Что все наши речи — ошибка
И сам себе долг измышляет язык-вития...
Не празден один лишь псалом-акушерка,
Всходящий на гноища мира,
В больничную клеть бытия.

Псалом
Отсасывает лимфу из больных узлов грозы;
Псалом разглаживает воздух, согнувший кожу для слезы;
Псалом
Не погубит моей головы повинной;
Псалом
Перевязывает пространство как пуповину.

И рождается малое время,
И к нему не пускают слова,
И желтеет в полях иерейник,
А по рвам — задолонь-трава.

* * *

За дозорною облачною цепью,
За десятком безглазых колоколен,
В стороне от дороги мимоезжей.
...А взойдешь на распаханную горку, —
Если сумерки ещё не наступили, —
Завиднеется курган о трёх деревьях,
Затужит неучёное сердце,
А о чём — себе, чужому, не скажет.

В стороне от дороги мимоезжей,
За семью оцепленьями неба
В воздухе густеет ожиданье.
Снуть и тимофеевка молкнут:
Виден Курган о Трёх Деревьях,
Окружённый змииною топью:
На вершине того кургана — Алатырь-камень
С немигающими очами.
Видит он — за два океана,
Знает он — за вчера и завтра,
Он вдыхает не-воздух из устьиц ветра,
Выдыхает — невидимое Время.
Семь поднебесных елей — семь ступеней в тумане,
А восьмая — курган на горизонте,
А девятая — Камень...
Выходит курган с потиром,
И круги от него бегут над подводным миром, —
Или смотрит кто далеко, молча и всюду?
Я любила его и забыла и вот — уже не забуду.
Не словами он смотрит, — а встал очевидней слова,
Как курган на краю меня, вдали от пути большого:
Воротилась я, и вот — дела мои плохи.
Подошла к болоту, а там — мостки мои шатки...
И сквозит моё сердце на каждом вздохе,
И выталкивает время на каждом шаге,
Вспоминая себя поминутно... (ЕГДА ПРИИДЕШЬ,
ПОМЯНИ МЯ...) Но если что и увидишь
В четырёх четвертях земли — вода испещряет стекла...
Если что-то и знала я, — то насквозь промокла.
И стою от всего одна, и греха не снимешь...

*

...ТО КРУГИ ИДУТ.
БАГРЯНИЦА В ГЛАЗАХ — И СИНЕЖЬ.

ИЗ КНИГИ «ПОРАЖЕНИЕ»

Пятница

И звёзды нас — не оставят,
И время нас — не осудит:
Не было, — но есть и станет,
Не будет, — но есть и будет...

И в пятницу нам — оступиться
Или принять обиду,
А в прочие дни — толпиться
И вечно терять из виду...

Но воскресенье грянет
И всё, что ни есть, разбудит.
Мгновенье нас не обманет:
Такое было — и будет.

Семь дней у всего творенья,
Суббота на нас, о други, —
День смерти и предваренья.
И мы возложили руки

На голый песок надгробья,
Где камень давно расселся...
А там — поднимались рёбра
И глухо толкнулось — сердце.

1985

Старая Ладога

* * *

Неведомы буквицы неба.
Но в час, когда вспухнет волна,
Я смутного, смутного гнева
И тайного страха полна.

Распутья бесстрастны, безлюдны,
Но всюду — немой уговор,
Чтоб жизни печальной и скудной
Душа бы не шла вперекор;

Чтоб каждому ясному слову
Тройная бы кривда легла;
И чтобы уток и основу
Навек утерjala игла;

И в ткани излишней, напрасной,
Где лиц и событий не счесть,
Не выткались ниткою красной
Ни страсть, ни тоска и ни честь:

Не выткались башни на небе,
Не выткалась жизнь в бытии...
Прощай, моя правда во гневе —
Тебя помянут в литии,

А я до разбойника Раха
С молитвой лукавой теку
В неведомых буквицах страха,
Написанных мне на веку...

1985

* * *

По убыванью человечности
Мы судим об отливе Вечности
От обезглавленного времени,
Где мы — без воли и без бремени —

Застыли в неопределённости,
В предельности несовпадения:
Как будто есть друзья, влюблённости,
Единоверцы — и видения

Даются нам во снах, и знаменья,
А, значит, мы идём дорогою...
Но приглядиcь, — и всё как замерло,
Но приглядиcь — какой убогою

Душа предстанет, если вдуматься:
Решит — «друзья»: уже не чуждые!
Видение — не скажет: «Дунется, —
А вдруг рассыплется?» — Кольчужная

На ней рубаха, острый меч в руках —
Не скажут: «Это — чаепитие!»
...Стою меж вымраков и вымраков, —
И нет распутия, избытия.

Одна — меж бесцерковной совестью
И меж бессовестною церковью —
Стою с моей печальной повестью
И слова её коверкаю.

Глаз не поднять на древо крестное,
Со всем, с чем об руку, — прощание...

И если бы не ты, воскресное
Пылание и обещание!..

1985

* * *

Не Ты ли волен, сделавший людей,
Стереть меня резинкой с площадей?

Не за Тобой ли, труся и стена,
Не поспеваю: не бросай меня?

Не Ты ль, на робкий зов придя как Гость,
Спросил меня спокойно и насквозь?

Не Ты ли? «Кто ты?» — знать не начала.
Но Ты коснулся моего чела,

И вот душа — а срез её слоён —
Качнулась на устоище своём

И клянчит: «Подбери и обогрей!»
И тут же: «Не сжигай меня огнём!»

И странен день о гибели Твоей,
Когда — живой — Ты слушаешь о нём.

Страстная 1984

* * *

«О лавра — и ни места кроме!» —
Сказал растроганный Иуда.
Кто припадал к потоку крови,
Всегда струящейся отсюда?

Всегда — не нарушая чина
И не приподымая спуда...

*

И, может, мы — и есть причина
Руин семнадцатого года?

Сентябрь 1985

* * *

...Но полон и праздничен каждый миг,
Но к цели неведомой — каждый шаг.
Куда, скажи мне, придём, душа,
Путем, который солону книг

Несёт, как Нил, на своём горбе? —
Поля и нивы приносят плод!
И разве трусит в своей судьбе
Тот, кто по воле её берёт?

1985

* * *

На временах горит рубаха,
И стыки образуют нас.
Над стадом, сбившимся от страха,
Господствует закатный глаз.

И Другу, с Кем неразделённо
Мы по одной идём тропе,
Бездумно я кладу поклоны
В меня не знающей толпе.

Мне страшно, Господи, и дико,
Как будто всё мертво во мне.
Куда зовёшь меня, Владыко,
Что о Кресте откроешь мне?

...В стране, где перестать недолго,
Где киснет, а не льётся кровь, —
Я разыграла пальцем долга
Свою великую любовь.

Ужели завтра воскресенье?
Ужели в мире больше нет
Ушей, чтоб слышать про спасенья,
И глаз, чтоб видеть вечный свет?

Смерть на беседе и на теле,
И я чешу её власы.
И Солнце над долиной тени
Читает Царские Часы.

*

...Когда оступается в страхе плоть,
Разбойники уксус пьют,
И в окна храма глядит Господь
На то, как Ему поют.

Я страх обрела, опознала грех
И страшную благодать,
И только любви, что Себя за всех,
Сердцем не угадать.

И я напрасно вяжу платок
И рот окунаю в мёд:
Тела и Крови Твоих кипятков
В суд мне, пока Ты мёртв.

*

В путь?.. Но с которого вокзала,
И в час которого утра?
Христе, — я знаков не связала,
А Ты — Тебе уже пора...

О снимок сверху моментальный!
Вон там — окно моё и дом.
Ты сходишь, защищён лишь тайной,
В бескрайний и враждебный дол.

Они себе возьмут одежду
И разорвут на лоскуты...
Когда вели Тебя, Надежду,
Я вспомнила, что это Ты.

И я, давно ослабнув духом —
И глаз давно у сердца нет, —
Едва услышала над ухом
Твой ускользящий привет.

Мария, сонмище, Иуда —
Всё где-то далеко стряслось,
И только знаменье да чудо
До нашей веси донеслось.

И черен был, и сплющен день мой,
И было сказано — *молчи*
Зарницей нечленораздельной
Да длинным облаком в ночи.

*

Как в сердце жир, как в горле кость —
То, что могло вести.
Ужель и мы пройдем насквозь,
О Господи Христе?

Не те, что кажутся, грехи,
Нет истины в судьбе.
Мы к речи Ангела глухи, —
А тянемся к Тебе...

И пьем из раны под ребром,
И строим на крови...
Отриновенным серебром
Ещё не назови.

Ещё беспамятство пройдёт,
Отчистится нагар,
И Магдалина припадёт
К израненным ногам.

1984

Заключение

Что смотришь незнакомцем, друже?
Что осекаешься, пиит?
Глубоким вздохом безвоздушья
Над миром Пятница стоит.

Ты скажешь: долго ль ждать Субботы?
Она настанет точно в срок —
Уже пасхальные заботы
Нам разжимают кошелёк;

Уж полдень минул, не сутулься,
Не горбись, не твоя вина...

*

И, страшным выпадением пульса,
Повиснет в доме тишина.

1986–1995

* * *

За отрогами воли,
Но не там и не здесь,
Есть в далёкой юдоли
О пришествии весть.

Есть негромкое дело:
Если прямо идти,
Переводится тело
На иные пути.

Вот и холм мой намётан,
Вот и лодка плывёт...
Трижды плачет над мёртвым,
Трижды друга зовёт.

Что нам мир полустёртый,
В нищих мы ли не знать?!

*

А окликну в четвёртый —
Будет некуда звать.

1984

* * *

Там никому никто не рад.
Ну — были б живы.
Там, пряча взгляд, уходит брат
В пути чужие.

Луч на челе, у ног тропа,
На древке знамя...
Мне что — темна я и глупа,
Судеб не знаю.

Там путь срезают сапоги
Сквозь души наши.
Там «клерикальные круги»
Сдвигают чаши.

Там дел зарница круговых,
Там леший бродит...
И лишь кивнем друг другу мы,
Как нас уводят.

1984

ИЗ ЦИКЛА «РЕКВИЕМ»

Баллада о верхнем свете

Мы бедно с душою жили,
И голос был верхний свет:
«Не льстись на души чужие,
Тебе до них дела нет».

Но в синий декабрьский вечер
Трёх первых его декад
Я честно пытала встречи,
Мой дух был чужому рад.

Два брата моих, два друга...
За годы слепых начал
Меня наградили — руки
На самом краю плеча,

Ночные — до света — рифмы
(А может быть — два врага?)...
Мы пили белые вина,
На Невском мела пурга.

Я честно спала с улыбкой,
Всходила к ним на порог,
Нырляла счастливой рыбкой
В роскошество их даров.

И, словно обряд свершая,
Три раза встала Нева,
И я, обет нарушая,
Дала им мои Слова, —

Но как-то в гостях, оставшись
Одна, в тишине — в огне —
Я голос услышала страшный,
Который звучал во мне,

Который входил не в уши,
Не мучая, не грозя:
«Не льстись на чужие души —
Не то, не твоё, нельзя.

Тебе ли менять уклады
Судеб, — не пытайся, прах.
Отныне пойдут разлады,
Предательства, горечь, страх».

И тягостно мне отныне
Меж ними — и как найду
Отвагу — опять в пустыню?! —
Уверовать? Не в бреду

Я слышала — без нажима,
Легчайшее, словно свет:
«Не льстись на души чужие,
Тебе до них дела нет».

1981

* * *

Задуманный как кустодия
На гроб, — вонзился, как бемоль
Близ ноты; а не отойди я, —
Уж он наверно был бы мой,

А так — контузило легонько,
Отбросило взрывной волной...
Давно остыли те уголья,
Но память и теперь со мной;

Как выгоревшую глазницу,
С собою я её ношу,
И обгоревшую страницу
Вовеки не перепишу,

140

И буду вздрагивать до века,
Влюблённой памятью храня
Невыжившего человека,
Который выстрелил в меня;

И в кровь проникшую отраву,
И пустоты предсмертный гул,
И ту, последнюю заставу,
Где Бог мне руку протянул.

1981

* * *

*О, несмысленные Галаты!..
Удивляюсь, что вы... так скоро
переходите к иному благовествованию.
Гал., 3:1, 1:6*

*Носите бремена друг друга,
и таким образом исполните закон.
Гал., 6:2*

Открой Послание к Галатам,
Открыла? — Я сказала: «Да».
О миг согласия галактик
Пред разлетаньем навсегда!

Не жду, что мы ещё столкнёмся,
Старинный брат, лукавый враг,
И друг для друга разомкнёмся,
И вывесим сожжённый флаг.

141

Не жду, не чаю иновстречи
За облаками... Но пока
Невразумительные речи
На небе держат облака.

1985

* * *

Не под звездой, но внутри звезды,
Как в ягоде, питаюсь плотью света...

*

Как нищий у купели Вифезды,
Хотевший — то, а получивший — это.

Минувшей жизни отгорчивший день
Я вспоминаю лишь случайной ночью,
Как в пустоте мятущуюся тень,
Как ягоду раскушенную, волчью.

Среди кустов разреженных, глухих
Всё виделось и чётче, и жесточе,
И горечью пророчествовал стих,
Перед звездой в разрывах туч пророча, —

Но не вернусь к тому разрыву жил
И жизни, к этим сумеркам пустынным,
От сдвоенной звезды моей — к чужим,
От жара несжигающего — к стылым

Преддвериям, предскорбьям — без ТЕБЯ.
И ты ли упрекнёшь, что, мол, когда-то,
Звезду в разрывах, бледную, любя,
Я не тобой, любовь, была богата?

142

Мы многого хотели от звезды —
Но Бог сошёл в пределы Вифезды,
Где Ангел вовсе сбился с ног, не зная,
Как быть — на всех, кого спасти не мог...

*

Оглянемся теперь за тот порог.

*

Пуста купальня — зимняя, сквозная.

1987–1988

* * *

В плену эфемерид — незримых тел,
Амёб стеклянных, реющих огней, —
Стоящих как плотва в теченье лет,
Рождающих в душе мгновенный гнев,

Мгновенный хмель, бесцельную тоску
И охлест жгучей боли по виску, —

В плену медуз, что в веществе времён
Не имут ни значенья, ни имён, —

Мы движемся в надменной слепоте
К невидимой дымящейся черте,

И ни Господь, ни друг, ни брат, ни мать
Нас не способны боле удержать.

1992

Возле Британского музея

143

* * *

Где стихи? — Ушли в Зазеркалье.
Где друзья? — Ушли в Засмертелье,
Зауслышье, Заусеничье...
Вы, живые, молчите, что ли,
Всё равно ваша речь — молчанье.

1990

ИЗ КНИГИ «МИХАЙЛОВСКИЙ ЗАМОК»

* * *

Рассветный, мёрзлый, алый час.
Клубится заострённый Спас.
В древесный низкий свод ворот
Луна-чудовище плывёт.

Се день, когда осела взвесь:
Я не хочу того, что здесь.
На дело жизни и любви —
Спас на крови, благослови!

Я родилась, чтоб быть и знать.
Нагнулся Бог, чтоб мир поднять, —
Вот вся история! Вполне
Она вмещается во мне:

Я — дивозритель и солдат,
И я — слепой, бредущий в ад.
Я — Божье «да». Я — след огня...
Скажи им, Боже, за меня!

5 февраля 1985

Суббота

...Прошу — в ноябрь меня впусти...
1981

В глуби миров, на дне времён
Мой крепкий кров, мой склеп, мой дом.
Там окон нет, там холод лют —
И люди рядом не живут.
От тёмных толп, скосивших лоб, —
Душа, тебе нашёлся гроб.
От праздных и бесплодных мук, —
Душа, тебе нашёлся друг.
Что ж, я приемлю и его:
Здесь нет домов на одного...

*

Я родилась наверняка:
Пропел петух, прошли века,
И мой субботний страшный сон
Сну века будет в унисон:
Час нежеланный, — он пробил!
Обнажены поля могил,
И кости плотью убрались.
Взгляни — не отвращаясь — вниз!
Прах на сандалиях отцов —
Бреду по полю мертвецов:
Ещё недолго — и домой...
И оскверняют День Седьмой
Труды и радости Шести
(В тоску — домой меня впусти!):
Ноябрь и День Седьмой — одно...
Пусти на мировое дно:
Сквозь ложь миров и мерзость лет
Туда ведёт горящий след,
И мёд с отцветших тех — Шести —
Не пить велят, — а вниз нести.

Одна, одна, одна из нас,
Я слышу — бьёт великий час,
И в жизни, где — одной ногой —
Мне мысли не дано другой
И дел не будет мне иных...

*

Со мною говорит Жених.

*

Ужасно спящее в горсти.
В субботу, Господи,пусти —
В Aeterna Lux, в каюту-дом...
Мой замок весь блистает льдом:
Мороз немилосердных звёзд
Дохнул своею правдой в нас.

Такой гнилой, алмазный пар!
Все духи стужи дали дар,
По башне выстроив в душе...

И наледь — на карандаше!

Все, кто в утробе снился мне,
Судьбою встретились вовне.
В подземье полуденной тьмы
О главном говорили мы, —
И, тьмы не проницая в нас,
Пылал нерукотворный Спас,
Смыкая, отвержая взор —
На тайной глупости позор,
На слабость, на лукавый миг,

На груды шестодневных книг...
Сподобившиеся венцов,
Отцы их спят в Краю Отцов, —

Но вскрыт Иосафатов дол,
И каждый жёлт, и каждый гол...

...Мне с веток — яблоч не трясти.
В субботу, Господи,пусти.
Ноябрь сменился декабрём.
И сказано: «НЕ ВСЕ УМРЁМ».

Зима 1985

* * *

*4.7. Для решения задач по обеспечению взаимодействия
ОСАНТИ большая работа проделана в местном ЦНТИ,
в котором в интересах всей САНТИ было произведено 0...
Обрывок документа, найденного на полу
в Мальтийской зале Михайловского замка,
где в то время располагался отдел ЦНТИ*

Всю зиму дул морской ветер.

Человек оборачивал к западу
Мягкое, запачканное лицо,
И ветер высекал из него слёзы,
И газеты крутились высоко над камнями.

Ветер с моря дует всегда,
Ровный и сильный.
Взгляду всегда есть куда обернуться,
Чтобы столкнуться своим слабым лучом

С ослепительным блеском кладбищенского креста,
Отразившего властное слово солнца.

Но:

С поздней весною,
Пройдя через дни обмана и страха,
Я отвернулась от креста и ветра,
Жаркое заспанное лицо
Подняла с подушки,
Шагнула в безветренную ловушку:
Груды мусора
Неподвижно скапливались в подворотнях,
И реяла тонкая сажа.
Казалось, — я заблудилась
В замкнутом восьмиугольнике Инженерного Замка,
И не найти мне, скитаясь между тупых углов,
Чернокопийных створок ворот чугунных...

Облака оцепили тускнеющий город,
Встали дозором над всеми его восемью углами,
Дышат морским ветром,
Ключьями садятся на железную рухлядь крыши,
Безымянно проходят в глубинах сердца,
Тело пронизывают в виде слов и мыслей,
Вниз и вглубь уходя, — но не покидая,
Никогда навечно не покидая...

Сентябрь—ноябрь 1984

Зима Телемана

...Пока я говорю «Россия»
И поминаю имена, —
Освобождающие силы
Разоблачают времена!

И центробежное движенье,
На минус множа смысл земной
Не пред лицом уничтоженья,
Но яви полной — и иной,

Пред Морем поставляет сушу
С плодами Дней её Шести...
И тот ли, кто спасает душу,
Её надеется спасти?

Январь — ноябрь 1985

* * *

Принципов белый огонь,
От себя уводящий...

Никогда ты не будешь собою
В ежедневном усилии мысли,
Не сдаваясь без боя,
Не собой из него выходя.

Стихотворство —
Плоские холмы над облаками:
Там, в зеркалах плато,
Отражается Путь...

Может быть, мысли горам и подобны,
Горным странам (то вверх, то вниз), —
Не достигающим даже до облаков, однако...

* * *

Театр этих зданий — как колода
Таро: попав, не выбраться вовек.
Прощай, свобода! Погоди, свобода:
Я отрещусь от раскрещённых рек,

От мрачных ликов этих властных башен,
Луны в восьмиугольнике двора,
Поголодаю без столовских брашен
И разорву свои договора,

Зане они подписаны не кровью,
А слякотью ночью и в бреду...
Как облако, всплыву в лазурь, и бровью,
И бровью, говорю, не поведу, —

И небосвод Эллады и Персиды
Меня примет в отчий океан,
Послушать, как зияют аониды
В эфире, что лучами осиян,

Как ураганы пред Иерусалимом
Колена преклоняют и песок
Целуют;
И, полуднем осолима,
Лежит земля, и свод над ней высок;

И вот душа, освобождаясь, эпохи
Перстом перелистнёт и с высоты
Увидит, как бангорские монахи
В хазарский Киев идут со кресты¹, —

И что мне мрачный север предпоследних
Времён, и что мне Тартар неродной,
Когда жужжат аттические слепни
Над Цинтией моей переводной?

¹ Некоторые считают, что первыми христианство в Киев принесли ирландцы-миссионеры из знаменитого Бангорского монастыря (а от них преемственность уходит в ещё большую глубь времён, к сирийским отшельникам).

Но затоскую и под небосводом
По шпилям, что кружатся при луне
Безмолвным тароватым хороводом,
По тайной речи, слышной только мне,

Её категорическому камню,
Иным мирам, дрейфующим во мгле,
Как мрачные суда, — и се, эклогу
Как парус развернув, скажу земле:

«Прощай, зане судьбы не переправишь,
В театре стен не перепишешь роль,
И след, что ты в восьми углах оставишь,
Вовек ничей, не превратится в ноль».

1991

* * *

Кто ночью не просыпался,
И кто не рождён на свет?
Недоуменье Пасхи —
Третья из этих бед.

Оттаивающее сердце
Погонит — сперва с трудом —
Кровь — в затёкшее смертью
И скованное льдом...

Ждать и хотеть — опасно
От праздничного куска.
Не грубая радость — Пасха,
А даже сперва — тоска.

В какой-то глуби безмерной,
За каменною горой...
И совесть воскреснет — первой,
И трезвость — за ней — второй.

И час протомит за часом,
Пока взметнутся, плеща,
Складки дождя над Спасом
И ливни Его плаща.

Светлая пятница 1985

Леса на Храме Воскресения

Чудо — в самой сердцевине
Града. Плоскостей скрещёнье.
Храм, выкрещивайся тесно
Из лесов твоих, сращённых
С бестелесным Камнем Тела,
Где оплаканы по чину
Все дощатые, с лучиной,
Рериховы-на-посадах...

Чудо — в замерших каскадах
Времени судеб. На льдистых
Ветках-тропках Сада Судеб, —
На крестах промёрзших досок,
Меж громадин, где в сосудах
Борются два пленных смысла —
Оба — с грамотой царёвой,
Оба — на крови невинной...²

² Михайловский замок убитого Павла смотрит через парк на купола
Спаса на крови.

Чудо — в самой сердцевине
Двух скрестившихся объёмов,
Что вербуют проходящих
Прямо на тропинках сада...
В инее стоим, и кожа
Чует, как скрещенье досок,
Бдительный сквозняк опеки...
Но — не им мы.
И вовеки
Сохранит нас камень прочный,
Купол вечный...

И выкрещивается из млечной
Пелены дощатой, тьмы опричной
Тело Храма, словно нисхождение
Будущего в прошлое, — не ждали
Снятия лесов, а совершится, —
Не когда-то, а вот-вот. Крошится
Ткань времён, как в инее, —
Две плёнки
Наезжают друг на друга плавно,
И объёмным восстаёт из праха
Тело Храма в сердцевине плена,
Словно в мёртвой плоскости запаха
Мехового — вздрогнувшее сердце,
Вещее и сущее в двух планах...

Чудо — на скрещении трёх плоских
Восьмистрочных строф геометричных,
В голографии, — так на обоях,
Ежели скосить глаза, рисунок
Выступает, как рельеф: просунуть
Руку можно между ним и стенкой,

Кажется... Протискивайся тесно,
Инобытие, в рисунок косный,
В камень крестный!

И тогда, наверное, свершится
В мякоти реальности бескостной
Нечто, и на шаг простой и грозный
Наконец История решится —

В мути Сада, снежной и беззвёздной.

1985

* * *

Видно, многие умерли за меня,
Что за всех живу я в городе этом,
Что живёт за все города —
И, библейским небом и светом
Разрежая свою осязаемую тьму,
Возвращается обессилев к себе самому
Навсегда свободным, воспетым...

...Он идёт с Двенадцатью в каменном полукруге,
Называя имя своё, подставляя руки,
Поднимая лицо, как те поднимают лица...
Неужели, о Граде, мне умереть в разлуке —
Не дождавшись, пока земля загорится
И любимые зданья — болты в строенье времён —
Не сомкнут со мною глаза, опалив ресницы,
В час, когда над Спасом пасхальный призрачный звон
Грохот взрывов покроеет — и Рыба взлетит, как птица,
Предстоять за тебя у белого Трона Суда,
Как и ты предстоял на земле — за все города?..

1985

* * *

Мир более не будет молод.
Но что нам дадено — сегодня?
Стихии, пронизая город,
Вещают праздники Господни.

Столпами славы — в мусть бесславья
И памяти — в край забвенья
Дни торжествуют, как посланья,
Друг другу отрывая зренья!

И если я ещё не с теми,
Кто множит очи — и не видит,
То дай и мне, как сущей в теле,
То дай уразуметь, — что выйдет?

И если я ещё не с теми,
Кто множит уши — и не знает, —
То разреши покой и темень:
Услышать и увидеть знаки:

На месте скушном и застылом,
Где кулаки сердец разжаты,
Мир — разворачивает силы,
Как радуги за гаражами,

И к игу близится, — страшнее
Которого душа не знает;
Весь мир, единый и грошовый,
Как кровь, от сердца отступает —

Тогда на дне зарница блещет,
И зарождается движенье,
И В БРЫЗГАХ ДЕРЕВО ТРЕПЕЩЁТ,
ПРЕДЧУВСТВУЯ ПРЕОБРАЖЕНЬЕ.

Зима 1984–1985

* * *

Раскрыть бы тонкое значенье,
Постигнуть тайное вожденье!
Не восхожденье — обрученье.
Как обрученье — восхожденье.

Так мы взошли — рука об руку —
На крышу Замка, как на крышу
Истории. — Я помню, слышу:
Путь в мире для двоих — разлука.

Но в этом мире от рожденья
К закату мы вершим течение —
В разрыв гармоний! — Восхожденье
Лишь раз пришлось на Обрученье,

И — врозь пути! Смотри — отныне
Река всё ширится меж нами,
И не перелететь гордыне
За чёрное, над бездной, пламя,

За страшное предупрежденье...
В глубь стран уходим. Так — ведётся.
Но, Обрученье, Восхожденье,
Кто знал, что выбирать придётся?!

Кто ждёт, поведайте, пожара,
Когда над судьбами свеченье?
Я сочетала б — Обрученье
И Восхожденье! — и держава

Моя была бы... Хлад с разженьем
Скрестить бы — пусть стерпев мученье!..
Но сердце бдит — о Восхожденье
От Восхожденья с Обрученьем...

1985

* * *

Пока иду земными судьбами
Гигантским городом смеркающимся, —
Звезда небесная — остуда мне,
Не иночествующей, не отрекающейся.

Звезда!

Последнее прибежище, —
Как Ангел нежный, источающая
Любовь и отчужденье, — сдерживающая
Мое стремленье и венчающая, —

Одна, над меркнувшими стогнами,
Одна — над каждым днём и зданием...
С тобою нет во мне — Истории,
С движением и обладанием —

На Воскресение прощёное
В глубинах алтаря рождающаяся!
Как Ангел, внутрь обращённая,
В самом участии — чуждающаяся...

Все руки у меня обрублены,
Которые к тебе — тянула я!
Все души у меня обуглены,
Которыми тебя — манила я!

А ты — всё там же!
Не завещано ль
Смирить — смутить — прижечь?
Как золото,
Сияй, любви необещанная,
На синих хрусталях изогнутых!

Не ведай про моё борение!
...Покуда ты стоишь над Вечностью —
Мне в боль, и в стыд, и во смирение
Пути земные человеческие:

Как мне вершить труды и пахоты,
И как мне воздавать обидающим
Под вечно широко распахнутым
Оком — и грезящим, и видящим?

Где хоры тайные и контуры
И круг миров пришёл в движение...
...Но, в мужественном унижении,
Мне должно трогаться — накатанным

Путём, где нету милосердия,
Чтоб не видеть тебя... — Ни здания,
Ни дня, что о тебе не сведали бы,
Не распинались — обладанию...

ИЗ КНИГИ «ДОМ ТОРГОМА»

* * *

Армения глядит из глубины,
Из ночи Апокалипсиса смотрит.
Коснуться — провалиться в детский сон,
Вернуться в сотворённый мир — и время.

Неистолкованная ночь пророчеств!

Ни православной мягкой позолоты,
Ни многолюдных неводов обеден,
А ночь и пламя перед голою душой —
«Да» или «нет» должна она ответить.
Не в лузу шар вогнать, не влить эмаль в гнездо,
А «да» своё пустить в горящие пространства,
Откуда смотрят лики целых толп! —
В мозаику уложенных не нами.

На Камне Бытия, у той дороги,
Я сяду, терпеливо отвечая
Всем, кто бы рад заполучить ответы:
«Есть горы, и стихии, и разломы,
И камни, в коих запечатан Див —
От них чужим не откупиться словом.
Зачем стучать в палаты мудрецов,

Вступать в союзы наций не по Богу?
Зачем чужой акрополь воздвигать
На очарованной горе Гехарда?
Ещё нас позовут судить других
Из камня под звездой, из пламени ночного,
И мы, в гиматии святого Иоанна,
Босыми вступим на чужие камни,
И те обуглятся.
Откуда эта спесь
Всечеловечества? Откуда вам известно,
Что в Риме совершение путей,
Что в Византии сотворили время?
А вдруг вы — только стадо снежнорунных
Овец, пасомых жезлом золотым
На лакомых угожьях Ойкумены?

Вкруг камня-храма на горе высокой,
Остроконечного, с остроконечным солнцем
Внутри...

Там век живёт один монах,
И ничего не знает, что бывает,
И путает, когда, каким собором
И сколько выпустили с башни голубей.
И точкою себя он не наносит
На контурные карты стран и лет,
А лишь проходит от Христа к Христу,
Как из очей во очи взгляд, — и мир минует,
И светится потир полуприкрытый
В белёной горней горнице его...»

* * *

...Не об одном, не об одном ли?
О так — оно одно и есть:
Тебе — печальная неволя,
Мне — с воли веющая весть...
Так Нерсес, сплюнув ком последний,
Противоядия не взял
И, как-то дослужив обедню
В селе далёком и глухом,
Сказал:
«Я рад, я покидаю
Край беззаконный и немой
И ухожу в глухие дали, —
Но не в субботу, не зимой;
И вы того ж себе молитесь.
Ещё немало чёрных нитей
В канатах, что плетёте вы,

В канатах, что плетутся нами,
Что называют — временами.
И принимают их — как бы извне,
Дивясь и охая: „О горе мне!“
А сами их плетут — и вечно с тою, чёрной,
То влево, то наоборот кручёной...
И вот она с другой вползает стороны...
Но ведомо: из многих — в три обхвата
Сплетутся некогда три толстые каната:
Один — из белых сплошь, закрученных направо,
Другой — наоборот; и тяжела управа
Тем, кто двойную нить, не размышляя, плёл!
Все времена его растешутся на пол-
Времён — и прояснится для ума:
Они — он сам, и он растешется полма...
Но мой канат — обрублен.

И отныне

Мне места нет меж времена плетущими в пустыне
И в них живущими, как рыбы среди сетей.
Я ухожу несвязан в путь путей».

И в сказанном была такая вескость,
Что все запомнили, чему учил их Нерсес,
И как благословил он Дом Торгома,
Спокойно уходя из дома, —
И до сих пор глаза толпы за ним следят,
Всё расширяясь; с патриархом — яд,
Что подал царь ему, —
Как им велит любовь,
Дея из поколенья в поколенья
И комьями откашливая кровь.

Тбилиси

Павлин небесный
С горлом перерезанным,
В мягком огромном гнездилище гор!

Кровь твоя тёмная уже стекла,
Око отверстое — как из стекла.
Клюв — Метехи — голоса лишён,
Слух — пророчествами оглушён.
Цари кормили тебя из рук,
И к завершению близок круг.
Но фениксы у тебя в родне,
И симурги у тебя в родне,
А, значит, тебе не гореть в огне,
Как небо горит,
Не тонуть в волне.

И будешь ты лежать как живой,
Пока не прострелят затылок твой,
И радуга будет как встарь пестра
Вокруг хахульских очей пера,
И смерть не скрючит твоих когтей...
Где этот род выводит детей?
В каком ущелии падать ниц
Пред россыпью золотых яиц?

1987

* * *

Шестимерный эдемский свет меня озарит
И попробует меня на прочность, а я его —

На палящест, и тело моё сгорит,
А душа получит понятие — какво

В Санаины — от теремов, где пух из-под стрех,
В Шестимерном Раю — тому, кто застрял на трех,
Императору — на песках его Иудей,

Где, не в силах выдержать, он бежит и зовёт людей:

Разрывается в нём снаряд, и голос ему сулит,
И горит, как причастие, мак среди белых плит, —

Что, когда призовёшь меня снова, о взятый в плен
Лжеотцом моим; светом твоим спалён,
В прошлый раз я не мог шагнуть, теперь не встану с колен, —
Санаин, Одзун, Агарцин, Гехард, Сумгаит!

1987

ИЗ КНИГИ «ПЕРЕВОДЯ ТОЛКИНА»

* * *

Зима. Мочёная брусника.
Звезды злачёная ресница
На мокрой слякоти брусчатки.
Мы — выправляли опечатки.

Лёд грохотал в ту зиму в трубах.
И мы, пригубив пряный кубок,

Вдоль Крюкова в ночи бродили
И Толкина переводили.

Чтоб рукопись поспела в сроки,
Ты — в буром аглицком шлафроке,
Я — в плед укутавшись с ногами —
Кромсали текст, как оригами,

Среди промозглой, ноздреватой
Зимы, заткнувшей уши ватой, —
И чай друг другу доливали,
И Чёрный Кряж одолевали.

Пятная рукопись вареньем,
Мы ни полётом, ни пареньем
Пустых небес не поощряли —
И правкой тексты испещряли,

На большее не посягая
И постепенно постигая,
Что та зима без нас решалась,
Что с текстом жизнь перемешалась,

Как снег со слякотью дорожной;
Что на пути, во мгле творожной
Гора Судьбы разверзла жерло —
И пролились незримой жертвой,

Как в ящике стола — чернила,
Стихи, что я не сочинила;
Я их восстановить не чаю —
И той звезде препоручаю.

1989–1999

* * *

*Heart shall be bolder, harder be purpose,
More proud the spirit, as our power lessens...*
J. R. R. Tolkien. The Homecoming of Beorthnoth

*Тьма! Везде — тьма, и рок настиг нас!
...Но что там? Пламя
Горит в камине, и свет в окнах;
Сходятся люди из тьмы туманов,
Из мрака ночи, где ждёт гибель...
Воля, будь строже, знамя, рей выше,
Сердце, мужайся, — пусть сил всё меньше...*
Дж. Р. Р. Толкин. Возвращение Беортнота

Когда мы вылупились в зиму,
Вокруг стояло мирозданье.
Вослед зашторенному ЗИЛу
Неслось метельное зиянье.

И бес верстою наряжался,
И бдил, стоокий и столичный,
И Толкином распоряжался
Гребенщиков единолично.

Такой далёкой чистоты
С тех пор у ночи не бывало,
С тех пор на небе не стояло
Такой звезды,

Такой готовности к страданию...
И, словно к тайному заданию,
Мы примерялись к мирозданию,
Исследуя его зады.

О том — до пятаков на веки...
Во тьму туманов — как влюблённость...
Печально знать свою вовеки
Невовлечённость, отдалённость,

Не разбираться в горьких водках,
Не откровенничать вполпьяна,
Грустить в пиру, скучать на сходках
И жить у кромки океана,

Но пусть весь мир зайдётся в раже —
Стой, сердце, строже, стой на страже!
Что было в той поре былого,
Мы примем в слово,

Не дети, — а мужи и жёны...
И на заре, прихлынув, волны
Вернут нам это слово вольным,
Преображённым.

24 октября 2001

* * *

Я думаю, день, ты минул,
Успев осиять на миг
Любимых, что править миром
Могли бы, когда бы мир,

Устав, не спешил с развязкой,
Чтоб засветло кончить бал,
И лаской, а то и таской
Гостей за порог не гнал.

Закат! Возглашай, итожа.
Ты жарок, торжествен, ал.
В той книге о кольцах — тоже
Закатом прожжён финал.

Сгорает великолепье,
Глася: «Продолженья нет!» —
И падает на колени
Зелёный закатный свет.

А эльфы поют, как пели,
В хоромы за краем дня,
За Финской стеклом купели —
И льют канитель огня

Сквозь тучи, в багряный полог,
Провисший в расплав руды...
И, кажется, виден волок,
И днища на нём следы, —

Кто в золото океана
Надмирного, кто проник?
А дальше — разрез, как рана,
Расширившийся на миг,

И жидкие волны злата, —
Но солнце ушло за край.
Персона, как мы, нон грата —
Кто, смертный, допущен в рай?

О чём нам его окликнуть?
В молчанье уходит след,
Чтоб выветриться, изникнуть,
Поскольку дороги нет, —

И мы, опоздав к прощанью,
Берёмся за новый труд
В темнеющем полушарье,
За гребнем беззубых труб, —

Чтоб голос звучал за кадром,
Как лица свернутся в жгут:
За труд толмачей заката
На сумерки, что придут.

1985

ИЗ КНИГИ «ТАК ЗИМЕ УГОДНО ДЛИТЬСЯ»

Та зима

И дик и страшен день вчерашний,
И взвеси мглы над ним, и сыро...

*

За лесом возникают башни,
На каждой — треснувшая сфера...

И вдруг слова меня наполнят,
И словно жизнь меня обыдет:
Друзья мои меня не помнят —
Всё позабыто, позабыто.

И мгла колышется, слипаясь,
И уставляется беззрако.
И вижу я, не просыпаясь,
Над каждой башнею — по знаку,

Над каждой башнею — по ленте,
На ленте — имя золотое...
Но лес, подобящийся Лете,
Колелет марево густое —

И, ядовитыми парами
Вздых заворачивая вольный,
Я через лес бреду с дарами,
С бесценным даром благовоний...

Прими из рук моё дневное!
Вчерашний день и дик и страшен.
О возмужавший лес Эвной³,
Откройся мне с рассветных башен,

И помяни меня в дороге,
И дунь на лоб похолоделый, —
Когда с подарками Владыки
Я отойду в свои пределы...

Осень 1982

Парсифаль

Свобождайся же, день вчерашний,
Несмеющийся, оскудельный!
Я, бессильный сосуд, скудельный, —
Я ушла из надёжной Башни.

Я познала путём прощенья,
Я познала тропой обряда
Шестерней вековых вращенье,
Мирового изнанку лада,

³ Эвной — у Данте река, возвращающая память.

Подземелия вин в сосудах,
Низкосводия переплётных...
Я вчиталась в секстаны судна,
Я протёрлась среди добротных

Жерновов для размолы хлеба,
Я узрела леса на зданье —
И, далёко в прорехах неба,
Недвижимой звезды стоянье.

И — круглел уплощённый воздух,
И душа возвращалась в жилы.
В разведённые ткани мозга
Как песчинку звезду вложили —

Неживое в живую гущу! —
И живое не без опаски
Ощутило среди живущих
Различенье своей окраски.

Коль не знаешь, — откуда. Лучик —
Он вещей — не красноречивей...
Ощутило среди живущих
Различенье своей причины:

Перламутром сочась и желчью,
Мякоть плоти саднит и колет...
Ты растёшь ли, глубинный жемчуг,
В потаённых моих покоях?

Ты растёшь ли за лязгом башни,
В дальних лунках моих забвений?..
Я — покорный моллюск — я, бранный
Прах — покинула день вчерашний.

* * *

Я — покинула храм. Прости мне!
Я не знаю причин движенья!
Я познала путём усилья,
Послушанья и униженья

Сочленения труб скелета,
Провисание шлангов грузных,
Архимедовы диски света
И тяжёлое эхо кузни.

О подвалы вина в сосудах!
Скрип шарниров! — Душа в тревоге
Ощутила среди соседей
Отклоненье своей дороги, —

Но проход замурован камнем.
Я закрыта в изнанке зданья...
Монсальвата владыка!
Как мне

Вопросить про твоё страданье?

Но — коня мне выводят слуги,
И — поёт волна:
«Не усердствуй!
Прах и пепел — твои заслуги,
Неотёсанное сердце!»

И — покуда за камнем входа
Зреет жемчуг вина и хлеба, —
Я лесами, не зная брода,
Проношусь по земле без неба,

И путей моих непчатых
Осветить пред собою нечем...
Что мне знанье колёс зубчатых,
Схемы движителей вечных?

Что — горючих состав эссенций?

*

Стук копыт, и душа разъята.

*

И саднит, и лопочет сердце
О сокровище Монсальвата.

Петров пост 1983

Автобус

И не входили мы сюда —
В дом Навзикаи —
Из мглы, где капала вода,
А — возникали.

Из лиц сочился тусклый свет
Благоговенья,
И каждый брал себе билет,
Как откровенья.

Благословлённый, подходил
К прохладной коже,
В которой скрытый сок бродил
И ждал, похоже.

По окнам вкось текла вода,
Стал воздух тесен —
И шланги выросли тогда
Из спинок кресел.

Соединяясь с потолком,
Ветвились трубы.
О, что здесь мыслилось тайком,
Темно и грубо?

Живым покровом стал металл,
Слоились лица,
И в место человек вращал,
Как гриб — грибницей.

Всех выравнивал белесый сон,
И странно стало:
Качались люди в унисон,
И бормотало

Внизу, и взгляд из-под ресниц
Сочился туго
Людей, похожих и на птиц,
И друг на друга.

Наш дом обманывает нас!
Ты цел покуда —
Пока отравы не лилась
В трубу сосуда

Над головой твоей, — беги:
Ещё не поздно,
Покуда за окном круги
Огней — и воздух!

Когда по сгибу хрустнет дверь,
От чар и чада,
Согнувшись — вон! — и не поверь,
Пожми плечами:

«Я был из времени изъят
И мироздания.
Прошли века. Кругом стоят
Другие зданья!»

1979

* * *

Так зиме угодно длиться —
Ночью без лучей.
Вой ребёнка, лай девицы
Во дворе ночей.

Пустырями, пустырями,
НЕКИМ нанята,
Со своими фонарями
Ходит темнота.

Лампа, соглядатай века,
Брызжет над столом —
Освещает человека
С неживых сторон.

Расслабляют церебрально
От боязни мглы
Малодушные собранья,
Яркие углы...

Пусть уж свечки, пусть уж плошки!
Сразу там и тут
Люди выползут немножко,
Ноги разомнут.

174

Люди выйдут виноваты,
Воскурятся ароматы,
Мятый воздух полегчает,
Будет речь, какой не чают...

Ибо шарики золотые
В сердцевинах у голов.
Самосветом налитые
Люди — форточки богов!..

...Торопитесь. Торопитесь!
Вам защиты нет!
Возле сердца встанет витязь,
Вспыхнет *верхний* свет.

Лампа, соглядатай века,
Третий лишний встреч!
Тело втянет человека,
Осечётся речь.

Вавилонская жаровня,
Проклятый очаг...
Ах, прощай, прощай, желанный —
Тьма в твоих очах.

В каждом дальнем, в каждом встречном
Жалуешься — ты.
Все дороги белым светом
Так и залиты.

И не выслать, и не сведать,
Не напасть на след...
За кого ж пред *вышним светом*
Мне нести ответ?

175

Аль не помнишь? Али дышишь?
Аль в устах печать?
...Ах, желанный, если слышишь, —
Медли отвечать.

Зима 1982

ИЗ КНИГИ «СЕМИНАР»

Анима

Ты незакатный диск с повязкой на глазах,
А я к тебе подсолнечник любить,
Спиралью устремлённая лоза,
Сад можжевельный от «может быть»,

Осанник сосен, дебри от «удел»,
В несаженном лесу дупло без век,
Над голубичным полем без людей
Начальный ельничек по склону вверх:

Диск мутен, но моя любовь ясна —
Не к озеру и руки заломив,
Не о зиме, сосредоточась на... —
Когда над гребнем незакатный миф

Ещё горит и поджигает гладь
Распахнутых низин, — и мимо лжи
Хранит Твой получеловечий взгляд
Под чёрною повязкой для чужих.

23 января 1981

Страх смерти

...Когда отшумит многоточье,
Забытое перед строкой,
Когда я с бессильем покончу,
И с завистью, и с тоской, —

Луна мне припомнит невинный
Ночной разговор обо мне,
И луч её длинный и дивный,
И — как я смолчала луне

На то, что она обещала
В замену небытия,
Как с плоского небе вещала, —
И как не ответила я.

«За гранью животного страха,
За вечным ночным рубежом,
За смертью в подъезде, за плахой,
За пулей и за ножом,

За мнимой кончиною духа,
За смертью движения — свет.
Сиянье к неверию глухо.
Мя ждём тебя. Гибели нет».

Что слышала — не уцепиться.
Что видела — меньше, чем взгляд.
Когтистые серые птицы,
Как тучи, плывут в закат.

Задёрнуть бы шторы к ночи
От лиц на небе ночей!
...Когда отгремит многоточье
Событий моих и речей...

Апрель 1979

ИЗ РУДАКИ

Мир

Этот мир, подобный сну, познает
Тот, кто сердца своего — не смыкает.

Там зло прикидывается прахом!
Там горе прикидывается благом! —

Зачем спокойно сидишь на месте
Там, где ничто своих мест — не знает?

Личику лепестка ветер весенний — сладок.
Расцветающий лик прелестной для сердца — сладок.
Что о прошлом твердишь? — Этот рассказ нескладен.
Нынешний день — всуе не сетуй! — сладок!

Треугольник Фреге

Когда подсекают причины и корни,
То вещи — топольего пуха покорней:

И мчатся, и вьются в стремлении жадном...
Но есть хитреца в тяготенье наглядном:

Так слово в стихе, приглушая свеченье,
Себя выдаёт за скотинку значенья:

«Попалось!» — ан вместо добычи заветной
Пустяк простодушный, сосуд безответный...

Жив — синтаксис вихря. Фигура теченья.
И люди в контексте меняют значенья —

Чти: смыслы... Срывателя Стебля Причины
Глагол — не значенья! Не корень личины!

И путают Слово Взметателя Мира
С самим человеком, любимым — вне вира,

С самим человеком, любимым далёко,
За слёзным возвратом, за сердцем востока.

1983

* * *

И, выйдя из этого дома, я знала:
Я много сказала, я столько сказала,
Что там — повторят за глаза, что не в силах
Сдержаться, что я бы — не упустила,

Не преминула. Что это зло —
Непреднамеренно, друг — беспечен,
Что мясорубка сие жерло,
Что грех заушен, а толк запечен,

Что слух завьшен, что всё пошло
Куда-то вкривь и до Ада ажно,
И я забыла, где я и что,
И почему это было важно...

Друзья, наперсники и враги,
Зачем навет на прищур нанизан,
Зачем, схватившись за сапоги,
Всем телом тянем друг друга книзу, —

И Ты над градом, и Ты над полем, —
Зачем Ты, Небо, полы простёр?..

*

Обидой или свободой полон
Мой путь к метро сквозь ночной простор?

Зима 1983

К юбилею Пушкина

Великодушнее имени «Пушкин»
Нету на свете. Кем бы мы были,
Если б не он? Мы бы затхлым и скучным
Были народом. Кого б мы любили?

Только святых своих и комиссаров?
Вот переводчики б цены взвинтили!
Писарева? Благородных гусаров?
Золотоустых витий Византии?

Моцарт, повеса, болтун, щелкопёр, и —
Вдруг вместо кенара — ворон в вольере...
Нами бы правил шемякинский Пётр,
Жуткий Нечаев и мрачный Сальери.

Если бы Пушкина не было в мире, —
Мы на Державине бы продержались,
На Шакеспере, Дидроте, Омире.
Мы бы смирились, утихли, ужались.

Нам бы хватило духовного хлеба.
Мало ли смертных, с Пегасом летавших?
В вечной ночи нам светили бы с неба
Звёзды поэтов, ЕГО не читавших.

19 декабря 1999

Обращение к Регенсбургу

Погуляли под грецким орехом,
Погуляли по узкой тропинке
Посреди голубого Дуная,
Отразившего роспись заката.

Объясни ж мне твоё онеменье,
Двухконечный башенный город:
Где поэты твои и витии,
Где пророки твои и гуляки?

С ближних скал кто тебя озирает,
Вдохновенные вирши слагая?
Где неведомый новый Альтдорфер
И глазное яблоко солнца

На конце его пристальной кисти?
Хоть бы статую Барбароссы
Ты поставил, векам в назиданье, —
Был бы свой у тебя Медный всадник,

Командор, излучающий волю.
У тебя же, словно в насмешку,
Только статуя Дон Хуана
И смиренные наводнения,

Да и те лишь Дунай волнуют.
Объясни своё одичанье,
Ратисбона, Кастра Регина!
Хочешь, я подыщу тебе рифму

За границей порочного круга?
Я могла бы, — сама оттуда.
Что ж, в обозе у глупого века
Вольный город плестись не обязан.

Не обязан сидеть на диете,
Пережёвывая верлибры,
Пересыпанные прозой,
Штукатурить старые камни.

То, что просится в стих, — верлибром
Тяготится. Ни спеть, ни бросить.
А верлибры, вестимо, рады
И невзрачному ассонансу.

А когда ты взалкаешь рифмы, —
Вступят в дело незримые силы,
Лёгкой пеной, цветными шелками
Низойдут из закатного неба,

И с неслышным каменным скрипом
Паруса твои развернутся,
И взорвутся мины названий,
До того лежавшие смирно, —

Переулочек Святого Духа,
Вышний путь и мост Нибелунгов,
Герлих-штрассе — как кровь из горла,
Путь Поэтов, Тропа Терезы

И, закованный в безъязычье,
Переулочек Ханса Закса.
Площадь Синей Звезды — на Блока
Чем не рифма? — А на Гумилёва —

Красный Лев, тотем и название
Узкой улочки в самом сердце
Центра, купленного жизнью
Бургомистра. На лобном месте —

На Кожевенной. Не срифмуешь.
Но зато и не разбомбили.
А еврейское пепелище?
Раскопали — и закопали.

Век Реформы! — И бомб не надо.
И еврейской мудрости — тоже?
Зарифмуем с Санкт-Петербургским
Иудейским университетом.

А ключи Петра зарифмуем
С петербургскими якорями.
На гербе Петра — тоже рифма.
И замкнём круги отражений.

Я не знаю, в каком измеренье
Сберегается чаша Грааля,
Но в закате — прямая дорога
К мягкоблещущему Монсальвату.

Посреди голубого Дуная
Слишком скоро окончилась тропка.
Я уйду на старинные скалы —
Горевать и молиться о духе,

О движенье, огне, Пониманье,
О саднящем придании Смысла,
И, покуда в глубокой глазнице
Круговертится яблоко солнца, —

Белых римских улиточьих шлемов
Наберу себе полную сумку.

1997

* * *

Три звезды мне на сочельник,
Тёмный зал, библиотека.
На каких пересеченьях
Пляшет сердце человека?

Куполами из туманов,
Кормчими по хлябям мрака:
Рильке, Хлебников, Иванов —
Солнце мёртвых — в вихри праха,

Памяти — в края забвенья...
Так пируют, пожиная!

*

...Прежде, чем по первым звеньям
Я взобраться пожелаю.

184

Много прежде, чем избыто
Всё, с чем суждено прощанье...
Лишь от Скрывшего не скрыто,
Кто исполнит обещанья.

1982

Рафли

Над раскрашенной страницей,
Под коптящею лучиной
Боязно пошевелиться,
Страшно отступить от чина:

Как бы тайному гаданью
Не отместила злая меть:
Хворь — насыщенным годами,
Детям — пагуба и смерть.

Боязно не жить вопсылы:
За крыльцом безвидна ночь.
Там по мокрой древесине
С плёткой хаживает дождь.

Воду растирает в ступе,
Упреждает и грозит:
Кто от правила отступит —
Изгваздается в грязи.

Август заревен заплакан,
Навье в ставенки стучит...
Что, хозяйка? Кус-то лаком,
А распробуешь — горчит.

185

Отпусти меня на волю!
Я травы не потопчу!
...Путь горит во чистом поле
Вслед закатному лучу.

1983

ИЗ КНИГИ «РЫБА ВЕЛИКАЯ КИТ»

* * *

Уж на лесах осенняя порфира,
Прошла обедня, будет лития.
Я видел радугу на склоне мира
И понял всё веселье бытия.

Как дочь во чреве радуется осень.
С дождём во чреве для сырой земли,
Кренясь в закат. Своих собратьев рослых
Столпы небес приветствуют вдали.

Их дружество в веках не умирает,
Литой глагол не нарушает тишь.
Архистратиже! Недоумевает
И радуется тварь, когда почтишь

Вселенну посещением, и птицей,
Нет — облаком, летишь, как весть о том,
Что старый бой с поверженным Денницей
Закончен и остался за бортом, —

И думаешь: «Куда им нас разрушить,
Себя-то еле, — а с кольём, с багром...
Так мал их мир с окалиною рыжей,
И так державен пренебесный гром.

186

Пускай они заботятся о хлебе
И милостыню просят на крыльце...»
И, двигаясь, не двигается в небе,
Меняясь, не меняется в лице, —

Пока на вышних пажитях кармина
Кармил не взгромоздится и Фавор,
И ты, бесстрастен, в алое горнило
Не устремишь нечеловечий взор,

Где в средоточьи вышнего потира
Огня пресуществляется струя...

*

Уж на лесах осенняя порфира:
Прошла обедня, будет лития.

1988—1994

* * *

Открытие:

Раньше я не знала,
Что былое и настоящее — однородно.
Задержи настоящее и взгляни:
В головах у лучших людей —
Дыры или хозяйственные заботы,
И ни одна великая мысль,
Может статься, не засветит экрана.
А святой Серафим уже не попадёт в наши фильтры.
Но зато мы увидим воздух:
В нём — врага железная воля,
В нём — больной жужжанье злобы,
Трупы душ по нему сплавляют...
Только недра храма
Будут светиться полнотою солнца,
Если это будет минута Пресуществленья.

1985

187

* * *

Эти земли — наши владенья,
Наша память — царская власть.
С этими душами до рождения
Мы сговорились встретиться здесь.

Если целые горы праха
Не сломали Рыбе⁴ хребта,
Нет ни рабства уже, ни страха
И яснее слова Креста.

Мы — твоя чешуя, о Рыба,
В водах праха — благая весть.
Это наши владенья, ибо
Наше дело — главное здесь.

...Но затем и пришли,
Чтобы испробовать этого снадобья —
Настоять горький берёзовый лист
С бурым жиром заводов,
Полюбить эти лица соседей по лестничной площадке,
С кем что ни день встречаешься в лифте,
Залпом выпить хотя бы один глоток
Заурядной жизни
С тёмным грехом на дне
И звёздами наверху,
Позавидовать тем,
Кто нас на пути не встретил,
Посочувствовать тем,
Кто узнал нас слишком близко, —
Омочить ладони
В Реке Грехопаденья,

⁴ Рыба как один из традиционных христианских символов.

Разводящей и разлучающей,
Говорящей тем, кто идёт друг другу навстречу:
«Посторонитесь:
Это я меж вами плыву».

1984

* * *

Там руки воздевает лес
И знать не знает про дома.
Под ангельским лицом небес
Ты слеп — иль свят — иль без ума.

Над ангельским полком небес
Царя, царит Она сама,
Спускаясь в Области Словес
И — раскрывая закрома.

Вставай и жди, вставай и будь.
Проси, как лес, пуститься в путь.

1985

* * *

Чего-то одного непониманья
Тяжёлый фон — опознанный едва.
И всё — и уничтожены деянья.
И всё — и опозорены слова.

И ты, Собор, что яхонтом зашит
В тряпицу утра, города и года, —
Тяжёлой силой, как рукой уroda,
Отодвигаем от моей души, —

Твоей — люблю! — но не умею жить.
Благослови же мой последний ужас,
Когда, от крика тайного натужась,
Уроду — не Тебе — боюсь служить.

1983

* * *

Сколько неназванного
На путях земли,
Да и сами они не названы — эти пути.
Жарко дышит неназванное
В спину мне,
Обдаёт горячим дыханием моё лицо.
То ли это демон коснулся меня,
То ли подул ветерок,
То ли грех прабабки сердце скрутил в комок,
То ли жирная пашня крови, приемля Господень плуг,
Содрогается, раздвигая вековые пласты?
И дымится причастие в лжице,
И дарит мне луковицу святой,
Это сон, но сон или явь верней — не ведаю я,
И скажи, скажи, о том ли Слово Твоё,
И скажи, как узнать Его — называющее весь мир?
А и, может, не всё ещё названо по именам?
Бессловесное корчится на огне Твоих глаз, о Новый Адам,
Остаётся горсточка пепла, да птичий скелет,
Да свобода в груди,
Да хворост будущих лет.

1992

* * *

Продёрнула весну
В ушко двора.
В моё ушко
Проделась нить ребёнка.

190

Проделась — я
В ушко игольной жизни,
И в ткань вернуться мне не стало сил:
Лишь за иглой, чей путь не выбираю,
Я проникаю в ткань и обагряю
Узор,
Но исчезаю с лицевой,
И никакою не купить ценой
Былого места меж волокон льна —
Ткань мира расступиться не вольна;
А ведь ещё вчера я к ней принадлежала...

*

Продень же вместе с тканью нить мою
В ушко Твоей ежевоскресной Чаши,
Чтоб мир Твой и стежки разрозненные наши
Слились в простую вышивку Твою.

1988–1989

* * *

Никольский собор
Смирною властью
Покрывает город.
Все тела вытягиваются
И колеблются,
Как водоросли в озере.
И, когда волна докатывается до меня,
Остается три:
Башня собора,
Открывающаяся вглубь Икона
И одна пылинка,
Вспыхивающая
На скрещении трёх лучей.

1985

191

* * *

И молча обескрещенная церковь
Глаголет луковицами куполов:
«ГОРЕ ИМЕЕМ СЕРДЦА,
ВОЗНЕСЁМСЯ МЫСЛЕЮ К НЕБУ...»
...Ты, о мати всемирная ecclesia!
Мы не одни —
Будем же граждане государства,
Рассеянного во временах и народах,
Заслоним же, сомкнувшись, собою Тебя
В ночь горы Елеонской
(Пётр, Пётр, Я уже это слышал!) —

Встанем вдвоём, впятером, всемером у Диска
Против мира стотысячных бесконечных кварталов —
Звать оттуда чужих и близких,
Укрепляться, переполняться и воплощаться
Против слабнущего, гаснущего океана...

Пусть мы покажемся тем, кто смотрит оттуда,
Церковью с пятью — или семью куполами,
За которою заходящее солнце восходит,
Солнце восходит...

ГОРЕ ИМЕЕМ СЕРДЦА...

1986–1987

* * *

Мы выстаиваем среди чёрных волн,
Обратившись к светлым колодцам Духа
Глубоко,
Глубоко
Внутрь.

192

Церковь чудом выстаивает.
гонимый Египет
укрылся у алтаря,
гонимые элины
встали в притворе,
гонимые рифмы
воскурились у алтаря,
гонители поклонились.

1988

* * *

Люди забудут —
Что ж,
Настанет очередь Неба:
Слабыми облаками напишет лик Херувимов,
Птиц и ангелов,
Летящих к Холму Заката,
Суд и Ангелов напишет древнею вапой,
Движимую икону Преображенья...

Сентябрь 1988

ИЗ КНИГИ «МУЗА ПЛАЧА»

Муза Плача

Ты Муза Плача, Ты — вот кто,
Ты — Муза сиротств и предвестий,
Ты — Муза моей правоты,
Ибо неправ счастливый.

193

Вот отчего ты молчишь
Так изнурительно долго
И не подаёшь вестей.
Ты — муза разбитых мною кувшинов,
Оставленных на дороге;
Ты над вечной струей
Вечно печальна сидишь.

1990

* * *

Благодарю, Господи, за ночные ключи стихов,
И за кромку леса в окне,

И за Ченстоховские напевы, и за берега Эйре,
И за крик ирландских чаек в моём декабре,

И за теперешние мысли, когда отходить ко сну,
И за ребёнка, который ищет в окне луну,

И за память о друге, который жив, но убит,
И за неведомое завтра — на кромке его разбит

Мой шатёр кочевника, кочующего во временах...
Благодарю, что одел, накормил и держишь на раменах,

Но страшней и слаще простой приборой облаков
У скалистых окраин земных веков

Для души моей, нежели день со днём,
И боюсь, что дело моё сгорит огнём,

Как построенное на песке, и суров Твой взгляд,
Не пуская, о, не пуская меня назад.

1990—1993

* * *

Когда цветут орфей и эвридика,
Когда горит за рощами заря,
В таинственных лесах Твоих, Владыка,
Душа блуждает без поводыря,

За соловьём стремя слепые очи
И отражая рыжий месяц в них, —
И много скрыто в дебрях белой ночи
Обителей для избранных Твоих.

Июнь 1993

* * *

Дни разлуки с Тобою —
Дни встречи с вещами:
Глажу их по головкам,
Плачу и обнимаюсь.

Без единого слова они отступают в тень
Первым веяньем Ветра.

А стихи мои, кто вы?
Если — одна из вещей,
Буду оплакивать вас паче жизни,
Но однажды расстанусь;

Если же — веянье Ветра, —
Будьте когда хотите,
Ибо веет где хочет
Вольный Ветер.

1988

Век ли мне вопрошать, не выслушивая ответа,
 Налагая на голос разума — вето?
 Пустоты выносить придирки, её попытки
 Заполнять себя моею виною? Искать подпитки
 У неё же, прикидывающейся щедрой,
 Приспускаяющей шаль с плеча, чтоб казаться Федрой?
 Надоели мне эти сплетни, придирки, шашни,
 Неспособный окончиться завтрашним день вчерашний,
 Всё из прошлого тянущий старые сопли, вещи,
 Отношения, спутанные в зловещий
 Узел, склеенный прочной слюною чёрта,
 Не имеющей на земле аналогов; ночью чёрной,
 У забора, у вод канала, под тенью Спаса,
 Век ли мне сознать — такова специфика часа,
 Разливанная формула здешней души, втихаря ревнивой,
 Но идущей на всё; как жаворонок над нивой,
 Распевает она, сирена, в глуши болота
 И велит мне ждать — не случится ль ещё чего-то?
 То ли дождь золотой, как прежде, в закат прольётся?
 То ли враг с мировой придёт? То ли друг вернётся?
 То ли знаки дня обернутся господней фразой?
 ...Пролети над этим лесом, душа, над овощебазой,
 Над каналом, храмом и кладбищем с черепами,
 Где у каждого третий глаз; невидимыми стопами —
 Словно здесь ещё не случилось всего, что можно! —
 Прoberись к ней в блиндаж, оглядываясь тревожно,
 Отыщи там зайца, в зайце — яйцо, в яйце — передатчик,
 Переставь там внутри какой-нибудь проводочек —
 Пусть вещает на Галлию, Дакию: их забота!..
 И тогда — свобода, слышишь? Приём! Свобода!

1994–1995

1

Вся сгорбленная, старая, сырая,
 Лев на клюке как ворон окрылён, —
 Венеция, подол не подбирая,
 Идёт-бредёт из мира в океан.

И брат её, Петрополь, не в убытке:
 Сквозь шпиль в небо впрыскиваем он,
 Пока ему фабричные ублюдки
 Заламывают руки с двух сторон.

18 ноября 2001

2

Камень тоже может в глазах поплыть,
 А вода — на луну завить.
 Нет, Венеции просто не может быть,
 Да и Рима не может быть.

Колизея, где нас вели на убой
 И который не грех бы срыть...
 Да, если по чести, и нас с тобой
 Также не может быть.

И соседей напротив не может быть,
 И ключа у меня в плаще, —
 Ничего на свете не может быть,
 То есть ничего вообще.

И вотще предметов смешная спесь,
Если нет в бездорожье вех,
Но если всё почему-то есть,
Есть нечто ещё и сверх.

И даже не Китеж, не Зурбаган,
А то самое *почему*, —
В мёрзлых соснах мартовский ураган
В не-сезон, в не-своём чину,

И какое-то «но», и совпавший знак,
И открывшийся в Книге стих,
И, в полоску, не ждущий беды шезлонг
У развёрстых пучин морских.

18 декабря 2001

Элисенваара

Дача шестого года.
Две книги — в наличье:
«Справочник садовода»,
Талмуд электричек.

В крестиках план сада.
Бесовская тайна.
Анис полосатый,
Бельфлёр-китайка.

Гусеницы без ножек,
Иллюстрации в красках.
У садовых ножниц
На жгутиках рачьи глазки.

Карманный словарь
Нечистой силы!
...Расписание гласило:
«ЭЛИСЕНВААРА».

Небесная просинь,
Спугивающая нежить!
Так — в расщелинах просек
Сияние брезжит.

Так — буквы лепечут,
Заклиная кошмары:
Лосево, Мюллепельто,
Элисенваара...

Молитва к ночи,
Слеза ресницы, —
Чтобы долгоносик
Не снился...

...Ливень. Гниют двери.
Капли по иглам виснут.
Гусеницы и звери
Уходят под листья.

Зябко. Платформа. Ветер.
От-пра-вление
По другой ветке,
В другом направлении...

Детству пугать — нечем.
Но подспудно, запечно
Справочник — вечен,
Расписание — вечно...

Жизнь — целиком — только
«Справочник садовода»!
Замаскирован тонко,
Но тронешь — и вот он:

Без смысла, без ритма,
Сплошная оплошность,
Пёстрая неразбериха
В мышинной обложке.

Но любовями лестниц
Оскальзываться и падать
Не стоило б, если б
Не Элисенваара!

Так прорастают
Зёрна, что высевали.
Реки за мостами
Уходят в Элисенваару

Жёлтой дымки...
Неважно —
Думать о смерти:
Элисенваара
Загробного света!

Через всеобщность фальши
(«Верим, что мы любим!») —
Элисенваара дальше
Любови: Безлюдье.

Элизиум — или
Иллюзия — жизнь...
Элисенваара! — Имя:
Недостижимость.

Мокнет заря: ворота
В Элисенваару.
Над карельским болотом —
Люк закатного шара.

Через заслон серый —
Тоннель кровавый...
...Как стук сердца
О пружины кровати,

Неведомо, ново,
Молча и воспалённо —
В близости Валинора,
В близости Авалона...

Тихонько, невнятно,
Нощно и денно
Хранимая свято
Элисенваара Дела,

Заданного свыше,
И — невместимо:
Элисенваара Веры,
Словами мостима...

Так, поздно ли, рано —
Дивлюсь и приемлю —
Даются миры нам:
Сводить их на землю, —

От первого вздоха
До страшного взлёта...
...Из сущего вздора
В закатное злато.

* * *

К серебристой Фландрии, затканной
Паутиной холстинных нитей,
К берегам угрюмым норвежским,
Затканным сетью фьордов,
К скалам кельтским,
Затканным ежевикой,
И к открытым отмелям серых небес,
К океанам серым и чёрным
Без берега и края,
К Ультима Туле,
Как кит, всплывающей из пучины, —
Вход и путь открыты;
И встали у входа
Свайные каменные дома,
Невская птичья лапа,
Саркофаги убранных для погребенья дворцов,
Чад и золото малой церквушки,
Похожей на кочегарку,
И ночная незримая Эйфелева башня,
Одиноко сигналиющая на островах сирени,
И тоска невыразимая в чёрную оттепель с моря,
Ибо оттепель смотрит из недр зимы...
А когда дохнёт океан,
Чёрный и серый,
Всё становится крохотным,
Видит себя как есть
И смолкает,
Ибо дует он от Ультима Туле,
С берегов друидов и кельтов,
Затканных ежевикой,
От голландских гаваней,
С берегов угрюмых норвежских,
Со стеклянного Авалона,
С берегов бессмертья...

И глядит удивлённым оком душа,
Глотнувшая этой влаги,
Обгрызая кончик карандаша
Над листком бумаги,

На недобрый прищур Москвы,
Что чует измену,
Глядя в спину Питеру; скачут её послы конопатить стену,
Узурпировать, утробной мглой обнимая,
Закрывая плотные ставни и не внимая
Собственному верлибру,

Растущему в недрах рифмы,
Бьющемуся в сердечный брег, как волна о рифы,

Как птенец внутри яйца —
В позолоченные своды;

На земли драгоценный скат,
Что блестит к восходу,
Но к закату идёт во мглу, —
И крошатся контрфорсы веры,
И взметает ветер листья, воздвигая верфи,
Миражи островов колебля над белой гладью,
Отбирая перо у меня —
И владея моей тетрадью.

1990—1995

* * *

Куда мне деваться от русского слова «звезда»?
От вырезанного из золотой бумаги?
Я лучше скажу по-английски — star:
Сотня и высота,

И свобода от этой земли и её тяги.
«Стар» — это око святой зимы
В косящатом нашем окошке
Вместо наклеенных пряничных звёзд;
Чистая, дальняя star, или, если угодно, «стаа», —
На другом языке говорящая; и уста
Я смыкаю,
Так как белее снега лица во тьме снеговой ночи,
И захочешь сказать, да сам себя оборвёшь: «Молчи».
Это час, когда сквозь окна в словах течёт благодать, —
Отодвиньте же слово «звезда», мне за ним звезды не видать.

1989

* * *

Не оглянись! Ни в профиль, ни на волос.
Ничто да не удержит край одежд.
Чтобы вернуть мой настоящий голос,
От многих надо отойти надежд,

Начав с надежды на его возвратность,
На невозбранность обычных дел
И на простую, для сугрева, радость,
На коей мех ещё не поредел.

1990

* * *

Кому Ингеримаа, кому в песке следы,
Плѣс безымянный у неназванной воды,
И ракушки лежат на отмели болот,
Но жемчуга из них никто не достаёт —
Край горизонта пуст, и очерк леса прост,

204

И в тёмных небесах совсем немного звёзд,
И слышен в камышах невнятный шорох-стон,
Что предпочёл бы звать поэзией он, —
Вскрывая створки душ, всыпая свой песок,
Держа от смерти нас всего на волосок
И в этом волоске от круч её и бездн
Устроив целый мир, который только без-
Дарь годным для житья сочтёт и станет жить.
Ему и пары строк, случится, не сложить,
А мы с тобой, прозрев до некоторых пор,
Сминаем в перламутр коллоидный раствор
Души, — готова скорб в печали и тоске
К тому пути, от коего на волоске
Живём, как в двух шагах от приступивших волн, —
Двустворчатый собрат, песка и слизи полн.
И надобно успеть, удался, претворить,
Пока не снидет Бог, чтоб створки отворить
В Свой Рай Имѣн — и тем, чем полон был сосуд,
Со вздохом пренебречь — или вынести на Суд.

1993

* * *

В. Топорову

Одевая небо облаки!
Что-то изменилось в облике
Времени, и душевной пылею —
Еду ли в автомобиле я,
Или мчусь верхом на лошади —
Людные покрылись площади,

205

Перспективы и паласы и
Пушки полдня громкогласые.
Разбрелись мужи и рыцари
С тьмой прожаренными лицами,
С дряхлыми ручными совами,
Скрипнув ржавыми засовами...
Не кричу, не рву одежды я,
Но над прежнею надеждою,
Над звездой в закатной зелени,
За дымящимися зельями, —
Собирается молчание,
Опустение, кончание,
Продолжения не следует,
И душа напрасно сетует,
По колено в пыли, в стагнуме
Прежними гуляя стогнами
И разношенное прошлое
Укрепляя новой прошвою...
Видно, как давно догадываюсь,
За волной волна, накатываясь,
Линии, от букв оставшиеся,
Наполняет жидкой кашицей
Из песка, воды и ракушек —
Кто успел прочесть, тот в выигрыше,
Тот богач, и, лучше ль, плохо ли,
Будет он владеть эпохами
В одиночестве над письменным
Собственным столом, — и, присланный
С хартиею и чернилами,
Ангел крыльями червонными
Зашуршит над ним...
Но роздали,
Одевая небо звёздами,

Роздали мы всё, что помнили,
Всё, что неким чудом поняли.
Ибо, как давно доискиваюсь,
Вечности ложится изморозь
На эпоху, коей, с парты ли,
С крыш ли, мы в глаза засматривали
С робостью, — и вот, покинутые,

Опечатываем комнаты,
Толковища, судьбы, улицы,
Чаянья её; сутулится,
Удаляясь, поздний пьяница, —
Что же от неё останется,
Исчезающей, как в обмороке?

Одевая небо облаки,
Автор утр, с ночью спаянных, —
Помяни нас, нераскаянных!

1994

Музе

Не то, чтобы ушла, — вестей не подаёшь.
Но время — та же даль: ты не везде живёшь,
Ты не вода, не свет, не разлита в ветрах:
Корпишь в своём саду, — а мне привычной страх

За тех, кому и даль — лишь время для ходьбы,
Кто ставит в ней дома и мастерит гробы,
А если дом сгорит, — не спи и холодей:
Уж если разлучён ты с кем-то из людей,

Вас могут разлучить и в будущих веках...
Прости, что не перо — свеча в моих руках:
За лесом, за холмом, там, где блестит вода,
Мы встретимся с тобой, — а с ними никогда.

1990

* * *

Оплакивание — мой долг:
Судеб разбитых, слов непрощённых,
Завистников влюблённых
И дев неотомщённых:
Иуды и Амнерис,
Андрия и Марии.

В любви последней и последнем горе
Шумит с угрозой и чернеет море.
Одни — одни — пред вечностью слиты, —
Упав на камень гробовой плиты, —
Одни — на безысходность, навсегда,
До, прежде, после Страшного суда...
О ком ещё — о так! — рыдает Бог?
И с Ним — мы все, как чёрный хор, у ног,

У ног Его, безмерно, безутешно,
У стен презренья, что растут неспешно,
Как поколенья, что растут во мгле,
Готовясь воцариться на земле.

28 ноября 1987

* * *

Приди, моя Голландия, приди,
Обвей канат вокруг моей груди,

208

Голландия, где, выстроившись в ряд,
Шатаются дома, но все стоят.

Ты рай для тех, кто умер молодым.
О чёрная, скорми мне пряный дым
Индонезийских зелий в кабаке
За звон голодных гульденов в руке, —

И я войду, хватаясь за виски,
В бездонный эпицентр моей тоски,
Где мимо верфей тянется река
О сто оттоков, как моя тоска,

Так, что и ты не смог бы отличить,
Куда свернуть, чтоб ног не замочить,
И как, листая в страхе Амстердам,
Не возвратиться по своим следам —

Туда, где на мосту, у входа в дом,
Велосипеды, скованные льдом,
Где тишь да гладь за истеченьем лет,
Где помнят, что меня на свете нет.

1991–1993

**Подражание Брюсову, Ходасевичу
и всем остальным, пытавшимся дописать
неоконченные стихи Пушкина**

*Ночь тиха. В лазурном поле
Светит Веспер золотой.
Старый дож плывёт в гондоле
С догафессой молодой.*

209

Воздух полн дыханьем лавра.
Дремлют флаги бучентавра.
Море тёмное молчит.
.....
Сердце медленней стучит,
Гаснет, как огонь огарка...
На челе Святого Марка
Отсвет кто не различит!

Небо, выдержи ли доле?
Дымка вьётся над водой.
*Старый дож плывёт в гондоле
С догарессой молодой.*

Догарессе всё забава,
Дождю всё вокруг претит:
И любовь ему — отрава,
И почёт — не в аппетит.

Червь болезни тело точит,
Мучит доктор-доброхот,
И заря ему пророчит
К новой жизни переход.

Но, душою умудрённый,
Догарессу он щадит
И на лик её влюблённый
Улыбаючись глядит.

1998

* * *

Скоро не будет вещи, с коей бы — мой союз.
Только ноша на плечи,
Только спина и груз, —
Кончено дело душ, начато дело тел...

До возврата в чистую длань светил!
В смерть, которая всё ещё — спелости восковой,
В душу, свободную от выправки войсковой!
А покуда теплись, моё начало, до всех концов,
Мой, трёхмерный дух, воспринятый от отцов,
Не от прадедов; раздвигая новые времена,
Принимаю тебя, как клятву, на рамена.

Весна 1989

* * *

То белая, то серая стрела
Пронзит основу ткацких облаков...
На этой башне в детстве я жила
И буду жить на рубеже веков.

Проступит лакмус на ребре небес,
Коснётся вечность моего стекла,
Когда прорежут туч продольный срез
То серая, то белая игла!

О города, мой друг, о времена, —
И это всё, что я могу сказать.
Вот рубище тебе на рамена —
Ощупывать его и осязать.

Живая нитка, спешная игла...
Подвалы наливаются огнём, —
И прорезает алая стрела
В движение пришедший окоём.

1991

* * *

Со мною облака не говорят
Над куполами долгого молчанья.
А я бы не взялась за этот труд,
Когда бы кроме них я привечала

Кого ни есть... За труд и за обряд
Отдачи сил и кройки и тачанья...

Со мною облака не говорят
Над куполами долгого молчанья.

1990

* * *

Увы, приятель умерший не снится
Лишь мне одной; мой стих почти иссяк,
Моя судьба сама из рук струится
И с шипом впитывается в песок;

Возьми меня — и все мои молитвы
О том же день и ночь — туда, где Ты,
Где происходят золотые битвы
И расцветают алые цветы,

Где на горах, охаживая люто
Бока хвостом, к прыжку готовы львы;
И где в ходу всегда одна валюта —
Бездонный гран сафьянной синевы,

В прозрачной бездне бьют из скал потоки,
Рассветный кварц в расщелинах горит,
И серпантинном каменные строки
Из никуда врезаются в гранит,

И витражи на замке великаньем
Горят зарей, — так даруй же, молю,
Пройти туда тропой словес, — и камень
Поцеловать, — и парус кораблю

Пририсовать в зелёном океане,
Где смертный ног ещё не омочил...
И если я и встану на колени,
То чтобы Ты Твой свет во мне включил,

Поскольку тёмен путь, и слаб оплот, но
Некрепко дремлет хрупкая душа, —
Но дверь миров закрыта, и бесплодно
Сухое острие карандаша.

1986—1995

* * *

Я пришла из небытия,
И меня окружили вещи,
Нарождённые вместе со мною:
Купленные в магазине треугольные табуретки,
Раздвижной стол для коротеньких юбилеев,
Тумбочка с тонкой стенкой,
Книги, написанные в год моего рожденья...
На пустых пространствах встали серые башни,
И пустой простор предоставил ветер,
Чтобы первые люди вдохнули веселья мира

И назвали свои немногие вещи
Немудрёными именами;
И это было бы раем,
Кабы не тихие страшные трупы ЧУЖИХ предметов
В недовыметенном Эдеме —
Трубка, забытая первым Адамом,
Книга с ятями, в мраморном переплёте,
Или та седая старуха в ботах,
Выходящая из магазина «ПРОДУКТЫ» с пустой кошёлкой,
И неведомо что — какие-то хлопья мрака,
Оседающие в воздухе новой жизни...

И — страшнее всего —
Словно холмы живые,
Словно дома доисторических хозяев земли — термитов,
Появившиеся ещё до начала битвы богов и титанов,
Бессловесный ужас для души бессловесной,
Сотворившей мир за пределами мира, на сквозняке пустот, —
Были церкви.

Добродушный дачник земли не отдаст ни пяди
Улетевшему дымом в топку ингерманландцу,
И крымчанин не прочь подпустить петуха татарам,
Что вернулись невесть откуда в его уголья, —
Так и я готовилась к битве за чистоту своего эдема,
Патриотка собственного рая, чернь парадиза.

Тонкими были стены у сотворённого нами мира, —
И застенные гости
К нам заглядывали запросто, огибая
Возникающие на пути тёмные старые вещи —
Книги, слова, пылящиеся законы...
Здравствуй, залётный Гость! Кто ты?
Пришелец, фюрер, комдив, нач. отдела, Цезарь?

Morituri тебе salutant! Ибо мы — morituri,
Почему — неизвестно. Однако странная корка
Запеклась на лице твоём: ненависти и страха.
Что же ты шипишь и скалишься и ликуешь,
И зачем ты сводишь счёты со старым хламом?
Или ты солгал, заверяя новых своих клеветов,
Что и сам родился не раньше них?
...На дюрале твоих тарелок —
Лоскуты заплат, как на старом плаще. Так что же,
Я почти готова к тому, что сейчас увижу,
Я уже поняла, в чём подвох,
Я проснулась на шаг от бездны,
И пропой, завернувшись в старый латаный плащ,
Убежавшим забвенья заигранным шалыпинским басом:
«Ave signor!»

1992–1993

* * *

Ивы источают камедь.
Гаснет за холмами пламя.
Ветер запускает пальцы
В шевелюру крон, как в память.
Болевым болидом мчится
Человек по небу сердца, —
Только нету горизонта
В сердце, и паденье длится
В сумерки, в глухую полночь,
Где во тьме деревья дышат...
И шепчу я в ночь: «На помощь...» —
Понимая, что не слышат.

1993

* * *

Я знаю, через несколько столетий
В каком-то времени из параллельных
(В том параллельном городе, что снится)
Ты и другая возвратитесь к жизни —
И вместе будете; я даже знаю адрес —
На Малом почему-то, где-то между
Седьмою и Восьмой, к Неве поближе.
И та, другая — буква манускрипта,
Зрачок геенны — обретёт свободу
От зла, и, туго повязав косынку,
Дубовый пол надраит старой шваброй,
И обернётся в миг, когда дубовой,
Входя, ты скрипнешь дверь, стеарином
На половицу капнув. Снег ложится
На старую булыжную дорогу,
И у Шести углов фонарь бессонен,
И Невский извивается, и Мойка
Проходит параллельно... Всё как прежде.
Но что тебе сулят координаты
Надмирного существования? Снова
Пойдёшь по свету мыкаться, прощаться,
Не встретившись, на поиск Человека,
Которого искал не там? К подругам
И недругам заглядывая ночью
В запутанные сны? ...Я забегаю
Вперёд; ещё ты жив, и ты читаешь
Сие стихотворенье, и по смыслу
Темно оно, ты говоришь, охоты
Нет расшифровывать. Как будто тексты жизни
Куда яснее. Или тексты смерти.

1980–1995

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

Иероглиф дня

Медленно тонет в туманах
Раскалённой печатью, висящей на свитке дня,
На листе Книги Жизни, —
И в случайном просвете
Крутящихся плоскостей
Отблеск тот различая,
Преданностью и восторгом
Исполняется сердце,
Оцепеневая...
Ежедневно,
Как облака над влажной землёй июня,
Иероглиф дня
Собирается над городом.

* * *

Когда друзья пировали в среду
И блудница разбила сосуд с благовоньем,
То в собрание вошла с косой невидимая Смерть,
И Смерти вышел навстречу Бог.
А Человек понял, что он остаётся один
И его не поймут те, кто идёт жить,
Ведь того, кто прощается, понимают с трудом.

* * *

Мне не казалось, будто вино
Ко мне испытывает влюблённость,
Или будто меня привечают травы,
Или будто мир меня зазывает в танец.

Даже наоборот — ели были ко мне суровы,
И я бы прошла насквозь, аки посуху, не метаясь,
Но меня разорвали надвое сёстры — ревность и лень.

Нет, не шутка, не шутка всё, что было.
Этот лес вещей и прозрачный свод с зелёной точкой Денеба.

Для того я друзей любила,
Для того забывала любимых,
Чтобы смотреть в зарифмованное на неё, невечное небо.
Значит, я плохой монах.

* * *

Там глаз малиновый висел
В тумане над мостом
Реминисценциями Сен —
И что-то было в том:

Туман французский, и река,
И запах от реки —
Болотный запах, и рука
Боязни вопреки.

И в этих сумерках тугих
Взошли колокола
Безлюдных стран, совсем других,
И музыка взошла.

Но не сыскалось дурака,
Чтоб слушал и мечтал,
И багровели облака,
И кто-то причитал.

1977

* * *

Я — на окраине души.
Я не горюю — загораю.
Цветные стекла подбираю
На пустыре, в пыли, в глуши.

На самом дальнем из холмов
При ясном небе и при штиле
Сквозь дымку выступают шпили
И очертания домов.

Сегодня так же, как вчера.
Я знаю, что они прекрасны,
Но как идти туда, — неясно,
Хотя понятно, что пора!

Но как собраться в этот путь —
Через помойки, огороды,
Пруды, обрушенные своды?
...Когда-нибудь, когда-нибудь...

Набрать стекла, скопить гроши...
А там — мой город — силуэтом.
Я — на окраине души.

*

Как горько я расскаюсь в этом!

1978

* * *

Невесенний ветер высох,
Небо — слишком высоко.
Мой висок скорбит о мыслях,
Приходящих нелегко.

Ноет, тянет: «Если спится —
Значит, слеп и слаб, увы.
Ничего не свяжешь спицей,
Круглой спицей головы».

Боль навязчивей, чем вечер,
Тяжелей, чем духота.
Сон придёт, когда намечен,
И в бессонницах — места

Куплены.

О, знать бы цену
Этих королевских лож!
Разве непреложно — пена,
Пена — голос мой, и ложь?

1978

* * *

Над городом, нищи и босы,
Шли тучи, и дождик утих.
Закат мне поставил вопросы,
Которые проще простых.

Ответить бы надо, да нечем.
Затешили окна везде,
Как тысячу маленьких свечек
Пустили по тёмной воде.

И ветер качнулся под крышей,
Как белый простреленный флаг.
Не надо ещё раз, я слышу,
Но мне не ответить никак.

1978

В одиночестве

(Из Эдгара Аллана По)

На «тех» похожа с детских лет
Я не была, — инакий свет
Мне брезжил, — из других корней
Всходили корни дум и дней, —
И всё, что занимало «тех»,
Мне было скука или смех.
Моих любовей — ни одной
Никто не разделил со мной,
И се — я тайну извлекла
Из алых бездн Добра и Зла,
В истоках бури, в утре дня
Ошеломившую меня:

— Из гниения воды, —
Из дыхания беды, —
Из порогов, вздувших горб,
Из ущелий красных гор, —
Солнц, что плыли вокруг меня
В нимбах рыжего огня, —
Из грозы в дрожанье бездн,
Молний, рвущих ткань небес,
Вдоль земли катящих гром, —
— И, на небе голубом,
Тучи, что предстала мне
Ликом Божиим в огне.

1979

* * *

Не существует других государств.
Хватит мытарств.
Бумажка из-под масла — есть;
И звук
Машинки пишущей,
И узел смертных мук,
И муха — та, что муки засидела
От редкого употребления в дело.
И если кто-то уезжает в Бонн, —
Из вашей жизни умирает он,
Не более,
Поскольку перемен
Не ждите в мире, сделанном из стен.

1979

* * *

Что тревожит меня в моём ноябре?
Что мешает мирно — в норе — в окре
Подмести места угловые,
Кольца посчитать годовые?
Кто заботит меня в моём ноябре?
Кто мешает мне — на моей заре
Пренебречь нелюбимым спором
И с собой беседовать хором?
На оранжевой этой заре, когда
В пол-Земли отражает её вода!

1979

* * *

Знаю: за дерзость — заплачу
Прежней жизнью покоя. Ну!
Если я птица, — я улечу.
Если осколок, — соскользну.

В настоящем — не умещусь.
Будет, как говорю:
Если я птица, — я улечу,
Если вор, — растворюсь...

1980

* * *

Я — очевидец своих восемнадцати лет.
Это — почти очевидец своих лопаток.
Прочим — за это время распрь и распадов
Уцепиться — приспособлений нет.

Здесь — от вещей мохнат и невидим толпе —
Мир оживает с каждым сцеженным часом!
Дунешь на мысль — сполох на потолке:
Словно качнулось гигантское блюдо с чаем.

Мост из-под губы сплевывает слова.
Те, выплывая льдом, становятся зримы.
Как вода в ледостав, болит голова,
Пробуя угол рифмы.

Судно, качнувшись, черпает через борт
Ледяную кашу; поздно — канат отпущен.

И, ощерив рот, Казанский собор
Перед тем, как встать, оперся на площадь:

В городе до зари каждая дрянь зорка,
Прежде чем в роль войти — и омертветь... — Но бодро
Я принимаю дар: зрячею — до звонка —
Зябнуть в наглухо запертом утре Бога!

Ноябрь 1980

* * *

Здравствуйте, новые вещи.
Я вас полюблю навечно.
Буду в театре смотреть «Травиату»,
Буду в день писать по трактату.
Изучу дворы-переулки,
Продержусь на хлебе и булке.
От тебя же, от человека,
Мне останется библиотека,
Да чтоб ты от меня отстал,
Не стучался бы в мой кристалл.

Я не буду дышать надеждой,
Удержу лису под одеждой.
Я не буду играть в любовь:
У меня — холодная кровь.
Я в ореховое кольцо
Не продену ничьё лицо.

Прошагаю ранней Фонтанкой,
Заживу бескровною ранкой.

1981

Путешествие

1

Что мы промыслим, что обрящем,
Дав путеплавannya зарок?
...Край, ни о чём не говорящий,
Горящий белою зарёй.

Здесь суть — другая, ель — другая
По заострённым берегам,
Река несётся не моргая
И молча мчится ураган.

Букварь — на Буки, путь — на цели:
Здесь всё кончается простым —
Лишь облака, как пни и церкви,
Стоят по пажитям пустым.

Никто не ищет, не корчует.
А здешний дух — инакомудр.
Освещёны, они кочуют
В их полновесном НИКОМУ.

Так и во Странствии Небесном
Уж не изгнание, не бегство,
Не рок, не клевета, — но бегство
В белесый свет, в небытие?..

Их не прочтут. — Белы болота.
И только с птичьего полёта —
На глади беспечальных рек
Гребёт, чернеясь, человек...

Что вечер — иной огонь.

*

И этот — глядит другим.

*

То другом он, то — врагом,
То спутником дорогим.

Животному уподобь,
Горе уподобь его:
Ни зол он ко мне, ни добр,
Как всяк от мира сего.

Лови его на блесну!
Спешу со своим «итак»!
Как день, его объясни:
Что вечер — иной итог:

То чёрная хмарь — и хлад,
То белая хмель — и зной...

...То гладок он, то космат,
То гребень его резной, —

И, видно, лицо небес
Подобно лицу людей:
Полуденный сытый лес
Не судит своих дождей,

И — рек возбуждённый хруст,
И — сойки разумный визг,
И бьёт в распростёртый куст
Горящий полночный диск!

Жук помещён в коре.
Рыба в реке стынет.
— Нет, и не к той горе.
Нет, и не к той вершине.

Солнце гудит как горн.
Звук не смыкает век
У плоскодонных гор,
У плоскодонных рек.

Край этот безъязык
И безголов, — а жив.
Лето коптит балык —
Капает нежный жир, —

И на сухих болотах
Ягодой торчит,
И на глухих колодах
Гусеницей скворчит.

Чуют ли жар и холод
В тундре его нутра?
Общий весёлый хохот
В пьяном дурмане трав.

Общий весёлый пир.
Марево, блажь, чума.
Слаже, чем фляжный спирт,
И здоровей, чем мак.

Чище сплит, чем утро.
Легче тупит, чем мель...
О не туда, где рута,
И не туда, где хмель!

Вроде бы всюду правда, —
А загляни под плот:
Камень плывёт обратно,
А человек — вперёд.

Он превратится в глыбу —
Вон буруны стоят, —
Он превратится в рыбу,
Если пригубит яд:

Славные дни начнутся,
Сгинет сутулость плеч...
Всё тяжелей очнуться,
Всё тупоносей — речь,

Всё однозначней — путь.
Чёрной течёт вода.
Он превратится в пункт
Воли, в своё ТУДА,

В тучное здравье дней,
В травные тела...
В корень на белом дне,
Пятнышко в небесах...

Общий весёлый хрип:
— Долго же нас несло! —
Как березовый гриб,
Облако narосло.

Русло все шире, шире.
— Мимо, струя, веди:
Нет, не к большой воде!
Нет, и не к той вершине.

4

Брега изрытые облезли.
Река в ущелии бурна.
Летящей ласточке над лесом
Открыта горная страна.

И зрит в полёте воздуховном,
Как реки выучились пряться,
Как, накреньясь, Рифейски холмы
Долинам уступают власть.

Как вечер тощ. Как месяц едок.
Как редок лес и долог спуск.
Как люди каменные едут.
Как свет людей для глаза тускл.

И глины вдруг до горизонта.
И воды моют плоский брег.
И — не Края уже, а Зоны.
И чёрный крикнул человек.

И те, кто ехал, тлеют гуще,
И берег рушится, — и стих
С водой, бессильный, мчится пуще
Туда, где Собь впадает в Стикс!

...Всё, как и с птицей. Дождь и сажа.
Качнутся спутники, чадя.
И третий день буксует баржа,
От Катровожа отойдя.

5

На острове ливень.
В дыму деревянном
Дыханье теснится тяжёлым туманом.

На красные горы,
На реки тайменьи
Гляжу с опасеньем и недоуменьем.

Я знаю, что суетный страх посрамится, —
Но остров оцеплен железной стремниной,

Вода прибывает, и ждать бесполезно —
А в небе разверзнуты кладези бездны.

О клаустрофобии тайная гордость!
Я здесь. Я — в бегущих предгорьях.
Я — горблюсь.

Сошлись для битвища мощь на мощь —
Как два измеренья души, окольных.
Меня теснит населённость рощ, —
А мёртвая зыбь городов покоит.

И я говорю, или что во мне:
«Оставьте, бросьте меня навеки!
Не надо мне дорогих камней
И в небесах — острокогтой Веги,

230

Ни трав узорочья, ни полей
Морошки пьяной на тёмном склоне,
Ни кровохлёбки в лугах — налей
Мне спирта в кружку — и выпей, — кроме
Спасения от тупика пути.
Но здесь мне этого не найти».

На острове ливень. В дыму деревянном
Дыханье теснится тяжёлым туманом.

Потопят ли нас разъярённые реки?
И как поступить, если мы человеки?

Прощаться взахлёб с филигранной травой?
Готовиться грех оплатить головою?

Брататься с водою, стеклянно гремящей?
Заклять ли их Именем? Что настоящей?

Сковать ли их магией стихотворенья?
Прекрасные души! Слепые творенья!

Стихии, заклятые именем Божьим!
Прощённые — мы не одно ли и то же?

Когда дворцовым переворотом
В горах обрушивается карниз,
И смерч, как рыба большеротый,
Короткой мордой суётся вниз,

И с места не сняться — снедает робость
Пред влагой рек, что взялась роптать
На алые облака Европы
За инкрустированным хребтом,

231

Вскипая лалом и перламутром...
Ложись с молитвой и встань наутро:
На небе — ясно, на тверди — тина,
И реки спали неотвратимо.

Мы выйдем на плёс.
Прекратится течение.
С дождями окончится и заточенье.

За нами обрушится облак — заправским
Пайером...
Бурун настоит на поправке

К великому своду воды и покоя —
И горный ручей разразится рекою.

Там радуги, пересекая друг друга...
О тайная клаустрофобия Духа!

Клеймо ли по крови?
Навар ли налимий?
Мы выйдем на плёс.
Но на острове — ливень.

6

Эмалированная кружка
С ежевечерней бурой влагой.
В стране пути осталась дружба
И тлеет влажною бумагой.

В дороге есть такая польза,
И есть в пути такая память:
Согреть на ней хотя бы пальцы —
В стране пути её оставить,

И горький чай с дымком имбирным
Глотнуть из кружки непечатой...
...Но в синих городах Сибири,
В пустых бревенчатых почтамтах —

О радость! — ты меня не жалишь:
Письмо не столь, — но предвкушенье...
Удушливое обожанье
Кольцом охватывает шею,

И тлеет влажная погода
Газеты смятой наподобье...
Я благодарна. Я богата.
Я в три звезды горю над Обью.

Преображение 1982–1983
Салехард, Хараматалоу

* * *

Мгла восходит, не выкипая,
К небу — до облаков.
А, может, в мире, куда вступаю,
И нет никаких стихов?

Ни времени нету для них, ни места,
Ни надобы, ни судьбы,
И в чашах высятся леса вместо
Раскрашенные гробы.

Ничто среди серых стволов не краснеет,
И нету на них листвы.
И воздвигается быт, коснея,
До мглеющей синевы.

На счастье, мир не монолитен
И вмещает много миров.
Кто слышит в нём... и музыку лютен,
Кто — требования коров.

Одни в нём молятся до рассвета,

.....

И оба правы и знают это,
И оба — еретики.

*

Пусть другие давятся галькой мгновений! — если
Грянет час, который итожит смету,
Без друзей очнувшись в неведомом месте,
Я продолжу верить, что смерти нету.

1983

Прелесть

Мой страх и справедлив и одинаков.
Я посещала мир пустынных знаков.

Вот исповедь моя, а Ты владей.
Я отучилась праздникам людей.

Умру — и, не лукавя перед вами,
Займусь в траве такими же делами,

Но будет вам не подглядеть тогда.
О жизни вспоминаю не всегда,

Но каждый раз до слёз, когда копнуть.
Я соблюдаю вывернутый путь,
Пчёл элизийских собираю мёд.

А если кто посмотрит и поймёт, —

Мурашки побегут по коже,
И сердцу станет не до риска,
И смерть на вас посмотрит тоже —
Светло, доверчиво и близко.

1983

* * *

Так получилось:
Замок и Всадник
Выросли на моей дороге.

Замок — Летучий Голландец: восьмиугольное
Небо сбрасывает в него осколки зеркал,
Мёртвая красота
В чёрных латах без лиц стережёт проходы,
Белые духи Эллады,
Голубей отгоняя,
Слетаются в ниши.
Синее в нём гуденье,
Запах гари

(Или — замок-Иуда:
Он поднимает высокий крест
Противу Спаса —
Ибо кто проповедует с большим жаром,
Чем ушедший с Вечери).
Благодушествуй ныне,
Замирай от интереса:
Я — человек, и меня завидела сверху
Обще-История! — вот она падает камнем...
Я — человек —
В абсолютно неверном веке,
Где никто не помнит о человеке,
Ergo — мог бы ты быть и хитёр, и свободен!
...Как пустыней идти, поддевая ногою камни...

...Тысяч так через десять
(Всё равно — для многих это минута)
После того, как львы пожрали переселенцев
По всей Самарии, —
Я, ужасом их уязвлённая,
С тёмною кровью на одежде и тяготою на сердце,
Я хочу — новый Твой человек —
В новых северных странах
Как-нибудь изловчиться и продолжать пути Твоей воли
(Скорбь и смятенье, дымно-алое небо,
Круговращенье кровавой спирали древних...)

Я — умоляю,
Я — тяну руки.
(Как знать могу я, широка ли пропасть?)
Я — отдаю Тебе место своё,

Занимаемое моим телом,
Я — отдаю Тебе время своё,
Занимаемое моей судьбою.
Сам говори с моими друзьями
(Пусть я этого и не замечу),
Простирай небеса Иудеи
Над нереальным, поздним северным градом
В устье реки, уже худо-бедно существовавшей,
Но ещё ольховой, медвежьей, нищей —
В год похвалбы ассирийца
У осаждённого города, в пыльной пустыне.
И сверкали его украшения!
И сандалии шершавели от пыли!
В шейных корявых жилах,
Как потом убедились его сыновья,
Красная кровь текла,
Сразу ставшая мёртвой на плитах храма:
Вещество
Липкое, очень красивое
(Только сложно им любоваться);
Безответное вещество,
Льющееся, тяжёлое...
Его осязали, его созерцали, его обоняли — мгновенья.
И что оно ныне?
Слово? То, чего нет? Строчка в книге?
Буква в компьютере?..
Но, пока она льётся,
Я —
Тоже слово (несказанное), оживший призрак,
Сказка без яви,
Я возможна не больше,
Нежели леди Арвен или Вивиана, —
Даже меньше,

Ибо славы их не имею;
И, однако,
Я ощупываю свои руки,
И восторг меня подымает:

Я — в земле открывшееся око,
Покуда земля не сомкнёт вежды!
Если примешь — Тебе уступаю место:
Очи мои возьми —

Взирать на разрежённые человеческие пространства;
Овладевай через меня инкогнито
Временем, вовсе забывшим Тебя
И ставшим Твоею отмершей клеткой,
Затёкшим пальцем...

Сам откройся в моей Земле,
Где зеркальные Замки,
Широкие мрачные воды,
Где и самая грязь — не чад, не пыль Иудей,
С мухами и гнилью,
С гноищем Лазаря,
Опалённым вонючим полднем, —

Тут и самая грязь
Внечеловечна:
Холод горелого камня,
Смрад потухших палочек для курения,
Кучками сбившихся возле стен,
Колыханье гнилой травы,
Ядовитые радуги в бледных водах...
Здесь деревья давно хотят о Тебе услышать!
Строят тела свои — как догадки...

В моей Земле,
Отделавшейся от Тебя
Храмами, выстроенными заботливыми руками
Мёртвой Красоты,
Высоко возносящими к небу
Орудия казни Твоего Сына;
В моём Времени,
Которое тычет указкой
В то, чем усеяно поле брани
После прошедших крестовым походом воинств Твоих;
Которое чистит всё, что находит,
И застекляет,
Пока не застеклит от себя — Тебя Самого и мир,
И самую смерть, —
А само не останется вне
(Так изнутри строят прочную избу
Без дверей и окон
И помирают там в безопасности
От голода и удушья, —
Если же стены её стеклянны,
То в ожидании смерти
Можно развлечься,
Познавая окружающий мир);
В моём Времени,
Оцепленном замаскированной смертью,
В снах уже слышащем гул надвинувшегося Ада, —
Ибо оно генерирует зло,
На окраинах мира — народа — и сердца —
Продавая собственную тень
За покой и богатство
(Золотые тумбы,
Бледные женщины с вознесённым мечом
В сотню эм высотой,

Мускулы культуризма,
Металлический спрут у набережной курорта,
В щупальцах крутящий курортников вниз головою).
Тень,
Набрав достаточно сил,
Отомстит владельцу!

Что в нём общего
С двумя лучами рогатого Моисея,
С мокрым и жёлтым светом
Тёмной зари над горой Ховар,
Который Солнце крутит на тоненькой ниточке —
Вот-вот оборвётся;
Где нету больше земли над головами,
А только Небо Ночи, на которое мы должны опереться.
Если мы протянем руки к ладьям спасенья,
Проплывающим мимо
(Когда — они выбирают сами),

Мы ощутим под ногами подлинную землю,
Которая отвечает за тех, кто по ней ходит.
НЕ такую, как эта,
Которая молчит, когда на ней убивают,
Кровь проливают,
И задыхаются от обстоятельств,
И проваливаются в трясину,
Открывшиеся в душах,
Не покидая асфальтированной тверди...

Оком — откройся:
Тяжестью неизмеримой
Ляжет на душу
Красота Живая, выворачивающая наизнанку — к Ней —

Каждую клетку тела;
Пот кровавый
Поплывёт на глаза со лба,
Мир отпрянет влево и вниз — маленький и ненужный;
И перекрестишься, увидав,
Что прикидывалось домом твоим и кормушкой!
И — какой томится пасмурный сумрак
На обманных долинах,
Где ходила, не понимая —
Отчего — так — не хватает?
И — чего?..

(Тут-то и вспомнить про Подлинную Землю,
Но она, не имея наглости мёртвой вещи,
Никогда не явится просто лицом к лицу.)

Не хватает —
Что же, и мы отторгнуты и растём, как вещи,
Из асфальта,
Пористого бетона сквозных конструкций,
И задувает снизу ветер миров ненаших,
И записываем строки в душной конторе,
Под лепниной Мальтийского зала, надзираемы зам. отдела
Или кем там ещё, не имея иного дела, —

Так и мир, где мы жили и были,
Обличённый, вниз отступает — и влево...
Больно робко догадывались мы об обмане!
Всем догадывались мы — кроме воль и душ...

Сам откройся
В моей Земле,
В центре Сада —
Оком в оправе бывших часов;
Да причастимся зренью,

Встретясь сердцами у зрячей Чаши
В сердцевине Сада,

Да проденем мир, овладевавший нами,
Как подобает людям,
Словно стихшую вещь —
В игольное ушко мгновенья,
ЦЕЛИКОМ.

И тогда —
Ничто не возможно скрыться
От пронизывающей весь мир Благодати
(Продаваемое — пронзаемо: диалектика!),
Всякое движение в мире
Станет мыслью Бога:
Тайно —
Для врагов, движимых Его мыслью,
Принимающих Её за свою дорогу;
Явно —
Для причастившихся зрению.
И СВЕРШИТСЯ ДЕЛО ЕГО!
Оком откройся
В земле моего сердца,
Где механический врыт циферблат...
Аминь.

Осень 1984
Михайловский замок

* * *

Моя свобода, моя отрада!
Ложится сумрак на стогны града,
И смертный отсвет дрожит на лицах,
Господь, в обеих русских столицах.

И я бегу, ухожу, линияю.
И я Любви Твоей изменяю.
Но кто поможет? Но кто напомним?
И кто светильники нам наполнит?
В веку котором нам ждать восхода?
Моя отрада, моя свобода!

1985

* * *

Душа родилась
И отчитывается Творцу
Во всём, что видит:
Жёлтые коридоры великаньей больницы,
Руки чужих людей,
Небо повсюду,
Как надежда на мудрое взрослое ЗАВТРА;
Страшные каменные города
Под землёю;
Дикие глухонемые сообщества железяк
За большим забором...
А людей, а людей — не видишь?
Люди как-то мерцают:
То они есть, а то их нету.

1985

* * *

О Великая среда, труби золотой трубою,
Заводи свой ветер над землёй голубою,
Засыпай пылью прозябшую зелень!

Завтра здесь будет такой ураган, что лоскутья тьмы
Поползут по небу, отделяясь от света,
И к тому же не запируют вместе.
И останется несколько печальных,
Удержавшихся за Глубину:
Ученик,
Умывшая,
И — величественная Смерть с потупленным взором.

1985

* * *

Во тьмах, провалах тишины
Приоткрываются в молчанье
Моря вокруг, моря внутри
Лишь созданы, — но изначальноны.

Приоткрываются стихи —
Недорифмованы, но внятны.
Крик детский острями в небо
Упёрся.
Купола тихи.

Небесный свод коснулся кровли —
Морская зыбь коснулась дна.
Раздвинув тёмные покровы,
Дорога тайная видна.

И вновь незрячести на спаде
(Иль — зрячести, иль — той воды...)
Окно, и крик, и храм, и садик,
Вновь сотворённые, тверды,

244

Помилованные и снова
Сменившие незримый смысл
Стоять, пока другое Слово
Не возвестит Господню мысль
О них.

1986

* * *

В.

Высшим меня — и равным,
Званным чужим — в родное,
В солнце, — но под забралом,
В разном, — но под одною

Крышей старого мира
Над обрушенным новым —
Сила твоя и вера
С плачем моим и словом —

Ягода древ, растущих
Тайно и невредимо
В толщах времён, пасущих
Тленье — и неродимых.

Воин — ишхан — по ком я
Дружбой тоскую первой —
В монастыре Пахомья
Мой соподвижник верный —

245

В древнем и добром взоре
Солнца в окно страницы,
В шприце, луче и зонде
Карточки Плащаницы, —

Капли древнего мёда
В дёготь, в глухую гущу, —
Что негативом мёртвым
Сходит во ад к живущим...

1986

Сон

...И обратишь, и обретёшь,
И синие шатры раскинешь.
Ты, старый мёд, ещё течёшь!
Ты, прошлое, ещё не стынешь...

*

...Там, — окунаясь в молоко, —
Плывут цветные странные предметы,
Нырять и редея:
Солнечные ФА,
Лиловые резиновые носороги,
Пузырчатые музыкаина ноги
И сине-алая кифара,

На винтики пловучие разъята;
Куски серебряного шпата,
Арлекиновые трёхголовые рыбки
И расписанные пергаментовые обрывки, —

Мелкое, и у каждого младенчески раскрытый глаз,
И каждое вполоборота глядит на вас.

По берегам той реки —
Пески...

По луговинам, соли не соли, —
Кисели...

А за морями, куда впадает она, —
Страна:

Там купола алы и сини
Среди кристальных торосов
И с ясного неба снег, снег, снег...

* *

Ухватись за льдину.
Мы выплыть сможем —
Ледоход бесконечен, безбрежен.
Это — масленичной недели вещая синь,
Это — прошлого мягкая грудь, ТАОРМИЯ, —
Перед выходом в дальнее море,
Где на том берегу
Купола алы и сини в падающем снегу

Под лазоревым небом...
...Из воды всплывают
Серебряные блюда...
Серебряные статуэтки...
Это прошлое всходит во времени,
И письма оттуда —
Посеребрённые кресты, и диски, и чаши —
Как шуга, как жир ледяной неумолимый,

До горизонта шурша серебром ноздреватым...

Мёд и млеко,

Мимо рта, мимо пальцев уйдя, истаяв, —

Серебром всплывают из тёмной бучины,

И ни единой бусины не застряло в морщине

Складчатой чаши какой-нибудь,

Ни одного эмалиоля, —

Только опутали кружево диска чёрные травы...

Лазарь тоже когда-то из савана выташил, удивляясь,

Водорослей бурый клубок, пахнувший йодом...

...Память смутна и могуча, как многоточье...

...Сам Король говорил со мною сегодня ночью —

Древних подлинных стран, текущих мёдом и млеко,

Бывший Богом, но бывший и человеком.

...Сам Король отвечал — теперь-то! — про час возврата,

Что не вернётся ни завтра, ни послезавтра:

Встреча — там, за бастионами гор и круч,

Синих и алых стен, синих и алых круч,

Там, где вечно снежно,

Где вечная ясь и твердь

Вечно лазурна.

Там, только вашу смерть

Перетерпите — смертным ли смерть невмочь?

Это как выиграть бой или вырастить дочь...

Зима 1987

* * *

И смотрят твои купола, о Восток —

Из сердца земли пятипалый росток, —

В бездонную ясь, в лучеза... в никуда, —

Смолкают в оградах своих города,

И, как пузырьёк в бирюзовом спирту,

Держа позлащённую ветку во рту,

Восходит вдоль купола птица...

И вот —

Подавлена жесть подсердечных болот,

И лопается в пузырях — пустота...

И по вертикали твоя чистота!

И в ясной лазури твои купола!

Все бури утихли, пока я спала.

Могучей пребудь, позлащённая ветвь!

Певучей пребудь, корабельная верфь!

В пять пальцев пребудь, о рука пастуха!

*

...Прекрасна и жизнь — как разгон для стиха.

1987

* * *

Как месяц из-за гор

И солнце из-за моря,

Встаёшь на дальнем склоне неба — Ты.

Все маленькие волны океана

С неслышным лепетом бегут к Тебе.

Все волны сердца — дни, привычки, даты,

И все — как дети. Притяженье мира

Не перетянет их. Они — как дети —

Бегут к Тебе. Как овцы и ягнята.

Я знаю: это Ты на них глядишь.

Я вижу: что ни день, трещит мороз,
К железу прикасаются цветы,
Но Ты сильнее Холодного Железа:

Один Твой взгляд — и побегут к Тебе
Железные насечки и нарезки,
Коленчатые шлицы и ступицы, —
И перестанут стукотать и прыгать,
И в них движенье мёртвое иссякнет.

Я вижу: это Ты на них глядишь.
Я знаю: это Ты во мне восходишь...

*

Но до рассвета страшно далеко.

1987

* * *

О, как скучать я обучилась
Над страсти мелочным раченьем!
И я — не с Князем обручилась,
А с Другом — детским обрученьем.

Уж не моя она.

С насеста

Сорвалась.

Нет её в гареме.

Она — не искупает сердца,

А искупает только время,

Чтобы к душе не подступало
С божественным — не Божьим — даром,

Чтобы вотще не искушало

Своим узорчатым товаром.

250

Иль я — не отыграла роли
В мистерии?
И мир — не купит
Меня — на вечные гастроли.

*

А в Друге — светлый Князь проступит.

1987

* * *

Но что влечёт нас?

Что манит нас?

Чем наши тропы не кружны?

Нам души — разные магнитны

И числа — разные важны.

Считай их мы, и в них врастай мы —
Кто б стал хулить нас, кто — стеречь?..

*

Державный, грозный голос тайны

Под спудом мира держит речь.

1987

Две стихии

Ты — Огонь, и я тебя спасу:

Как в сосуде некоем, пронесу,

Чтобы мир — земной и земляной —

Сам отождествил тебя со мной.

Пусть ожжётся о мою глазурь!

Да не будешь им — бельмо в глазу,

251

Ибо пламя — план иной.
Оно
Тайнами с землёй разделено

И слепит, являясь в мире дня,
Низкой злобой зрящих оскверня.

Защитись от них моей стеной!
Пламенной во мне — за мной — со мной:

Я — сосуд, и мы одно — вдвоем.

*

Пламенной же в воздухе моём!

1987

О нищета вещей и городов тщета!
Старьё, расчёт с былым, что «нынче» не чета —
Потрёпанных дворов дворянский разнობой...
Но что в них толку, коль кончается — тобой —

Теперешняя жизнь? И что с того, что ты
Привольнее течёшь в кварталах бедноты,
Где белые дворцы растут за рядом ряд?
Обожжены тобой, загажены стоят,

Желты, обнажены с исподу и торцов,
Раздетые дома расстрелянных отцов.

Ноябрь 1988
Васильевский остров

Б. Г.

Город, глубокий корабль,
Отправляется в плаванье
Каждую осень.

Облака простирают ладони,
Ограждая от лета.

Господи, мы опять Тебя вспоминаем,
Правя к Северу, правя в дали и глуби.

Старый город — над нами — звездой в небе,
Тайный союз — в Твоей, Господи, власти:

Смеркнется непроницаемое лето —
Цепью белых огней вспыхнем на перекрестках;
Из прозрачных глубин,
Из Твоей, Господи, мысли.

Город, труби глубокое плаванье: мы отплываем.

*

Старый союз — над нами — звездой в небе,
Тайный союз — белый свет перекрестков.

Сентябрь 1988

Благородные деревья Европы
Безмятежно стоят, разделяясь на группы, —
Наши — в ужасе валяются друг на друга,
Не терпя вращения земного круга,
Ощутимости воздуха, ветра, влаги,
Опасаясь кончить листком бумаги

Или мёртвую шпалой с тупою шеей
Под пятою узкою рельсы-шельмы.

Благородные облака барокко
Над Европой стоят, не пугаясь рока,
И растят свои корабли и башни,
Наполняя мирно дождём вчерашним.
А в России, в холодном её просторе,
Разметались расстриженные Престолы,
Окопались ссыльные херувимы
И пророчат впрок, непереводимы,
И с неслушною круто толкуют тварью,
Заливая ей рот расплавленной киноварью.

Ну а тварь в поднебесье орлом ширяет,
За шкирятник шавок волкам швыряет
И, набравшись пьяной болотной тины,
Норовит сапогом наступить в куртины

Далеко забредших на север садов Европы,
Где, отсутствуя взором, статуи тянут стропы

Парусов Петра, голубых от пыли,
Не желая видеть, куда приплыли.

1993

* * *

На Воздвижение тонут корабли,
Воцаряется смятенье на земли,
Мор, поветрие чумное, трус и глад,
Плач о душах, не вернувшихся назад.

Как ты мог мирволить миру, как ты мог
Потакать ему, оправдывать амок
Волн и ветра, душ, сорвавшихся с оси,
Мир, где всё не так, как там, на небеси?

Сам с любимыми навеки разлучён,
Сам с геенною холодной обручён,
Пьющий хаос из квадратного жерла
Телевизора, — ужель не умерла

В тайном сговоре душа, что небеса
Променяла за приют на полчаса?

Осень 1994

* * *

Мир счастливоконечен, чудодеем
И целиком в скорлупке утаён.
Не та земля, которой мы владеем,
Владеет в нём, — а та, о ком поём.

Тем более что этот бой — за нами!
Уже в полнеба розовеет пламя,
И — сжатая — встаёт хлебами пажить...
Никто не верил! — Князь вернулся княжить.

Да что там! Православные, не плачьте!
Нам шлют яичко красное по почте,
Наказаны лжецы, в чести пророки —
И вот, учтя истории уроки,

Вернулась к нам из-за морей синица,
Нашлась и кружка — выпьем, но не с горя;

Вернулась ввечеру с водой девица —
Пусть не девицей; вьюга, с вихрем споря,

Кость отняла, взяла рожок, уснула...
Чего ж тебе ещё? Коли орешек —
На славу прокалился он. И снова
Напой нам песен, понаставь нам вешек,
А то — как ткать, коль кончилась основа?

Пуста, мой друг, грядущая дорога,
И некому перепирать нам Бога,
Как в ино время Гнедичу — Гомера...

Напой нам, нацеди густого слова,
Отеческого сула, зинзивера

Февральского, — и расколи орешек,
И взыди на княжение, — покуда
Поёт в печи огонь, трещит полешек,
И кружка пальцы жжёт, и длится чудо,

И внемлет песне друг или подруга...

*

А там — очнётся помалу и вьюга.

1988–1995

Апостольский, архангельский, небесный,
Подвешенный над ледяною бездной,
Пройти тобой от Дома книги до
Финляндского вокзала — никогда

Нельзя как по земле; до синевы
Заиндевелой, сторонясь Невы,
До пурпура, до мрака, до поры,
Как снизойдут нездешние миры

На мёртвые дома, в просвет колонн,
Где безымянный град — уже не он:

Костлявьясь, дерево подол приподнимает,
Река иное небо принимает, —
И, не сойдя с ума, не сможешь ты
Полкосмоса пройти до темноты,

А то и три-четыре; на миру
И смерть багрова, — ибо на пиру
Планет и сфер не каждый проползал
Под праздничным столом; уже вокзал

Манит вдали; ты подсмотрел совет
Стихий и сил, и до скончанья лет
Трубить тебе теперь на каторге планет.

1995–1996

На лёгкой туче пролетая,
Районы Питера листая...
Мой взгляд, свободный и ничей,
Скользит по линиям лучей —

Невидимых, но не бессильных:
Крестов — церковных и носильных,
Ужасных зданий, мрачных дум
И лжемолелен, тлящих ум.

На лёгкой туче, позлащённой
Закатом праздничным, — над чёрной,
Извивом, Мойкой, в безопасной
Дали, пасхальной и прекрасной,

Гляжу, — и страшные скрещенья
Лучей — слежу, и запрещенье
Спускаться — чувствую как благо,
Но рвётся под пером бумага...

Но почему? — К воде свинцовой
Не тянет; вдоволь над Дворцовой
Я навидалась полнолуний
В горячих сумерках июней;

Летя, как над шатром Казбека,
Над Исаакием благим,
Внимая спору, что от века,
Неслышный слышащим другим,

Как с Шат-горою, с телебашней
На невместимом языке
Ведётся, грозный и домашний,
И отражается в реке, —

Лечу, — и нет в душе борений,
И вы не поминайте мне
О страшной питерской сирени
И трубах у меня в окне.

*Июнь 1996,
Регенсбург*

* * *

Допрашивая ветку Палестины,
Майор, не полагайся на свои
Испытанные методы: пустыни
Сотрут и след арбы, и след змеи.

Не изучив брошюры «Воскрешенье
Умерших. Для тюремного врача», —
Не принимай поспешного решения,
Как фарисеи те, что сгоряча

И Лазаря воскресшего решили,
Усовестив, вернуть обратно в гроб...
Лишь при одном условии твой плешивый,
Наука, я венчать согласна лоб:

Не тычь в глаза мне метод углеродный,
Как лампочку безмозглую в сто ватт...

*

Сыны рабы ловчей сынов свободной.

*

Но зелен, зелен, зелен виноград...

1997

* * *

Путь в небеса не отягчён возвратом,
Иначе он — не в небеса, а к хлебу.
Обрубки гор обагрены закатом,
Обречено их устремленье к небу.

Обречено и любованье ими.
Свидетели прадревних поражений,
Тщеты титанов, торжества эриний, —
Они своих не стоят отражений

В зрачках у нас: мельчайших, вверх ногами.

Мы — горы без вершин, хотя и тянет
Вернуться с полпути и вверх локтями
Лежать, рассматривая землю, сапогами

Истоптанную, в корешках пырея,
Жучками-паучками обжитую,
Своим теплом её, сырую, грея, —
Не сплошь, но вдоволь кровью политую.

А кто-то не вернулся с полполёта
И больше не относится к землянам.
За ним сомкнулась, чавкнув, как болото,
Голубизна, враждебная зияньям.

И он не стал добычей скалолаза,
И с карты стёрт, и изгнан отовсюду,
И нет ему ни шапки из алмаза,
Ни ризы, равноцветной изумруду.

Но время с местом помнят всё, что было,
И эта память стрелки отклоняет
Магнитные, и ставит на дыбы нам
Послушных кляч, и лодки накреняет.

Вот отчего над обagrённым гребнем
Тревожны ливни, взвихрены туманы.
Вот отчего томимся мы и гибнем,
Как моль, зажатая между томами,

Которых ей не прочитав вовеки.
Вот отчего мятеж в душе и склока,
И вспять текут бунтующие реки,
Исхода не найдя, ища истока.

1997–1998
Берхтесгаден

* * *

Живём темно, и окаянно,
И без разбега.
Так Ной не видел океана
В окне ковчега!

Так крот бурит земное лоно —
На чистом нюхе!
Так ощупью бродил Иона
В китовом брюхе!

Так бард заманивает слово
В силочек тетрадки.
Так набухают зёрна плова
Под крышкой латки.

Так вмяла мачеха-природа
В моллюсков — перлы...

*

И страшно вылупиться первым,
Не зная брода.

1998

Неизвестному солдату

«Чудный дар природы вечной, дар бесценный, дар святой!»
Хор торжественно-беспечный остаётся за чертой.

Дальше — мрачные заводы, проходные на ветру.
Крышка милостям природы, грезившимся поутру.

Из отверзшейся Валгаллы я не прыгну на коне.
Я вам гимна не слагала — зря приходите ко мне.

За словами, за судьбою отсиделась — и цела.
Никого я с поля боя на себе не волокла.

С отвращением и болью гнойных не лечила ран.
Что же я суюсь с любовью в горький стан нехристиан?

Принимаюсь за молитву, но смолкаю в нерешии...
Хорошо идти на битву в освещённый день души.

Хорошо таскать по рыбке из пруда, но без труда.
Сардонической улыбке место сыщется всегда.

Умных муз несмелый лепет ёжится на сквозняке.
Твой, душа, предсмертный трепет я зажала в кулаке.

Пожалей пыльцу, не бейся, чёрный яд не источай.
(Три завета: не надейся, не учи, не приручай.)

Не отпет и не обласкан, ты лежишь, а не летишь.
Мёртвым грузом и балластом ты творенье тяготишь.

Повторён тысячекратно, ты оплачен по счетам.
Так не рвись уже обратно — в страшный плен, в горящий танк!

Ужас твой, твоё безбожье и отчаянье твоё
Я снесу по бездорожью в освещённое жильё

И уйду своей дорогой: я никак ещё жива!
А возиться с недотрогой — так на то хозяева!

1998

* * *

— Скажи да скажи, Кощеюшка, где твоя смерть?
Отдай да отдай ключи от квартиры, где деньги лежат,
Ударь да ударь в гранитный колокол над бетонной землей, —
А не рассказать ли тебе сказочку про белого про бычка?

262

— Что ты всё, право, скажи да скажи, — заладил одно!
Что ты всё, право, отдай да отдай, — зевота берёт!
Ну и зануда, право! Придумай что поновей,
А я пока расскажу тебе сказочку про белого про бычка!

Бык тот стоит печёный, в боку его лук толчёный,
В сердце сундук, в сундуке — заяц, в зайце — игла.
Да ты, брат, ваньку не строй, я знаю, что ты учёный.
Какой из тебя тореро? Тебе, знать, жизнь не мила.

Садись-ка лучше, добрый молодец, со мною за стол,
Наливай бесплатно чарочку зелена вина.
Я тоже не басурман какой, я — мужик простой,
А что бессмертный — так то не моя вина,

Такие уж гены у нас — кощеев, эльфов, баньши.
А я к тому же ещё коренной русак.
А колокола поснимал — так это каприз души:
Люблю тишину, так её и растак.

Горят над землёй костры, кричит вороньё.
Ушедшее хочет реванша, несбывшееся — стихов.
Глядит Василиса с башни, но братьям не до неё,
Как если б в сочельник ангелам было не до пастухов.

И кур угодил в ошип, и петел не минул щей,
А молодцу ваньку строить не нужно — он Ванька и без того.
А как поладили добрый молодец и Кощей, —
О том в народных сказках не сказано ничего.

1998

* * *

Прости, Господи, тех, кто делал аборт:
Перед ними маячила синяя гибель,
И они испугались.

263

Прости, Господи, умных, надменных и гордых:
Под ногами у них колыхалось болото,
И они взобрались на кочку,
Да так на ней и остались.
Прости, Господи, тех, кто верил в науки:
Им хотелось, чтоб всё было точно.
И поэтов, что не записали небесные звуки:
Им казалось, что это не срочно.
Не скажу: прости всем, кто любил и бросил,
Потому что тут я чего-то не понимаю.
Не скажу: прости коротышек, мстящим тем,
Кто красив и росл,
Так же, как не скажу: прости дуракам,
Хотя всех их в душе обнимаю.
Очень жаль дураков, но друзей их и близких жальче.
Жалко их подчинённых, паству, начальников, учеников.
Жаль себя: дурака — в том числе и в себе —
не осудишь и не пошлешь подальше.
Так прости же, Господи, всех, кому не жаль дураков!

Весна 1998

* * *

Ну что же, прощай, я тебя не неволю.
Кто любит прогулки по минному полю?
Тем более — риск для спасенья души.
Все средства для некоторых хороши,
Чтоб старого воздуха детской свободы
Глотнуть, на мгновенье прорвавшись сквозь воды
Забвенного, избранного океана...
Луна над моей головой, как корона,
Дорожка сияет, на волнах маяча,
И в сердце вскрываются кладези плача.

И заново — когтем и солью — по ране:
Душа, мы с тобою владели мирами,
А нынче — лишь миром; зачем мы тревожим
Старинных друзей? Мы помочь им не сможем,
У каждого свой океан и пучина,
И это ещё далеко не причина

Бросаться на ближних, подобно цунами;
И то, что случится, случится не с нами —
Отдельно со мною, отдельно с тобою.
Когда-то брала я, нахрапом и с бою,

Нагорные замки чужих одиночеств —
Делиться солёной водою пророчеств,
Но замки, в ответ на попытку осады,
Окутываются дымком канонады.

О море, и ты обожглось, погорело!
Синицы, лисицы, беритесь за дело —
Бегите, тушите его калачами,
Чтоб не багровели глухими ночами

Над горными замками тяжкие тучи,
Сигналя о чём-то, что нас неминуемой,
Сигналя о чём-то, что нас непреложней,
И непререкаемой, и односложней...

Ну что же! Прощай, — я с тобою не спорю.
Кто любит прогулки по минному морю?
Стучится к душе, чтоб осталась живою?
И зыби смыкаются над головою.

1998

Голоса уничтоженных и убитых

*Каменная диковина —
Великанов работа...*

Руина. Древнеанглийское
стихотворение IX века

Голоса уничтоженных и убитых,
Изгнанных из мироздания,
Подобны звёздам на вечном крыле ночи,
Небу, которое в полдень от нас сокрыто.

Запертые в одном пространстве
С уцелевшими и палачами,
Мы повязаны с ними единым страхом,
От которого вы навсегда освободились.

Вечная ваша память,
Приснопоминаемые отцы, братия и сестры наши, —
Кто мы без вашей дружбы и ваших песен,
Кто мы — без дыма ваших пожарниц и ваших пирушек?

Как нам без вас говеть? Как жить? Мы ничего не знаем,
Ничего не умеем и не понимаем,
Словно Офелия, похоронившая десять тысяч старших
Любимых братьев,
Что ушли из мира на полуделе и полуслове!

Я трепещу, лечу, на ветру сгораю.
Я поднимаю чашу на вечной тризне.
Кто-то поёт: «Я ещё не жил, — и вот, умираю,
Но никогда ещё так не жаждал жизни».

Сколько их — воинов, братьев, — от коих в мире
Только эта жалоба и осталась?
Все народы и нации — тысячерукие гекатонхейры,
У которых обрубков больше, чем рук. И приходит старость,

А гекатонхейры, забыв обо всём, что знали
Отвалившиеся и обрубленные руки, впадают в детство.
Я несу вашу память как зачехлённое знамя,
Не касаясь пером запечатлённой дести,

Ветви выкорчеванного леса раздвигаю, не видя:
Немудрящий дикарь у останков великой расы.
Как оробевший сакс, вхожу в покой, где звучал Овидий,
И нахожу на цветном полу обломок вазы или остов кирасы...

Нет ключа у меня к развалинам чудотворным,
А они молчат, предавая то, что в них обитало.
Опустелый облик пространства оказывается притворным,
А потому, как делал и сакс, я б его заселять не стала.

Я бы не реставрировала руин, а строила рядом,
Напоминая себе о том, что явилась в мир на излёте —
После великих, и крошкам с трапезы должна быть рада,
А не своё малевать на фресках Буонарроти.

О голоса уничтоженных и убитых,
Голоса, живущие в мире лишь как возможность слова!
Стих иногда совершает таинственные кульбиты,
Натыкается на препятствия, чувствует сталь засова,

Лезет куда-то в гору, поёт о том, чего нету
И никогда не будет — или, быв, оборвалось;

Всё — вслепую. Вопрос — по какому свету
Странствует он, — и это не та ли волюсть,

И не тот ли заоблачный край, где, незримы, бродят
Ваши тени, формулы ваши, собой его населяя?
Может быть, голоса ваши в наши писанья входят,
Невоплотившимся и небывшим их усилия,

Превращая стихи в невиданные гибриды —
Хвост одного, а тело другого рода,
В корабли, нагруженные голосами умерших и убитых,
Что, тяжело качаясь, бортами зачерпывают воду —

Слева — этого мира, а справа — уже другого:
Антиматерия и материя в тесном сплаве...
И возвращается изгнанное, и наполняет слово,
И совершает в безвестности то,
Чего не свершило в славе.

Февраль 1999

Об ангелах

Кто ангела видел хотя бы разок —
В видении тонком, в дверной ли глазок, —
Тот в пасмурном мире скучает, томится
И с ангелом встретиться снова стремится.
Но ангелу света причиной печали
Быть больно. Уж лучше б его не встречали!
Своя ему неинтересна персона.
Не носит он мысленного виссона
И неосязаемых, золотом шитых
Богатых материй. На помощь спешит он

В чём есть, без нарядов. Безмерно тактичен
И к выходкам нашим нелепым привычен,
Он с радостью с детками в прятки играет,
Гриппозным безбожникам нос вытирает,
Смешлив, словно юная мать, и надёжен.
Его б в постояльцы, — но дом мой заложен,
Сама я страшусь оказаться ошую, —
Куда же, к кому же его приглашу я?
И хлеб мой горчит — чем его угощу я?
Он всё мне прощает, — но всем ли прощу я,
Я — тьма с буераками, глина с комками?
Меня ль не погонят из рая пинками, —
И всё же я жду его, ночью и денно.
Но нет его въяве, и нет сновиденно.
Не явится он по бездельной причине:
Никто, пребывающий в ангельском чине,
Не ходит сюда никогда в самоволку.
Искать его здесь — словно в сене иголку,
На кончике коей он любит моститься...

*

Один мой знакомый задумал креститься
Затем лишь — пять лет, понимаете сами! —
Чтоб ангела света к нему приписали,
Чтоб ангел НЕ СМЕЛ от него отлучаться!

*

Они на обочинах жизни лучатся,
Стараются скрыться за краешком зренья.

*

И хитросплетение стихотворения,
Что ангела мнило привлечь на постой,
Висит, посрамлённое, сетью пустой.

Апрель 1999

* * *

*...Благообразный Иосиф
С древа снем пречистое Тело Твое...*
Стихира Великой субботы

Я — слово (с маленькой буквы), пылающее в Бытии.
Я — одна (а теперь — с большой) из несметных Его слуг.
Я зажигаю свою свечу на литии
И обращаюсь в слух.

Я жила на башне
До самого рубежа веков.
Баснословный город лежал вдали
И звёзды съедал.
Многоячеистый Вавилон
Не дотягивался до моих черновиков,
Я смотрела поверх,
Как поверх лабиринта смотрел Дедал.

Там, внизу, на стене непуганого НИИ,
Был нарисован гигантский Адам
С красной молнией в руке.
Он всегда меня вдохновлял. Не такой уж это был и наив!
Лучше молния в небе, чем болото невдалеке.

Вавилон необъятен, он — космос, он — океан,
А не просто пелевинские уголья
И в словаре строка.
И куда ни посмотришь с башни —
Сбирается ураган,
А уйти в Харран — наверху должна быть Рука.

Я зажигаю свою свечу
И за Благообразным вслед,
За двойником Прекрасного,
Состарившегося,
Бреду.
И роняет молнию Ветхий Адам,
Утратившую свет,
И внезапно видит,
Что он — уже не в аду.

Великая суббота 2000

Европейский пейзаж с картиной Эль Греко «Пётр и Павел»

Здесь деревья смотрят мимо — и в никуда,
Небеса возвели глаза — и что им земля?
Пётр на картине отвёл глаза.
Я думала — от стыда,
Но и Павел смотрит в сторону. Два руля,

Два столпа, два борта у этого судна,
Оно плывёт
Через все океаны, но здесь, где я и пишу,
Даже Спас на картинах глядит не прямо вперёд,
А куда-то вбок, чего я не выношу.

Что за странное место Европа, какая-то дичь и глушь;
Впрочем, я понимаю, — она не смотрит в глаза,
Дабы удостоверить неприкосновенность душ,
Дабы вовремя, до столкновенья, нажали на тормоза.

Даже Павел и Пётр деликатничают: дескать, мы постоим.
Кардиналы расшаркиваются: пожалуйста, после вас!
А ведь самый последний мытарь требователен к своим
Даже внебрачным детям! А тут — я, право же, пас.

Вежливость паче нахрапа, паче вхожденья в раж.
Принято говорить о погоде, а «како веруешь» не в чести,
Потому что погода не бросается на бордаж,
А от «како веруеши» вручную не отгрести.

Вот и смотрят вбок небеса, и видят своё.
За грудки их брать бесполезно —
Костюм окажется пуст.
И останешься, как Бонапарт в Москве,
А посреде её
Полыхает Кремль, как безмолвный библейский куст.

Но библейский не был безмолвным,
Был глас из среды огня.
Есть же в мире что-то, что смотрит в глаза и ждёт,
И к нему иду я сквозь строй
Глядящих не на меня,
И душа, ничья, не чует ног,
И, непойманная, поёт.

Август 2000

Дом тишины

Город, с улиц твоих мне воды не пить
И на шпиль твои не наводить буссоль.
Я живу в тебе, Город, чтоб тебя накопить,
А потом понемногу расходовать,
Как из тряпочки соль.

Облака твои исполинские
Держат меня в кольце,
В кулаке меня держат,
В грохочущей тишине.
Я в твоих закатах, как в бабочкиной пыльце,
Оттого-то, наверно, никто и не нужен мне,

Оттого-то, наверно, я во всех влюблена,
Оттого-то надежды мало,
Что не умрём,
Оттого-то Вселенная начинается у моего окна,
А мышинный лаз пасхальным заканчивается тропарём.

Отраженья значительнее предметов,
И лужи — как жидкий свет.
Город, я сложусь ковшом, пей с моего лица.
Облачная бахрома
Отползает за ливнем вслед,
А вдали, за бараками — новый фронт,
И так без конца.

Город, мне твоих небес не исчерпать,
По соринке всех слов не вынести за порог, —
Бесконечен Дом тишины,
И сладко в него вступать,
И, запасшись солью, спустаться вниз,
Давая себе зарок, —

С улиц и зданий твоих, о Город,
Нет, мне воды не пить,
Воздуха твоего вдохнувши, верхней ноты не брать,
В реках твоих хмельных судьбы не топить,
По мышинным норам и лисьим лазам рук не марать...

*Январь 2001
Петербург*

* * *

В. Кривулину

*Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеить
Двух столетий позвонки?*
О. Мандельштам

Настало вечное «потом»,
Перечеркнув дорогу.
Век с переломанным хребтом
Уполз к себе в берлогу.

Кто шёл по взрыхленным следам,
Векопознанием занят?
Кто волка-века оседлал,
В глаза ему не взглянет —

И нет живых, кто б в них глядел, —
И кто ему, коль скоро
Нет тропки за водораздел,
Закроет ставни взора?..

Закатный шар, как символ «стоп»,
Перечеркнула ветка,
И вырван позвоночный столб
У будущего века.

20 марта 2001

* * *

Уже недостаточно просто петь
И спорить, тратя сердечный пыл,
А нужно бежать, чтоб стоять, где был,
А надо, чтобы хоть что успеть,

Из пушек по воробьям палить
И знать, что у ближних — по два лица,
По три судьбы...
И летит пыльца,
Не чая кого-нибудь опылить.

Апрель 2001

1978 год

Запах мокрой шерсти,
Смолёных лыж,
Нетопящиеся каминны
В комнатах где-нибудь у Пяти углов,
Наст с хвоинками,
Какая-нибудь любовь,
Присосавшаяся, вьёвшаяся во все дневники,
Посиделки и вечеринки, куда меня не берут,
Но куда я очень хочу, —
Больной, надоевший зуб...

Но из трубы, как от жертвенника,
Поднимается небывалый дым,
В школе проходят Блока,
А за спиной у Блока больше, чем видит он сам,

И я взмываю
Надо всем этим
К неведомым небесам,
Плывущим как фраза:
«У Господа тысяча лет —
Как один день».

И я не знаю, пролью или нет слезу
Над тем, что раскинулось там, далеко внизу.

29 апреля 2001

* * *

Опускаются руки. Приходят тучи.
Не дописать письма.
Не выбраться на литургию.
Я довольна и тем, что немножко нужна,
Но гораздо лучше, —
Перебирая ткань тишины,
Забуть о том, что говорят другие.

О тишина, я — блудная дочь,
Я вернусь, когда всё растрочу,
Я и раньше вернусь, —
К вологодским твоим лопухам, на глухие тропки,
К облакам и пушкам,
Заряженным наудачу
Разрывной тишиною,
Заранее вынесенной за скобки.

10 мая 2001

* * *

Время, когда рябина ещё не добрала в цвете.
Время, когда у слепых рождаются зрячие дети,
А у зрячих — слепые; и племя подслеповатых
Затрудняется, отличая правых от виноватых.

Июль 2001

* * *

Я словеса плела, я их вязала,
Как на колтушках бабка в захолустье.
А что, когда я всё уже сказала
И облака закупорили устья?

276

А, может, я давно уже не в деле,
И на пиру мне не осталось доли,
И заперли меня в земном уделе,
И прекратятся телеграммы с воли?

Я пела словеса, я их читала,
Как на котурнах некая Алкеста,
Но, нализавшись мёрзлого металла,
На время онемела — и на место.

Драконшей перекинулась Каяла,
Кайло перековалось на орало, —
Куда исчезло всё, на чём стояла
И что само собой вокруг сияло?

Летя сквозь ночь в тоске неуладимой,
Стремясь неведомо куда над бездной —
Мне ведь и правда нечего, родимый,
Мне нечего сказать тебе, болезный.

Сентябрь 2001

* * *

*...Лик ангелов, какие встарь
Сходили к спящему в Вефиле...
Вячеслав Иванов. Римский дневник*

О юные дочки Лавановы,
Гадающие на жениха!
Никто не читает Иванова
В эпоху затмения стиха.

277

Рахиль себе равных чурается,
В чём Лия провидит беду.
На что он, хромец, опирается,
У звёзд и планет на виду?

Шагают верблюды в истоме, и
Вином обернулась вода.
В ничто и нигде, до истории,
И после неё, в никогда.

Что пролито? Звёзды ли? Млеко ли?
Гадать, так уж наверняка.
В пустом до-временье, как в зеркале, —
Все будущие века,

Они же — и прошлые. В схиме ли,
В фате ли их жребий благой —
Иаков один для Рахили, но
Для Лии он — кто-то другой,

А обе мечтают о третьем и
Забыли о прежних богах.
Но прошлое с будущим встретилось
Уже, и Иаков — в бегах,

И Некто восходит по лестнице
Над спящим, в обитель планет,
И, в чёрном, две девы, две вестницы,
Два ангела, смотрят вослед:

То Марфа с Марией прощаются
С Тем, с Третьим, но выключен звук.
К кому он, поэт, обращается
С амвона бумаги и букв?

О мудрые дщери Лавановы,
Праматери праотцов!
Никто не читает Иванова
В забвенье начал и концов.

Чья нитка в иголку проденется
Под куполом зрячих планет?
На что он, мудрец, понадеялся?
На то ли, что времени нет?

Июнь 2002

* * *

*«...И жизнь течёт, как и до встречи с Вами
На перекрёстке у Пяти углов.»*

Владимирский, прилавочки свечные...
Мне — пять, вот деньги, по числу голов.
Умершие друзья — как статуи ночные
На перекрёстке у Пяти углов.

О время, подверстай меня, верстая,
В твой томик, чтобы Вечности вручить...
Пять — у пяти. В шестом углу — шестая,
Но мне её лица не различить.

Весна 2002

* * *

И всю Великую субботу
Вселенная бежит
Над галактической травой,

Как курица
С отрезанною головой,
Чтоб рухнуть в чёрный ров —
В компост,
Подняв метель из мёртвых звёзд.

Великая суббота 2002

* * *

*...Духовный выдан хлеб, духовный хлеб голодным,
И серое кладбищенское сало.*

В. Кривулин

Я дочитала Псалтирь по Кривулину.
Виктор Борисович, я по Вас дочитала Псалтирь.
Плотность слова
Возрастает по экспоненте,
А разрежённость мира — разрежается (разряжается)
Безо всяких формул,
А попросту — вдаль и вширь.

Прошло то время,
Когда мне снилось,
Будто Вы вышиваете золотые слова
По чёрному бархату неопознанного флага.
Тогда я не знала о Вас ничего,
Кроме стихов,
А теперь, прочитав Псалтирь,
Знаю столько,
Что и Вы бы, возможно, не возражали.
Это — не внешнее знание,
Я почти ничего не знаю о Вашем мире,

Да и кому оно, внешнее, нужно?
Внешнего и своего, спасибо, не разгрести.
Мой последний сон был со словами:
«Умирает Президент русской Литературы».

А когда-то однажды
На ледяную Пасху
Я пошла за артосом
В Троицкий Троице-Сергиевой лавры
С Вашей машинописной рукописью в сумке,
С Вашей строчкой в уме.

(А тогда, в начале восьмидесятых,
Троицкий был как огромное торжественное сердце,
Как рождественская ёлка, возле которой тепло
И где нищих не обижают.
Он ещё помнил Мравинского, который стоял здесь прямой,
Как струна,
Со своим, по-видимому, импрессарио
На рождественской всенощной;
Помнил новогоднюю проповедь
«Река времён катит своим чередом...», —
А потом мы приходили сюда на раннюю литургию
После новогодних бенгальств.

Там ещё служили последние ученики последних
Истинных старцев —
Перед тем, как уйти в неведомые небесные страны;

Ещё исповедовал здесь ещё не смертельно больной
Отец Николай Амбарцумов.
В день его отпевания в этом соборе

Мне как будто всадили в глаза невидимые иглы,
А потом он мне приснился на деревенском крыльце
И сказал: «Принесла бы ты, что ли, простой воды из колодца...»)

Добрый дедушка архимандрит Мелитон
(Я всегда его поминаю —
Вряд ли он работал на органы даже в то время;
Если же и работал, как все, то уж точно без огонька
И полной отдачи)
Раздавал артос;
Я стояла в очереди к нему — как потом оказалось —
прямо за Вами.

И теперь Вы уходите в те же самые, населённые всеми ими,
Неведомые страны
По тому же самому серому бугроватому льду дороги
С хлебом в горстях,
Как и тогда — без костылей;
А мне остаётся,
И всем нам остаётся
Дожёвывать мёрзлое сало,
А духовный хлеб сохранять за пазухой
На самый опасный случай,
Как сохраняют артос.
Этот мир уже столькожды столько раз осиротили,
Этот мир уже столькожды столько раз осиротел,
Что уже непонятно,
Как от него вообще
Что-то ещё остаётся.

Апрель 2001–2002

* * *

Открыты ли двери в ризнице,
Где скапливаются века?
Покоясь в божественной жизни,
Над миром стоят облака.

Мне этого хватит, узнице,
Мне больше не задают.
И плавится солнце в кузне,
Где впрок времена куют.

Май 2002

* * *

Как мёртвым весть подать?
Ведь там — не тут.
Лишь в сны, — ведь им претит столоверченье.
А явятся — всю рыбу распугнут:
Приходится пригашивать свеченье.

«Да я не умер!» — врут. А вдруг не врут?
Но о земле сомнительно раченье
Туда вошедших, где весь день поют:
«Житейское оставим попеченье!»

Что происходит с тем, кто взял редут,
Который все штурмуют там и тут?
И где страшней — в бою или в ученье?

Ночь тяжела, как пролитый мазут.
Какие-то автобусы везут
Нас к непонятым пунктам назначения.

Весна 2002

Памяти Евгения Хорвата

Так плыли — голова и лира...

Марина Цветаева

*Евреи, редкие славяне,
Я вам племянник всей душой.
Зачем вы посланы слоями
На этой площади большой...*

Евгений Хорват

Стихи! Вы были ниоткуда:
На струп — елей, на лоб — остуда.

Вы ничего не упрощали,
Стихи, и столько обещали!

То ваших арок анфилада
Орфея вывела из ада,

И нам давая шанс прорваться...
Венецианскими палаццо

Вы отражаетесь в каналах,
Вы сохраняетесь в анналах, —

И, сгорбясь, города ночные
Сжимают в кулаках речные

Свои аорты, и, как в воду,
С мостов мы смотрим — ищем броду,

И к небу обращаем лица, —
И ждём, чтобы дождю пролиться.

Ужели тучи обнищали?
Стихи, вы столько обещали!

Ужели засуха настала
И кровь из раны течь устала?

Зачем же реки не мелеют?
Зачем они челны лелеют,

И, ничего уже не знача,
Плывут по ним в долину плача,

Как древле, голова и лира,
Средь отвернувшегося мира?

31 июля 2002

* * *

Зачем закат нарочит,
И трубы в него торчат?
Всё главное в мире — молчит,
Все важные вещи — молчат:

Весна, и дымы из труб,
Известные наизусть...
Душа не разлепит губ.
И не отвечает — Русь.

Безмолвен вечерний свет.
Молчат амфитеатры туч.
Мир заперт и сдан под ключ:
Кличь, дергай, — ответа нет.

Но с мира — какой и спрос?
И спрашиватели — где?
Молчит Иисус Христос
На Иродовом суде.

Не всё ведь, что в мире есть,
Мы знаем по именам...
И ангел несёт весть
По небу: мимо — и нам.

Немой, он трубит в трубу,
И каплют в слух, как роса,
Как мир в святом гробу,
Неслышные словеса.

Октябрь 2002

ВЫСОКАЯ ВЕСНА (Памяти весны 1973 года)

*Весна, весна, пора любви,
Как тяжело мне твоё явление...*

А. Пушкин

Чрез годы, вспять, не воспаришь.
Довлей, запрет, устам.
Весна! Ты высоко горишь,
Но ты осталась там.

Прозрачный гейзер в небеса,
Ты кораблям небес,
Как ветер, наполнишь паруса —
Там, в прошлом, годы чрез.

Смотри, подсохли пустыри,
И в шлюзы подовой зари
Вторгаются суда.

Ала поддонная вода.
Куда втекают города?
А ты, душа, — куда?

Ноябрь 2002

Мене, Текел, Фарес

Тучи Вавилона к нам идут,
Войско фараона уже в пути.
Не сдаётся только один редут,
А солдат в нём — не более десяти.

Помутилось море уже совсем.
Золотая рыбка нейдёт на зов,
И столпы Вселенной,
Счётом семижды семь,
Поползли тихонечко из пазов.

— Эй, братва, нас предали! —
с борга кричит матрос,
А братва и в ус не дует —
Ей по фонарю,

Что мертвец у руля,
Что оборвался трос,
Что не вытравить якорь...
Так встань и молись царю,

Если веришь в царя,
А в Бога «ещё не так»...
Если же веришь в Бога, — то лучше молись Ему.
Всё равно у царя твоей жизни цена пятак,
Да и тот тебе придётся выплачивать самому.

Колесницы мчатся по небесам,
Ими правят убитые.
Мгла у них на уме.
Что у туч
Электронной строкой
Бежит по кайме?
«Мене», «текел», «фарес» и, кажется, «у-пар-сам»...

Или «у-пар-син»...
Нет, это закат, это — липкий скотч
На губах у туч,
Окунутых в вермут (который в рот не попал...)
Вот падёт последний редут —
Въедет в город Ашшурбанипал,

И наступит ночь.

Не наступит,
Покуда редут не пал.

8 ноября 2002

* * *

Я везде прохожу насквозь:
Лишний гость — точно в горле кость.
Я — тот самый вынутый гвоздь,
От которого любят след.

Я исчезла в просторах глухих европ,
Я стою у порога, где света сноп,
Не засвечиваться чтоб
И не застить собою свет.

Много Бог понасосоздал — тогда и тут.
Откопать всё это — не зряшный труд.
Это — подвиг, которого люди ждут,
Ну, положим, дождались, и?..

Дальше должен явиться кто-то другой,
Кто стоял бы в дому лишь одной ногой, —
Чтобы в доску свой, но в душе изгой:
Осмыслитель всея Руси.

Это буду не я: я — в своей волне,
Мои письма и письмена — вовне,
Я отхлыну, влача на своей спине
Припорожного сора горсть.

Так дивись, дивись моему письму.
Я бы жизнь отдала за тех, кто в дому,
Но уж так получилось, что есть Кому.

*

И есть, кому вынуть гвоздь.

Март 2003

* * *

Сколько молчания, сколько покоя
В тучах весенних, идущих рядами!
Ангел летит с поднятой рукою
Над городами.

Замер трагедии голос козлиный.
Наизготове небесные трубы.
Сколько покоя в весенних разливах
Эльбы, Невы, Енисея, Данубы!

Нету более места звуку.
Мир вырывает к затакту.
Ангел, не опуская руку,
Стоя движется вслед закату.

Крестопоклонное воскресенье 2003

* * *

...В час вечерний, в час заката...

Н. Гумилёв

Просеивать — бесполезно
Песок из Святой Земли:
За каждой песчинкой — бездна,
И в бездне той — корабли.

Расплавленную зарёю
Плывут, как стихи, легки...
За каждой Святой Землёю —
Святые Материки.

Песчинку Иерусалима
Под веко — не взвидишь дня...
За каждой святой Вселенной —
Сплошной океан Огня.

Туда, пилигримом сирым,
Откуда огонь сквозит,
Туда, разминувшись с миром,
Корабль, в цепях, скользит:

За верность провисшим звеньям —
Хотя б и Огонь угас! —
Он платит исчезновеньем
Из поля зрения нас,

Оставшихся здесь, с простыми,
Петь песни и водку пить,
Пенять на пески пустыни
И на караван копить.

1 апреля 2003

* * *

Всё, приплыли. Не помнишь причала?
Отплывал-то отсюда, поди...
Святость, это — конец и начало.
Жизнь — она целиком посреди.

Святость — альфа, она же — омега,
С марафоном на месте тире.
Святость — слаще сгущённого снега
В раскалённом июльском дворе:

В той пустыне, что не опустела,
Где, в пространство уставивши взгляд,
Бессловесные радости тела,
Словно суслики, молча стоят.

В той пустыне, где весел Иуда,
Где не гаснет коричневый свет,
И кричит мегафон ниоткуда:
«Времени нет!»

Июнь 2003
День городского марафона

Приснившееся стихотворение

Небеса зачитали у человек
Книгу Грааля.
Вот лежит она в складке неба,
Соскользнуть на землю не может.
Слева — бескрайние облачные холмы
С позлащёнными лбами,
Справа — безбрежное синее море,
Всё в белых барашках.
Вот лежит она там
И никому не мешает,
И не то что о ней никто не помнит —
Просто никто о ней и не знает.

То ли она — Голубиная Книга,
То ли не более чем один из её списков,
Или же Голубиная Книга — список с Книги Грааля?

На закате приоткрывается складка неба,
И отщёлкиваются на обеих книгах золотые застёжки,

И пытаются обе книги
Перевести себя в золотое молчанье,
В разливанное море лучей
Над судьбами человек.

Июнь 2003

* * *

Нелюдимо это приримское,
Тирренское море —
Ни одной триремы,
Красное солнце тонет в тумане.

Я стою, отдирая от кожи
Щупальца Третьего Рима.
Впрочем, был только Первый —
Я ловлю Историю на обмане,

На подделке, подлоге: свернули в марево Трои,
В поражение, на дремучую тропку Энея,
В сумерки, в вечный туман, а греческие герои,
Не оглядываясь, уплыли туда, где эгейская гладь синее,

На своих ослепительно белых судах,
Всех, а не половинным списком,
В белый блеск победы,
В будущее Элады.
Я согласна на Третью Эладу.
Третьеримским изыском,
Третьеримским сыском я пренебречь готова,
Лишь гражданством, пожалуй, нет.
Пригодилось же Павлу.
«О, яду мне, боги, яду».

Или нет, с героями — скучно:
Чересчур весома и зримо.
Крит накрылся, а на фоне Крита Гомер —
Молодой дикарь и зануда.
Или уйти пешком в пустыню, на место будущего Иерусалима,
Натянуть там шатёр — и уже ни ногой оттуда?

Август—октябрь 2003

* * *

Я блуждала в сухой сосновой глуши,
Я смотрела на тучи из недр травы.
Что мне Рим? —
Рим канул на дно души,
Как монетка на дно фонтана Треви.

Как бы этой монетке на жернов не потянуть,
Как бы вместе с нею и миру не потонуть...

2001—2003

Заявка на венок сонетов

Чу! — Тьма о ночи возвестила.
Стоят над Питером светила.
Над Кёльном — в ряд, над Шартром — в ряд,
А здесь — не в ряд, а так — стоят.

Под ними — бездыханный город,
Невою надвое распорот,

Весь — с островами, с потрохами:
Шуты, святые, хам на хаме,

Царь на коне, а конь на камне,
И кажется путь его рука мне,
Но я сперва спрошу у звезд:

Исаакий мне заходит с тыла,
Стоят над городом светила,
И через бездну брошен мост.

2003

Читая воспоминания Марины Малич

Как по левую руку да от Литейного моста
Уж да как пробоина в нашей подводной лодке —
Дырка в ноль, в никуда, и хлещет вода:
Шесть крестовских месяцев Даниила Хармса.

Как он там умирал и умер от голода,
Воздух и разорвался.
Разорвалась и ткань времён,
А мы-то себе живём
И дудим себе на его дудке,
Весёлые идиоты.

А когда мы учились в школе, —
Специально ездили к этой невидимой дырке: смотреть салют.
А дыра молчала,
Забиралась в рукав,

Исподволь облучала,
Исподлобья смотрела: кто это такие тут.

За спиною Финляндский вокзал и броневик,
На котором Ленин
И ЦК Комсомола, где нужно знание Устава.
Впереди, по левую руку, сплошной Пелевин,
То есть хрустальный мир, то есть Расстрельный Дом,
и Дом Писателей — справа,

Впрочем, он скоро сгорит,
И с моста видны мосты,
А по левую сторону, сзади, кирпичневые Кресты,

А над ними тучи, как провода, обвисли...
Но минута — и строятся башни,
И флот плывёт по Неве.
«Разбуди меня сильного к борьбе со смыслами!»
А не хотите ли сзади бутылкой по голове?

Флот плывёт, уплывает от набережной Дворцовой,
Прочь, в нездешнюю высоту, — от воды свинцовой,
Покидая обетованный, убитый город,
Не желая в этом городе больше смотреть салют.

Мы — заткнём эту дырку тряпьем,
Мы — привычные от начала,
Нас рябая заря на руках качала
И в музее Октябрьской Революции (справа, подальше)
с экскурсией привечала.

Мы-то, может, и вылечимся.
А вот нынешние далеко не уйдут.

2001–2003
Петербург

* * *

...И где совопросник века сего?..
I Кор., 1:20

Как много нам дали сроку!
А проку, мой друг, а проку?

Что было — ничем не стало.
А тело? Его так мало!

Скелеты лежат в раскопах...
А слово? — Его так скупо

Отмеривают в эмпириях...
О поле! — Ты всё в пыреях,

И в плевелах, и в проплешьях...
Да, мы обгоняли пеших,

Мы совопрошали время,
Мы сеяли в землю семя,

И семя в нас прорастало...
Но намолота — так мало!

Как насмех — пылинки, крохи...
И всё же — дела неплохи.

Грядущему Левиафану,
Грядущему Бегемоту
И это, как соль на рану, —
Хоть что-то, мой друг, хоть что-то!

И чьё торжество поспело —
Над тьмою в ночной трубе — да,
Хотя б она всех и съела, —
И это уже победа.

* * *

В бесконечном, бездонном,
В совпадающем со Вселенной
мокром ночном ленинграде,
Сгорбившись и поднявши воротники,
Вдоль потусторонних улиц,
Освещённых нездешними фонарями,
Уходят люди.

Каждый из них совпадает со всей Вселенной

Или даже больше неё,
Мироздание уместается в их кармане.
Их дневная жизнь
и дневная жизнь ленинграда
Никакого значения не имеют.

безвоздушный кафка,
Переполненные уродами вагоны метро,
Службы в бюро, в кочегарках,
Мусор, бирюльки, тоска.
Ночью город равен Вселенной.

И они уходят, поднявши воротники,
Спрятав руки в карманах,
В направлении к окончанию тысячелетия,
Где мерещится хоть какой-то рассвет.
Но попробуй переживи четыре часа утра!
Вот они и не переживут.

Я стою на балконе девятого этажа,
Мне одиннадцать лет,
Я беззвучно кричу им с башни:
«Оглянитесь! Эй, эй, прихватите меня!
Прихватите меня, я с вами, я с вами!»
Но они не слышат.

Да и если бы слышали, не оглянулись:
Как же, как же, нужна я кому-то.
(Это, впрочем, только с маленькой буквы...)

Грустные люди уходят, поднявши воротники,
Мимо бетонных заводов, ночных заборов
Под дождём без зонтиков, руки в карманы.
Я смотрю им вслед с перекрученным сердцем:
Кто-то будет вот так вот когда-нибудь провожать и меня,
Уходящую в ночь неизвестной сырой дорогой
В глубину изменившегося Петербурга.

1984–2004

* * *

Мы были зелёным виноградом,
И я бы спела вам песню
Про виноградаря и его привычки.

Вот нас топчут босые ноги.
Мы меняемся и с тоскою
Бродим в амфорах у дороги,
Врытых в землю Его рукою.

Будет ли вино — неизвестно.
Выпьют сразу — или нескоро?
У алтаря пригубит невеста
Или спрячут в подвал собора?

Виночерпий нас разливает...
Зрелость, горечь и значат — спелость.
Для себя вино — не бывает.
А ему бы того хотелось.

Варианты — уксус и пена.
И спроси себя: рад ли? Рада ль?
Надо быть тем, что есть, бессменно.
Значит, так решил виноградарь.

1987–2004

Молчание

1

Скорый поезд по весям мчит.
За окном его всё молчит
И уносится. Склады, стада коров...
Неизменна лишь полоса холмов.

И она молчит. И томят меня
Острова молчания в шуме дня:
Впереди. У локтя. И за спиной.
Это просто так, или это пришли за мной?

Или, может, они обо мне не знают? Каждое — о своём.
Мир стоит на молчании и молчаньями прослоён.
На молчаниях разных вещей и не-вещей.
Мирно — шука молчит, и страшно молчит Кощей.

Вот сигнальных костров за речкой восходит чад.
А кометы, затмения? Случаются — и молчат.
Только всё же молчание — прерогатива небес.
Не молчи. Шуми, как трава и лес.

2

Мой поезд по равнине мчит.
Пейзаж в окне, летя, молчит.
Холмов печальная гряда
В окне — как слово «никогда».

Места, в которых нам не быть!
Их плащ вдали от нас влачим.

Их не согреть. И с рук не сбывать.
Зачем они? И то: зачем

Мы видим их в окно? Куда
Ведёт нас это «никогда»?
Оно от нас защищено:
На то в вагоне и окно.

Есть области, где нас не ждут,
Где нам излишне быть. Не жгут
Там свет для нас. Там нет судьбы.
Ни «может быть». Ни «если бы».

Жизнь — минеральная вода:
В ней пузырится «никогда».
И всё, что слышно в пузырьках,
Для нас — молчание. В веках

Твердеют капсулы пустот.
Их гипсом не зальёшь. Не тот,
Как говорится, геопласт.
Он раскопать себя не даст.

Не всё Помпея, где нас нет,
Где полости под слоем лет.
Есть и другие города
Под пеплом слова «никогда».

3

Мир на что похож? На пиниевый лес
Где-нибудь возле Рима. В Европе святых чудес.
Пиния — не лавр, не ольха, из неё не совьёшь венки.
Собирается мёд на иголках, а мусор веков — у ног.

Молча указывает ангел: имеешь глаза — смотри!
Поднимаются вверх пузырьки времён с молчаньем внутри.
Нас, как кроны пиний, мир несёт на весу.
Много в мире молчаний. Они — озёра в лесу.

4

Не вы Меня выбрали, а Я вас.

Молчание холмов. Молчанье деревень.
Молчание певцов, которым стало лень.
Молчание зарниц. Молчанье вешних луж
И отражений в них. И фраз с частицей «уж».

Уж вечер наступил. Уж зажигают свет.
Молчание того, что нам не смотрит вслед.
Робея перед ним, я никну головой.
Ему б фонарь в глаза. Но бесполезен свет.

Свет — вслух. Свет — вперекор молчанию дорог.
Молчанию о всех, кто шёл и изнемог.
Молчанию пустынь, когда прошёл самум.
Молчанию детей, принявшихся за ум,

Усевшихся в углу... молчанью быстрых туч,
Перебирающих в себе последний луч.
Молчанью городов (любой — многоочит),
Молчанью тех, кто смолк: молчание — молчит.

Молчание крестов и линий на руке.
Излучин, и кустов, и ряби на реке.
Молчание костей. Молчание планет.
Молчание всего, чего на свете нет.

302

Молчанье — это брешь и в мирозданье — течь.
И Выбравшего нас неслышимая речь.
Оно — порочный круг. Пещера в никуда
Или в подземный мир, где плещется вода:

Молчанье ледников. Молчанье дальних сёл.
Молчание всего, за чем таятся ВСЁ.
Молчание светил в окошках поездов.
Молчание гвоздей, ползущих из пазов.

Опять-таки, озёр. Заснеженных плато.
А мы — нас как бы нет. Мы — под углом. Зато
О всём, что в мире есть, но не включает звук,
Мы — те, кто не молчит
и размыкает круг.

Март 2004

Семидесятые годы

Пузыри ли на месте церквей? Там до неба крапива.
Пузыри ли в просторах небес? — То душа разрастается криво.
Кто подвяжет её, кто в неизвестном дыры зачинит?
То ли всё это — после конца, то ли — в самом зачине.

Мы и сами собою страшны, и как дети увечного века.
Как бы нам раздобыть себе посох и стать человека?
Всё, что было святого, почти опустело.
Прячет пИнгрин в расщелину жирное тело.

Кто сказал — можно жить? Можно выжить? — Предатели звука,
Извращенцы, торговцы сердцами, прощатели слизи,
Отыскавшие в царстве её сухие местечки
И танцующие на них, как пьяные на карнизе.

1986—2004

303

* * *

По тонкому льду над морем слёз,
По цветной тафте на чёрном шелку...
Вот орёл пролетел и кого-то унёс.
И ещё раз убыло нашего полку.

А унесённый сидит в гнезде на верху скалы,
Озирается среди туч.
И клекочут в ухо ему орлы
О неведомых тайнах снегов и круч.

Мы не будем братья за руки,
Это здесь ни к чему.
Наша связь должна быть прочнее —
Не всех же возьмут орлы.

Жалко бывшей жизни в узорчатом терему.
Да и то, по привычке у печки курлыкать своё курлы.

И, казалось бы, не подличала, не крала...
Почему же мой терем стоит на песке из слёз?
Это видно только тому, кто в когтях орла.

*

Но для этого надо, чтобы орёл унёс.

2004

* * *

*И напитана их от тука пшенична,
и от камене меда насытита их.*

Псалом 80

Мы высвобождаемся с каждым прожитым годом,
И кажется — мир вокруг всё меньше знаком.
Нас кормят пшеничным маслом, каменным мёдом,
Небесным хлебом, пророческим молоком.

И ясно видишь, лишь только разлепишь веки
И заговоришь языком умерших, что ВСЯ — не долга,
Что слишком медленно текут молочные реки
И слишком тряски кисельные берега.

2004

Мария Каменкович (1962–2004)

Родилась в 1962 г. в Ленинграде. Закончила филфак питерского университета по профилю структурной лингвистики. Участвовала в работе семинара по семиодинамике Р. Баранцева. Опубликовала несколько поэтических переводов с разных языков. В качестве соредатора несколько лет выпускала самиздатовский журнал религиозной ориентации «Соты».

В 1989 г. занялась переводом и изучением трудов английского писателя Дж. Р. Р. Толкина. Сделала несколько передач на радио, посвящённых творчеству этого писателя, написала о нём несколько статей, выходивших за рубежом в специальных журналах, в петербургских газетах, журнале «Всемирное Слово». В соавторстве с В. Карриком и С. Степановым опубликовала перевод «Властелина Колец» Толкина (от других переводов отличается прежде всего наличием подробных комментариев; Беляевская премия 1996 г. за комментарий), а также переводы малой прозы и некоторых стихов Толкина.

В 1996 г. вышла первая книжка стихов «Река Смородина», номинированная на премию «Северная Пальмира». В 1999 г. — вторая книга стихов, «Михайловский замок». В 2002 г. — третья, «Дом тишины». В Германии стихи и статьи напечатаны в русских журналах «Родная Речь», «Крещатик», «VIA REGIA», «Студия», «Век XXI», «Партнёр». В июле 2001 г. — большая публикация стихов в газете «Русская Мысль». В мае 2004 г. — подборка стихов в «Новом мире».

В 2005 г. — посмертное издание «Петербургские стихи» при содействии Ольги Бешенковской.

Содержание

Демьян Фаниель. Слово, пылающее в Бытии.....	3
ИЗ КНИГИ «ГРАФИКА».....	8
Графика	8
«Надиктовывает щедро...»	9
«Сюда неузнанною прихожу...»	11
Из Уистана Хью Одена	12
Из Уистана Хью Одена	12

«Как неуследимо...»	13
«Дал мне шёлковую рубашку...»	14
«Враг мой — время...»	15
«Взгляд через дождики стекла...»	16
«Голубые облупленные стены...»	16
«...И в этот скорбный миг свиданья...»	17
«Как бы, Господи, не любовь...»	17
«И какой же трёхтомный, осенний труд...»	18
Ноябрь	18
Берег	23
«Нет в нашей речи правды, любимый, ибо...»	24
«О судьба, нестрашных людей...»	25
«Одной ногой оставшись на земле...»	26
«...От пламени — копоты на аршин...»	27
«По окончанье драповой зимы...»	28
«Полгода уже без стихов — идёшь...»	28
«Приложите ухо к снам...»	29
Предчувствие	29
«Такому горю не помочь...»	30
«Час истёк. Заволокло закат карниза...»	32
«Я не жду тебя, о Весна...»	32
«Иератическое имя...»	33
«Сколько горевала о вас...»	33
ИЗ КНИГИ «ДЕРЕВЬЯ»	34
«Гул от времен как от пустого...»	34
«Очарованный ангелом помнит как приступ ИНОГО...»	35

«Словно чёрной воды наглоталась...»	36
Время коротких поездок	36
«Зовём, — но не спешим принять...»	38
«Моя ли то была затея...»	40
«Где город дрябнет и сорит...»	41
«Не соблазлись на эту милость...»	41
«Неблагодарные восторги...»	42
«О человек, ты сужен...»	43
«Откуда ты, желание свобод...»	44
« — Отложи благодаренье...»	44
«Подумай, чему наступает конец...»	46
Ангелу-хранителю	46
«Уже не рисунок, а штрих рисунка...»	47
ДЕРЕВЬЯ	48
ИЗ КНИГИ «ЛЕТО ОТСТУПНИЧЕСТВ»	56
«Не то спасением пахнуло...»	56
«Алеей лип, аллеей месс...»	57
Лето отступничеств	58
«Сирень пресна. И дрёма борет...»	58
«...Подбородком о клеёнку...»	60
«Слово, ветер, в лицо скажи мне...»	61
«Слово, ветер, в лицо реки мне...»	62
«Нет ни воли в руках, ни в очах — огня...»	62
«Удержись, удержись...»	63
«Я не хочу дожидаться, покуда...»	64
«Ты и умер, и жив — душа...»	64
«Я человек травы да туч...»	65

ИЗ КНИГИ «ПОДСТРОЧНИК»	66
«И не только жизнь одна, но и мир — один...»	66
«Чистое солнце древнего Праздника...»	67
«Отечество, Родина, град зубчатый...»	67
Бюллетень	68
«Не пойду я в сад...»	69
«Колыбель и могила моя, колыбель и метель...»	70
Диалог	71
Холм субботний	74
«Во сне судьбу мою решили...»	76
«Дело голоса — снять печать...»	76
РОЖДЕСТВО	77
«В притинах озарённой ночи...»	77
«Над угловатым чернолесьем...»	78
«Когда, огромный и далекий...»	78
«Вкруг городов, сомкнувших створки...»	78
«То полусферой багровой...»	78
«Бредут барханами верблюды...»	78
«Другим путём бредут верблюды...»	78
«День долго заводил ладони...»	78
ИЗ КНИГИ «ОГЛАШЕНИЕ»	83
«Очнулась у страшных владений Бога...»	83
«Старый лад больше не нужен...»	84
Страх	85
«Чем оттепель нехороша...»	86
«Есть такие ещё леса...»	88

«Сад в Александро-Невской лавре по дороге в Петербургскую Духовную академию».....	89
Пожары.....	92
ИЗ КНИГИ «ГИБЕЛЬ КОЛЕСНИЦ».....	95
РЕКА СМОРОДИНА.....	96
«В полнолуние вещей...».....	102
«И, люди, вы, которые вовне...».....	102
Прогулка близ Сестрорецка.....	102
«Я точно помню, когда появились первые низкие мысли...».....	105
ИЗ КНИГИ «ЗАРЯ АПОКАЛИПСИСА».....	105
Покаяние.....	106
«На путях земного круга...».....	109
«Всё проходит слишком скоро...».....	111
В сторону Токсово.....	112
«Наш мир — что-то вроде волока...».....	115
Размышления по поводу опасной болезни.....	116
«Тишина. Со скрещёнными руками...».....	118
«Ты — мужество, ты — юность, ты — любовь...».....	119
«Подстриг мне крылья брадобрей Оккам...».....	120
«О изобилии Господне...».....	121
ИЗ КНИГИ «РИТОРИКА».....	122
«...Но как отмерить в языке благом...».....	122
«На чёрной пашне, — в час алеющей денницы...».....	122
«...Но я мотивом небрежу...».....	78

«Душа бездействия не стерпит...».....	123
«...Вечносухие фонтаны. Сады классицизма...».....	124
«Я — пленник града-ломаки...».....	125
«Смерть разрушает не спеша...».....	126
Риторика.....	127
«На ветру глаза слезят...».....	128
«О мы не первая трава...».....	130
Спас на крови в Петербурге на канале Грибоедова.....	131
ИЗ КНИГИ «КРАЙ ОТЦОВ».....	133
«Ибо между явью и сном...».....	134
«Алатырь — это луч и взгляд...».....	134
«Я не буду чаю пить...».....	135
«...И всякий один остаётся...».....	137
«Теперь мне яснее...».....	137
«За дозорною облачною цепью...».....	138
ИЗ КНИГИ «ПОРАЖЕНИЕ».....	139
Пятница.....	139
«Неведомы буквицы неба...».....	141
«По убыванью человечности...».....	142
«Не Ты ли волен, сделавший людей...».....	143
«О лавра — и ни места кроме...».....	144
«...Но полон и праздничен каждый миг...».....	144
«На временах горит рубаха...».....	145
Заключение.....	148
«За отрогами воли...».....	148
«Там никому никто не рад...».....	149

ИЗ ЦИКЛА «РЕКВИЕМ»	150
Баллада о верхнем свете	150
«На гроб, — вонзился, как бемоль...»	152
«Открой Послание к Галатам...»	153
«Не под звездой, но внутри звезды...»	154
«В плену эфемерид — незримых тел...»	155
«Где стихи? — Ушли в зазеркалье...»	156
ИЗ КНИГИ «МИХАЙЛОВСКИЙ ЗАМОК»	156
«Рассветный, мёрзлый, алый час...»	156
Суббота	157
«Всю зиму дул морской ветер...»	160
Зима телемана	161
«Принципов белый огонь...»	161
«Театр этих зданий — как колода...»	162
«Кто ночью не просыпался...»	164
Леса на Храме Воскресения	164
«Видно, многие умерли за меня...»	166
«Мир более не будет молод...»	167
«Раскрыть бы тонкое значенье...»	168
«Пока иду земными судьбами...»	170
ИЗ КНИГИ «ДОМ ТОРГОМА»	171
«Армения глядит из глубины...»	171
«...Не об одном, не об одном ли...»	173
Тбилиси	175
«Шестимерный эдемский свет меня озарит...»	176

ИЗ КНИГИ «ПЕРЕВОДЯ ТОЛКИНА»	176
«Зима. Мочёная брусника...»	177
«Когда мы вылупились в зиму...»	178
«Я думаю, день, ты минул...»	180
ИЗ КНИГИ «ТАК ЗИМЕ УГОДНО ДЛИТЬСЯ»	181
Та зима	181
Парсифаль	183
«Я — покинула храм. Прости мне...»	184
Автобус	185
«Так зиме угодно длиться...»	187
ИЗ КНИГИ «СЕМИНАР»	189
Anima	190
Страх смерти	190
ИЗ РУДАКИ	192
Мир	192
Треугольник Фреге	192
«И, выйдя из этого дома, я знала...»	193
К юбилею Пушкина	194
Обращение к Регенсбургу	195
«Три звезды мне на сочельник...»	198
Рафли	199
ИЗ КНИГИ «РЫБА ВЕЛИКАЯ КИТ»	200
«Уж на лесах осенняя порфира...»	200
«Открытие...»	201

«Эти земли — наши владенья...»	202
«Там руки воздевает лес...»	203
«Чего-то одного непониманья...»	204
«Сколько неназванного...»	204
«Продёрнула весну...»	205
«Никольский собор...»	206
«И молча обескрещённая церковь...»	206
«Мы выстаиваем среди чёрных волн...»	207
«Люди забудут...»	208
ИЗ КНИГИ «МУЗА ПЛАЧА»	208
Муза Плача	208
«Благодарю, Господи, за ночные ключи стихов...»	209
«Когда цветут орфей и эвридика...»	210
«Дни разлуки с Тобюю...»	210
«Век ли мне вопрошать, не выслушивая ответа...»	211
Венеция	212
Элисенваара	214
«К серебристой Фландрии, затканной...»	217
«Куда мне деваться от русского слова „звезда“...»	219
«Не оглянись! Ни в профиль, ни на волос...»	220
«Кому Ингеримаа, кому в песке следы...»	221
«Одевая небо облаки!..»	222
Музе	223
«Оплакивание — мой долг...»	224
«Приди, моя Голландия, приди...»	225

Подражание Брюсову, Ходасевичу и всем остальным, пытавшимся дописать неоконченные стихи Пушкина	226
«Скоро не будет вещи, с коей бы — мой союз...»	227
«То белая, то серая стрела...»	227
«Со мною облака не говорят...»	228
«Увы, приятель умерший не снится...»	229
«Я пришла из небытия...»	230
«Ивы источают камедь...»	232
«Я знаю, через несколько столетий...»	233

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ	234
Иероглиф дня	234
«Когда друзья пировали в среду...»	234
«Мне не казалось, будто вино...»	235
«Там глаз малиновый висел...»	235
«Я — на окраине души...»	236
«Невесенний ветер высох...»	237
«Над городом, нищи и босы...»	238
В одиночестве (из Эдгара Аллана По)	239
«Не существует других государств...»	240
«Что тревожит меня в моём ноябре...»	240
«Знаю: за дерзость — заплачу...»	241
«Я — очевидец своих восемнадцати лет...»	241
«Здравствуйте, новые вещи...»	242
Путешествие	243
«Мгла восходит, не выкипая...»	252

Прелесть	253
«Так получилось...»	254
«Моя свобода, моя отрада...»	261
«Душа родилась...»	262
«О Великая среда, труби золотой трубою...»	262
«Во тьмах, провалах тишины...»	263
«Высшим меня — и равным...»	264
Сон	265
«И смотрят твои купола, о Восток...»	268
«Как месяц из-за гор...»	268
«О, как скучать я обучилась...»	269
«Но что влечёт нас...»	270
Две стихии	271
«О нищета вещей и городов тщета...»	272
«Город, глубокий корабль...»	272
«Благородные деревья Европы...»	273
«На Воздвижение тонут корабли...»	274
«Мир счастливоконечен, чудодеем...»	275
«Апостольский, архангельский, небесный...»	276
«На лёгкой туче пролетая...»	277
«Допрашивая ветку Палестины...»	279
«Путь в небеса не отягчён возвратом...»	280
«Живём темно, и окаянно...»	281
Неизвестному солдату	282
«— Скажи да скажи, Кощеюшка, где твоя смерть...»	283
«Прости, Господи, тех, кто делал аборты...»	284

«Ну что же, прощай, я тебя не неволю...»	285
Голоса уничтоженных и убитых	287
Об ангелах	289
«Я — слово (с маленькой буквы), пылающее в Бытии...»	290
Европейский пейзаж с картиной Эль Греко «Пётр и Павел»	291
Дом тишины	293
«Настало вечное „потом“...»	294
«Уже недостаточно просто петь...»	295
1978 год	295
«Опускаются руки. Приходят тучи...»	296
«Время, когда рябина ещё не добрала в цвете...»	297
«Я словеса плела, я их вязала...»	297
«О юные дочери Лавановы...»	298
«Владимирский, прилавочки свечные...»	300
«И всю Великую субботу...»	300
«Я дочитала Псалтирь по Кривулину...»	301
«Открыты ли двери в ризнице...»	303
«Как мёртвым весть подать...»	304
Памяти Евгения Хорвата	304
«Зачем закат нарочит...»	306
Высокая весна (памяти весны 1973 года)	307
Мене, текел, фарес	287
«Я везде прохожу насквозь...»	308
«Сколько молчания, сколько покоя...»	308

«Просеивать — бесполезно...»	309
«Всё, приплыли. Не помнишь причала...»	310
Приснившееся стихотворение	311
«Нелюдимо это приримское...»	312
«Я блуждала в сухой сосновой глуши...»	313
Заявка на венок сонетов	313
Читая воспоминания Марины Малич	314
«Как много нам дали сроку...»	315
«В бесконечном, бездонном...»	316
«Мы были зелёным виноградом...»	318
Молчание	318
Семидесятые годы	321
«По тонкому льду над морем слёз...»	322
«Мы высвобождаемся с каждым прожитым годом...»	323

Сборник стихов

Мария Каменкович

ИЗБРАННОЕ

Составитель Валерий Каменкович

Главный редактор

Юрий Смольянов

Редактор художественной литературы

Игорь Адамацкий

Технический редактор

Елена Голованова

Вёрстка

Наталья Макаренко

Корректурa

Марина Попова

Подписано в печать 18.07.2008. Формат 84×108^{1/32}.
Печать офсетная. Гарнитура «MyslC». Объём 20 п. л.
Тираж 500 экз. Заказ

ООО «Издательство ДЕАН»

191040, Санкт-Петербург, ул. Пушкинская, 10

Тел. (812) 712-27-40. Тел./факс (812) 764-52-85

E-mail: dean@peterlink.ru

www.deanbook.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов

в ОАО «Информационно-издательский центр

Правительства Санкт-Петербурга „Петроцентр“

ОП „Пушкинская типография“»

196601, Санкт-Петербург, г. Пушкин, ул. Средняя, 3/8

Тел. (812) 451-90-00

